ПИОНЕР

ОКТЯБРЬ 10

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА» 1970 г.

Разворачивайтесь в марше, пионерские отряды!

«Вы должны воспитать из себя коммунистов»,— говорил юным Владимир Ильич Ленин. Это было 50 лет назад, 2 октября 1920 года, на III съезде комсомола.

Для Ленинского комсомола, для всех пионеров Советского Союза — членов детской коммунистической организации — заветы Ленина всегда были и остаются самым главным законом жизни.

2 октября, в годовщину выступления Ленина на комсомольском съезде, двадцать три миллиона юных ленинцев еще раз проверили свою готовность дружно пройти маршрутами Всесоюзного Марша «Всегда готов!».

Первый год Марша посвящен XXIV съезду нашей партии. Пусть коммунисты страны увидят, какой растет смена.

КУРС МАРША. К юбилею пионерской организации.

ЦЕЛЬ МАРША. Боевая проверка верности каждого пионера Торжественному обещанию, Законам юных пионеров.

ПОЗЫВНЫЕ МАРША. «Тебе, Советская Родина, тебе, родная партия,— наши знания, наш труд, наша верность и любовь».

МАРШРУТ В «СТРАНУ ЗНАНИЙ» — это путь к учению на совесть, путешествие во все концы необъятного Мира Знаний. Проводниками ребятам послужат книги и журналы, научные общества и кружки, олимпиады, смотры, выставки.

МАРШРУТ «МОЕ ОТЕЧЕСТВО — СССР» — тропа следопытов, разведчиков революционной, боевой и трудовой славы народа, экспедиция юных геологов, защитников природы, стражей исторических и культурных памятников.

В 1972 году страна будет отмечать 50-летие образования Союза Советских Социалистических Республик. Походы по родному краю, изучение его истории, настоящего и будущего, дружба с пионерами всех союзных республик, содружество пионеров города и села, укрепление братских связей с ребятами всех социалистических стран, с детьми трудящихся во всем мире — все это ждет ребят на маршруте «Мое отечество — СССР».

«РАВНЕНИЕ НА ПИОНЕРСКИЕ ЗНАМЕНА» — это строгое и красивое движение пионерских колонн с песней и речовкой, горном и барабаном. Это знание обычаев и ритуалов, принятых у пионеров, бережное хранение чести своего знамени, отрядного флага. Это дорога поиска имен и событий пионерской истории в своем городе, селе, в своей школе.

«ПИОНЕРСТРОЙ» — маршрут открывателей полезных дел. За открывателями пойдут отряды, чтобы трудовыми десантами и операциями помогать взрослым в их работе. Главный объект Всесоюзного «Пионерстроя» — строительство Дворца пионеров на Чукотке. Сюда со всех концов страны отправятся рубли, заработанные ребятами по заданиям заводов, колхозов, сельсоветов и исполкомов.

Каждый отряд готовит трудовой подарок к пионерскому юбилею. К концу Марша будет создана Всесоюзная карта «Пионерстрой-50».

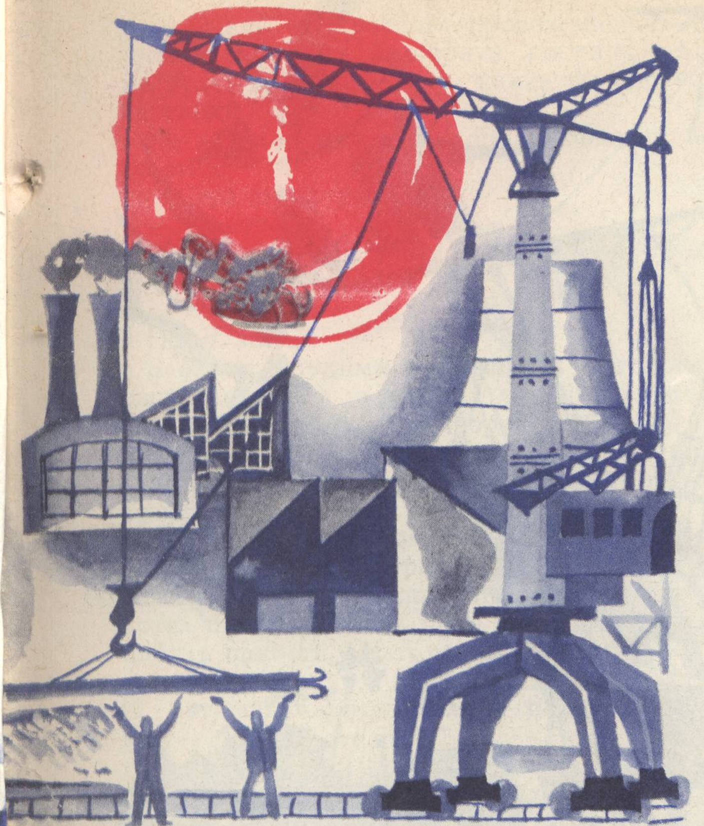
МАРШРУТ «ЗАРНИЦА» — путь каждого пионера к овладению юнармейскими специальностями, к получению спортивного значка. Это

дорога испытаний на выдержку и отвагу, ловкость и силу в военно-спортивной игре «Зарница».

МАРШРУТ «СОЛИДАРНОСТЬ» — это поход пионеров за мир против варварских, бесчеловечных войн. Следовать маршрутом «Солидарность» — это значит участвовать в международной акции «Юность обличает империализм», громко заявлять протест против захватнических войн, помогать детям народов, сражающихся за свободу, активно работать в клубе интернациональной дружбы и вместе с зарубежными друзьями создать большую книгу — сборник ребячьих сочинений, писем, стихов и рисунков «Пусть всегда будет солнце!».

И, наконец, **МАРШРУТ «ЗВЕЗДОЧКА»** — это проторенная дорожка к друзьям-октябрятам, которым нужна помощь, и дружба, и совет.

Финиш марша — V Всесоюзный слет пионеров. Он состоится летом 1972 года.

ЕСЛИ ОТЛИЧИТСЯ НА МАРШЕ ТВОЙ ОТРЯД, ТВОЯ ДРУЖИНА, комсомол назовет их **«ПРАВОФЛАНГОВЫМИ МАРША»,** прикрепит к дружинному знамени, к отрядному флагу почетные ленты. Лучшие участники маршрутов получат почетное право быть делегатами V Всесоюзного слета.

Желаем успеха тебе, твоему отряду, твоей дружине!

РАЗВОРАЧИВАЙТЕСЬ В МАРШЕ, ПИОНЕРСКИЕ ОТРЯДЫ!

Теснее ряды! Шире шаг!
Счастливого пути!

Выходит с 15 марта 1924 г.

ПИОНЕР

Ежемесячный детский журнал Центрального Комитета ВЛКСМ и Центрального Совета Всесоюзной пионерской организации имени В. И. Ленина

ОКТЯБРЬ 10

Издательство «Правда»

Москва 1970 г.

Внимание: пионерская радиостанция **«ЗДРАВСТВУЙ!»** уже получила и передает вести с марша. Радиостанция начинает свою работу на **пятьдесят четвертой странице.**

Все читатели «Пионера» приглашаются принять участие во **втором** важном **эксперименте** журнала, который поможет узнать и сделать достоянием науки неизвестные пока приемы **«УЧЕНИЯ С УВЛЕЧЕНИЕМ».** Все на **восемнадцатую** страницу!

Ты догадываешься, конечно, что современный **космодром** — это сложнейшее конструкторское сооружение. Хочешь побывать у проектировщиков космодрома? Увидеть это поистине богатырское поле? Тогда открывай **тридцать вторую** страницу.

Сомнение, которое высказал в своем письме в редакцию ленинградец Андрей Порошин, затрагивает один из самых сложных **вопросов художественного творчества.** Люди спорили об этом на протяжении столетий. Вы тоже сможете поразмыслить над вопросом Андрея, если заглянете на страницу **пятьдесят семь.**

21 октября 1520 года, ровно четыреста пятьдесят лет назад, флотилия парусников из четырех кораблей, упрямо следуя курсом к югу, у берегов Бразилии вышла к узкому, скалистому проливу, который был назван впоследствии **МАГЕЛЛАНОВЫМ.** История этого плавания, полная удивительных приключений, начинается на **шестьдесят восьмой** странице.

Эта огромная, весьма солидная машина и название имеет внушительное: **«БОЛЬШОЙ ПЛИТОЧНЫЙ АВТОМАТ».** Делает он **шоколад.** Каждый день и помногу. Как у каждого школьника, у него есть расписание: в понедельник он делает шоколад «Сказка», во вторник — «Басни Крылова», в среду — «Аленка» и так на всю неделю. Рассказ об автоматах-кондитерах, о машинах-кондитерах найдете на **сорок седьмой** странице.

ПО КОЛЕНО В ТРАВЕ

ПОВЕСТЬ **Владислав КРАПИВИН** *Продолжение*

Враг

Я опоздал на урок чтения. За это Антонина Петровна поставила меня в угол у доски. Я стоял, украдкой разглядывая рисунок, и мне хотелось зареветь от злости, досады и ненависти. Но реветь было нельзя: все решат, что я ударился в слезы потому, что в угол поставили. Я скомкал бумажку, запихал ее в баночку из-под крема, а баночку сунул в карман. Вернее, мимо кармана.

Подлая жестянка со звоном покатилась к учительскому столу. Крышка отскочила, и бумажный комок услужливо запрыгал к ногам Антонины Петровны.

— Очень интересно!— провозгласила Антонина Петровна, развернув рисунок.— Маме будет приятно узнать, какие ты рисуешь картинки.

Не хватало мне еще дополнительных несчастий!

— Это не я рисовал!

— А кто?

— Ну откуда я знаю! — сказал я с отчаянием.

Но я знал.

Блокнот с такими блестящими листиками, расчерченными в узкую линейку, был у Тольки Засыпина из четвертого «Б». Он его выменял у одного первоклассника за старинный пятак и увеличительное стекло, а потом всем хвастался, как облапошил малыша.

Значит, утром, пока я, хлопая глазами, любовался небом и травой, Толька выследил меня и узнал про тайник. Наверно, сперва он хотел просто догнать меня и сделать какую-нибудь пакость, а потом удивился, почему я иду не в школу, а к цирку, и стал наблюдать. И вот пожалуйста: ему — подшипник, а мне — сами знаете что.

На перемене я увидел Тольку. Он стоял, привалившись к стенке, и нахально крутил на пальце мой подшипник. Потом заметил меня, и на его роже появилась отвратительная ухмылка (ух, как я его ненавидел!).

— Ворюга! — сказал я, отходя к дверям своего класса.— Все равно тебя когда-нибудь повесят, спекулянт!

Он опустил подшипник в карман, перестал ухмыляться и пошел ко мне. Я укрылся в классе. Сделал вид, будто ищу что-то в парте, чтобы не выгнали дежурные. И с досадой думал, что прибавилась еще одна забота: идти домой из школы так, чтобы не попасться Тольке на глаза.

Что я мог сделать? Я его боялся.

Он отравлял мне жизнь постоянным страхом и унижениями. Придумал дурацкую кличку «Клямпа». Она не прилипла ко мне, потому что была непонятна для других ребят, но он все равно звал меня только так.

Сколько раз бывало, что из-за него я не мог играть со всеми мальчишками. Выйдешь на улицу, где собирается футбольная команда или компания для игры в войну, а Толька цедит сквозь зубы:

— Чего притащился, Клямпа? Мотай отсюда!

Я уходил небрежной походкой, будто мне и самому играть не хочется. Но никто этому не верил.

— Ну чего ты боишься? — удивлялся Славка Дыркнаб.— Дай ему два раза, чтоб мозги из ушей полезли!

Я бормотал, что неохота связываться, но все знали, что это — вранье.

— Дрожь в коленных чашечках,— пренебрежительно замечал высокий, изящный Марик Городецкий.

Хорошо ему было смеяться! Он-то, хоть и похож был на девчонку, никогда не страдал такой дрожью и мог отлупить сразу двух таких, как Толька. А уж одного — тем более. Но за меня не заступался: так не полагалось. По мальчишеским законам, каждый должен был сам отстаивать свое право на уважение.

Иногда кто-нибудь из ребят говорил Тольке:

— Да ладно, пусть играет. Жалко тебе?

И если у Тольки было подходящее настроение, он с издевательской добротой соглашался:

— Ладно уж, Клямпочка. Я сегодня тебя пожалею.

Я делал вид, что не замечаю таких речей или принимаю их за шутку. Но даже когда Толька объявлял перемирие, покоя не было. Он мог придраться к любому слову, к улыбке. И сразу грозил дракой.

Не знаю, почему он меня невзлюбил. Наверно, просто чувствовал, что может безнаказанно помыкать мной. Раньше этого не было. Когда он приехал в наш двор, мы вместе играли в войну, катались с ледяной горы, гоняли в сквере у цирка тряпичный мяч. Мы не дружили, но делить нам тоже было нечего. Но однажды мы поссорились, столкнувшись на самодельном трамплине, и я не стал ввязываться в драку, хотя он рвался. С того дня это и началось...

По вечерам, в постели, я мечтал о мести. Я представлял, как закалкой и упражнениями добьюсь удивительной силы. Мускулы у меня сделаются, как у борца. Я каждый день буду лупить Тольку (нет, даже два раза в день!), и он на коленях станет просить прощения. Будет ползать и умолять, чтобы я не лупил его так часто.

Но дело было не в мускулах. Толька был, пожалуй, не сильнее меня. Он подавлял меня безудержным своим напором, полной уверенностью в победе. Несколько раз он все же навязывал мне открытую драку, и я ничего не мог сделать. Раза два успевал ткнуть перед собой кулаками, а потом, прижавшись к забору, закрывал лицо, а он молотил меня, пока его не оттаскивали.

— Не могу я человека по лицу бить,— объяснял я ребятам.— Ну, не могу — и все! А он этим пользуется!

И ребята, кажется, верили. Но я врал. С величайшим удовольствием я врезал бы кулаком по Толькиной физиономии, но меня удерживал страх. Я боялся, что, получив крепкий удар, Толька совсем осатанеет и превратит меня в котлету.

Два года назад меня так же изводил один гад по прозвищу «Ноздря». Но он был старше на пять лет, и я не стыдился, что боюсь его. А сейчас... Лучше и не говорить.

Смешно было думать, что Засыпин отдаст подшипник. Я и не собирался просить. Наоборот, старался не встречаться с Толькой. К

самокату я охладел. Искать новое колесо было слишком хлопотно. В общем, я остался с той самой фигой, которую нарисовал Толька. Недаром говорят, что краденое добро не приносит удачи.

Я вспомнил эти слова, вычитанные в какой-то книжке, и вздохнул даже с облегчением. Потом закинул за сарай приготовленные для самоката доски.

Дыра в заборе была забита новой желтой доской. С той стороны. И Майку я больше не видел.

Новая встреча случилась только через неделю, когда были уже каникулы.

Я гонял по тротуару колесо.

Сейчас уже не встретишь такую игру.

А в те годы у каждого из нас, мальчишек, был верный железный спутник: колесо-гонялка. И каталка была. Это длинная толстая проволока с особым крючком на конце. Каталкой подталкивали колесо и управляли им. Кое-кто не расставался с колесом целыми днями. Идет мальчишка в очередь за хлебом или на базар: в одной руке сумка, а в другой — каталка, и бежит впереди колесо, жужжит, касаясь крючка.

Колеса были разные: обручи от маленьких бочек, кольца от каких-то механизмов и даже чугунные конфорочные круги от печных плит. Я владел плоским и широким кольцом от неизвестной машины. Внутренний край его был в мелких зубчиках. Очень удобно было тормозить: подцепишь каталкой — и намертво.

Сейчас колесо заменяло мне самокат. Я присвоил ему имя «Олень», и мы носились от угла до угла. Ветер легко шуршал у щек, тротуар пружинил, колесо звенело, и жить было весело. Несмотря даже на Тольку.

Пробегая мимо Майкиных ворот, я украдкой поглядывал на них. Калитка была заперта, но я думал, что, может быть, Майка смотрит на меня в дырочку. А вдруг в самом деле смотрит?!

И наконец я добегался!

Получилось почти так, как я недавно мечтал. Ведь вперед-то я не смотрел, и колесо все-таки угодило в щель. Каталка зацепилась за кольцо, нога — за каталку, и я на полной скорости «сбрякал» на тротуар.

Ох и крепко же я стукнулся! Несколько секунд лежал, и голова гудела, как внутренность гитары. Потом, кряхтя, поднялся, сел и (представьте себе) увидел Майку. Она шла ко мне по тротуару, и рядом с ней шел высокий старик с подстриженными усами.

Подняться на ноги я еще не мог и сделал вид, что полностью занят своими ссадинами.

Они подошли.

— Однако, целый! — с некоторым удивлением заметил старик.— Руки и ноги на месте. И слезы не каплют. Если не каплют, значит, все в порядке. Так? — спросил он у Майки, а не у меня.

Майка хмыкнула и промолчала. Я из-под опущенных ресниц следил за ними. Старик это заметил.

— Интересно,— сказал он опять Майке.— Видать, это наш сосед. А не он это доску-то отломал?

Майка жалостливо посмотрела на меня и улыбнулась.

— Ну, что ты, дедушка! У него и силенок-то не хватит. Другой оторвал, большой и белобрысый.

Дед усмехнулся.

— Тогда я пошел. А ты?

— Иди,— сказала Майка.— Я скоро приду.

И чего ей надо? Шла бы вместе с дедом!..

— Ну? — с интересом спросила Майка.— Что же ты не закинул его на трубу?

Она смотрела на меня даже без ехидства, а так, как смотрят взрослые на маленьких болтунов. И чуть улыбалась.

— Еще издевается! — мрачно сказал я.— Тут у человека рана такая...

Вывернув локоть, я показал «рану».

— Ой, беда! — насмешливо откликнулась она.— Плюнул бы на подорожник да прилепил бы. Вот и все.

Нет, она не собиралась отрывать подол и торопливо перевязывать мои царапины. Не думала ронять прохладные слезинки и шептать ласковые слова.

Я сердито встал и с лязгом подцепил на крючок «Оленя».

— Обойдусь без твоих подорожников!

После этого надо было уходить. Гордо и независимо. Так, чтобы у нее от позднего раскаяния защемило сердце. Но у меня так не получилось. Боком и медленно я сделал первый шаг.

— Думаешь, мне жалко, что ли, было ту доску? — вдруг спросила она.— Просто не люблю, когда нахальничают.

— А я нахальничал?

Майка прищурилась.

— А зачем без спросу начал отрывать?

Любовь любовью, но кто же стерпит такие возмутительные слова?

— Без спросу! У тебя спрашивать, да?!

— А у кого? Раз это наш забор...

— Ваш?!

— А чей?

Ну, что я в ней нашел, чтоб влюбляться? Треснуть бы каталкой по лбу, тогда узнала бы! Но нельзя трескать девчонок железными каталками. И я решил убить ее презрением.

— Ты, наверно, по правде дура,— сказал я с печалью в голосе.— Ну, пускай это был бы ваш забор. Мне, значит, надо было прийти и спросить: «Можно, я досочку оторву?» Что я, поленом стукнутый?

Майка была теперь не насмешливая, а даже немножко грустная.

— А ты бы все равно не пришел,— негромко сказала она.— Ты не знаешь, как у нас калитка открывается. Там надо за шнурок дернуть.

— Ну и дергай свой шнурок,— пробормотал я.

Она еще помолчала, отвернувшись, посмотрела зачем-то на свою калитку и тихо спросила:

— А хочешь, покажу, как открывается?

— Больно надо... Я к вам не собираюсь.

— Ну, а если... А вдруг пойдешь?

— Доски просить, да? Мне они больше ни капельки не нужны.

— Ну... так... поиграть.

Я подавил смущение и хмыкнул:

— «Поиграть»!.. Как играть-то?

— Ты разве никак не умеешь? — спросила она и глянула опять слегка насмешливо.

Я сказал обидчиво:

— Я-то по-всякому умею.

— А в чапаевцев? — И она пощелкала пальцами, будто гоняла по шахматной доске круглые деревянные шашки, которые изображали в игре всадников.

— Ха! — сказал я. Она, девчонка, еще спрашивает меня об этой игре!

— Давай? — сказала она.

— Ну, давай,— небрежно согласился я.— Только гонялку домой отнесу.

Мы подошли к ее калитке. Майка показала, как дергать шнурок, и ушла. И я должен был отнести колесо.

Но сразу домой я не пошел. Я прижался носом к забору и смотрел в дырку от сучка вслед Майке. Как она идет к своему крыльцу. Вот она поднялась по ступенькам. Вот остановилась. Стоит и водит пальцами по перилам, будто что-то рисует...

Я оторвался от забора, потому что почувствовал спиной неприятный взгляд.

На тротуаре стоял Толька. Он молча рассматривал меня и лениво шевелил за щекой языком. Щека от этого вздулась и неприятно двигалась.

Я растерялся и, кажется, покраснел.

— Ну, чё, Клямпик? — сказал Толька ехидно и без улыбки.— За невестой подглядываешь? Смотри-ка, весь нос в занозах. И пузо.

Ух, как я его ненавидел в этот миг! Его косую белобрысую челку, беспощадные табачные глаза, его большие прозрачные уши и тонкий, безжалостный голос!

И он знал, что я его ненавижу. И знал, что моя ненависть беспомощна, потому что я боюсь.

— Гнида! — сказал я со слезами. Плюнул в него и побежал. И побежал сейчас, пожалуй, не из-за страха, а из-за отчаянной и жалкой обиды, из-за злости на себя.

Он не гнался.

Дома я успокоился. Ну и пусть, решил я. Пусть насмехается. Пусть всем говорит, что мы жених и невеста. А мы все равно будем играть с Майкой. Всегда! Назло!

Я отдышался, кинул в угол колесо и каталку, потом высунулся в окно: ушел ли Толька?

А он не ушел. И не собирался. Он сидел на тротуаре и крошечным ножиком оструrивал здоровенную палку.

Вот паразит! Ну что ему там надо? Ведь Майка меня ждет.

Я повременил и выглянул снова. Сидит! Мало того: он заметил меня. Ухмыльнулся, засвистел и уселся поудобнее.

Все было ясно. Он знал, куда я собираюсь. Он решил караулить.

Сначала он лишил меня моего самоката, моего «Оленя». Сейчас он разрушает начало моей и Майкиной дружбы!

А я? В отчаянии так трахнул по стенке локтем, что посыпалась известка.

Я трус! Трус! Трус! Так мне и надо.

Где синий ветер встает

Я просидел дома до прихода мамы.

— Странно,— заметила она.— Что это ты не гуляешь? И кислый. Натворил что-нибудь?

— Ничего.

— Ну и прекрасно.

Мы поужинали. Потом мама переоделась. Она надела синее шелковое платье. Это платье мне нравилось. Мама в нем делалась очень молодой и красивой. И веселой. Но я не любил все-таки, когда это платье появлялось на свет. Значит, мама куда-то собралась, и ее весь вечер не будет дома.

— Мам, ты куда?

— Батюшки! Ты что, маленький? Будешь плакать: «Мама, не уходи»?

— Не буду я плакать,— сказал я, надувшись.— Просто сидеть одному неохота.

— Не сиди. Погуляй. Все равно ведь каждый вечер бегаешь.

Ага, «погуляй»?! Если бы она знала!

— Надоело мне гулять.

— Владик, ну что за капризы! Сегодня симфонический концерт в городском саду. Это бывает раз в несколько лет. Неужели я не могу послушать?

— А я?

— Что «а я»?

— Тоже хочу концерт,— уцепился я. Это было все-таки лучше, чем сидеть дома.

— Ты серьезно? Это ведь не кино.

— Ну и что! Кино я видел, а концерты ни разу.

— Ладно...— сказала мама.— Куда тебя девать?

Она дала мне белую рубашку, новые штаны (те, которые сшила из обрезков американских брюк), расчесала на косой пробор мои космы (я терпел) и сказала:

— Оказывается, иногда ты можешь выглядеть вполне прилично... А хочешь, я сделаю

тебе черный бантик на шею? С белой рубашкой будет очень красиво.

Я со сдержанным негодованием выразил свое отношение к бантикам. Мама заметила, что я все-таки чудовище, и мы пошли в сад.

У ворот сада нам повстречался высокий мужчина в глухом кителе, с флажком на фуражке. Флажок был белый, с зеленой каймой. Мужчина поздоровался с мамой.

— Добрый вечер, Сергей Эдуардович,— сказала мама, и мы пошли рядом. Сначала — молча. Мама шла, опустив голову. Сергей Эдуардович поглядывал на меня. А я на него. Меня интересовала фуражка.

— В отделе прочитали ваш очерк,— сказала мама.— Всем нравится. Только... понимаете, газетный объем... Как-то надо сократить материал. Хотя и жаль.

— Сокращу,— поспешно согласился Сергей Эдуардович.— Чего там жалеть? Не в этом дело...— Он помолчал и неожиданно признался:— С тридцать шестого года не слышал симфонического оркестра...

И опять они с мамой замолчали.

— А почему у вас фуражка морская, а на фуражке самолет?— спросил я.

Он, по-моему, обрадовался вопросу. Быстро снял и протянул фуражку.

— Это не самолет, а перекрещенные рыбы. Я рыбник. Промысловик. Понимаешь?

Я кивнул. Голова у него была с длинными залысинами, а лицо сухое, морщинистое и все-таки доброе. А на руке не хватало двух пальцев.

Сергей Эдуардович взял фуражку и пошел покупать билеты.

— Ему пальцы снарядом оторвало? — спросил я.

— Нет,— сказала мама.— Он не был на войне. Пальцы он отморозил.

— А-а...— протянул я с разочарованием.

— Дурачок,— сказала мама.— Этот человек перенес столько... Он много лет работал на Севере. В самых тяжелых местах. Один раз в тундре он спасал летчика. Летчик разбился при аварии. Сергей Эдуардович тоже был в этом самолете, но уцелел. Он тащил летчика трое суток на самодельных санях, обморозил ноги и руки... А когда добрался до стойбища, оказалось, что летчик умер. Это было самое страшное...

Я опустил голову. Сергей Эдуардович подошел, мельком взглянул на меня и спросил:

— Кажется, была проработка?

— Нет,— сказала мама.— Просто разговор. Не хочу, чтобы он вырос легкомысленным болтуном.

— Ничего,— заступился Сергей Эдуардович.— Легкомыслие проходит. Лишь бы не вырос чиновником и трусом.

Ну, вот надо же было ему это сказать! Снова стало скверно на душе.

Площадка с эстрадой построена была среди старых берез. Ее окружала деревянная высокая решетка. Мы прошли туда почти последними и с трудом отыскали свободные места. У самого прохода. Мама села рядом с веснушчатой девушкой, а я примостился на краешке скамейки. Веснушчатая девушка с удивлением посмотрела на меня и отвернулась. Наверно, подумала: «А этот пацаненок зачем сюда притащился?»

Тоже мне, принцесса! Рыжая...

Сергей Эдуардович сел в стороне от нас. Посмотрел на маму и чуть кивнул. Даже не кивнул, а просто опустил глаза. Мол, все в порядке. Подумаешь, герой... Еще и переглядывается!

Было сумрачно и неуютно. Дуло по ногам. Ветер не ветер, а такой низовой сквознячок шелестел под скамейками, крутил бумажки в проходе. Я поежился, покачал ногами, чтобы прогнать озноб.

— Не егози,— сказала мама.— Лучше посмотри на музыкантов.

А чего там смотреть? Все одинаковые, в черных костюмах. Одни с обыкновенными скрипками, другие тоже со скрипками, только громадными — такими, что не поднимешь, приходится на пол ставить. А еще барабан. Да несколько трубачей сзади. Ну и что? Я эти инструменты уж сколько раз видел! В кино. Ими в картине «Веселые ребята» музыканты друг друга лупили. Под руководством Леонида Утесова. Но здесь, конечно, не дождешься такого веселья.

Меня только деревянные трубы немного заинтересовали. Длинные такие, коричневые. Похожи на минометы.

— Это что?

— Это гобои,— сказала мама.— Смотри.

Вышел худой, высокий дядька. Чуть поклонился и встал к нам спиной. На нем был длиннополый фрак с разрезом.

Я знал, что дирижеры бывают с палочками. А этот вышел без палочки. Подумаешь, дирижер...

Он медленно поднял руки. Правую — повыше. Чуть шевельнул пальцами.

Откуда-то издалека пришла сумрачная медленная музыка, похожая на движение тяжелых туч. Будто они растут на краю вечернего неба, и еще не слышно грома, а только прожилки молний мерцают в лиловом сумраке. Гроза еще не здесь, не близко, но уже меркнет свет.

Эта музыка была под стать моему настроению. Прямо то, что я чувствовал и думал.

И все-таки не то. Я был боязлив, а в музыке не было страха. Она была суровая, печальная была, но мужественная. Она мне напоминала о том, что я трус. Боюсь Тольки, боюсь грозы, боюсь еще много чего на свете. И ей было плевать на меня, этой музыке. Я перед ней был, как прижатый к земле кустик перед нарастанием грозового фронта. Что им, высоким тяжелым тучам, какой-то кустик!

— Еще издевается,— мрачно сказал я.— Тут у человека рана такая...

— Та-а, та-та-та, та-та-та... — с нарастающей громкостью повторяли трубы.

Та сторона, где тучи...
Та сторона,
где ветер...

Оркестр оборвал музыку. А через секунду скрипки повели другую мелодию. Я ее тогда не запомнил. Отголоски грозы все еще звучали во мне.

Ну, почему я все-таки трус?

Занятый грустными мыслями, я как-то не обращал внимания на музыку, а просто следил за движениями музыкантов. Дирижер так ловко ими командовал. Шевельнет ладонью — и взлетают смычки над скрипками. Поведет рукой вниз—и гаснет мелодия. Мне нравилось, когда вступали гобои, эти трубы-минометы. Я сразу тогда начинал слушать. У них был глуховатый, но красивый такой голос.

И вот именно они, гобои, вдруг насторожили меня.

Стоп! Будь внимателен! Что-то сейчас будет...

Что?

Оркестр уже не гремел, и не было вихря мелодий. Скрипки негромко и спокойно за-

говорили о чем-то знакомом. Нет, не музыка была знакомая, а просто казалось, вот-вот вспомнится что-то хорошее.

Но что же?

«По-стой... по-стой»,— прямо человеческим языком сказали скрипки.

Стой
По-до-жди...
По-до-жди...

Опять прозвучала та же мелодия, все приближая и приближая разгадку.

И вдруг в наступившей тишине одиноко, чисто и негромко прозвучал угасающий сигнал трубы.

Такой знакомый!

И я не мог вспомнить...

Ну, что же, что же это было?

А скрипки, будто испугавшись, рванулись, закрутили музыку метелью, сметая все воспоминания! Я чуть уши не зажал. Что же это было? Неужели не вспомню?

Неужели не повторится этот сигнал?

Ну чего они бесятся, эти скрипки? Спокойнее, вы! Вот так. Не мешайте думать и ждать. Все равно эта труба еще заиграет. Хоть один раз, но заиграет...

И все остальное время я ждал. Пока снова не прозвучали вдалеке настороженные гобои.

И вот опять знакомая мелодия. Снова:

По-стой,
Подожди...

Ну?

И ясно-ясно труба сказала слова:

Ветер с утра —
Значит, пора.
В путь...
В путь...
В путь...
В путь...

Каравелла! Моя Каравелла! Как я мог забыть...

Павлик...

Вот как это было.

Мы, первоклассники, учились в те дни во вторую смену, и я прибежал домой, когда было уже темно. По дороге мы дурачились, катались в снегу. Я ворвался в дом, как снежный заряд. Во мне играла радость звездного искристого вечера. Мамы и Татьяны не было, я это знал и тут же заскочил к Павлику.

— Тише,— сказал он.

Горела настольная лампа, и потрескивала печка.

— А что случилось? — шепотом спросил я.

— Я вспоминаю песню.

Он смотрел на меня спокойно и строго, и я понял, что это важная песня.

— Не могу,— вдруг сказал он и отвернулся.— Вот только эти слова помню:

Ветер с утра —
Значит, пора.
В путь, в путь, в путь, в путь...

Он сказал это, а потом вдруг тоненько засвистел.

— Сначала это была не песня, а просто сигнал,— сказал он.— Его играли трубачи на палубах, когда команда ставила паруса. Перед очень дальним плаванием.

Наверно, он все это выдумал. Слова сам сочинил, а мелодию где-то слышал. Но я поверил ему, потому что он сам верил в свою выдумку.

И с тех пор, отправляя в путь нашу Каравеллу, мы тихонько напевали сигнал «Ветер с утра». Тот самый, который сейчас проиграла труба.

Я вспомнил это сразу.

А музыка летела дальше. Праздничная, как хлопанье пестрых флагов и разноцветных парусов. Тревожная, как ожидание приключений. И она была моя — песня о Каравелле, разбуженной утренним сигналом отхода.

Потом она кончилась.

Но в наступившем молчании все сидели неподвижно. И я понял, что еще не все.

Мельком я взглянул на веснушчатую девушку. Она посмотрела на меня и улыбнулась. Она была красивая, хотя и с веснушками. Думаете, не бывает красивых с веснушками?

Глухо и сдержанно оркестр начал вторую часть. И сразу стало ясно, что это про ночь. В зимнюю темноту, где среди сказочных лесных великанов перепуталась мелкая чащоба и бурелом, неслышно пришло дыхание южного ветра. И все окуталось мягким теплом. С шуршанием заскользил с еловых веток снежный пласт. Это незаметно принялась за дело весна. А потом просветлело небо, и начался восход. Без блеска и ярких красок, но такой ясный... И, как тонкий луч, как серебряный ручей, прорезалась чистая, звонкая песня. Она была без слов, но такая, что слова пришли сами собой:

Ранней весной,
когда открываются реки,
Когда просыпаются травы...

Это была музыка про то, как ребята делают из сосновой коры и бумаги кораблики, как просыхают деревянные тротуары, а на лугах и лесных проталинах пробиваются к солнцу разведчики-травинки.

Потом вырастают травы.

Вот они встали и качаются под синим-синим небом, и я иду среди них, касаясь коленями больших, как блюдца, ромашек. И думаю, что, наверно, повстречаю Майку...

Стремительно накатывает гроза. С «той стороны, где тучи». Старается оглушить суровой, знакомой уже мелодией. Но не так уж это страшно. Вот опять распрямляются травы, стряхивая капли. А ромашки удивленно качают головами: «Чего налетела, зачем расшумелась?»

И опять я шагаю, выкручивая на ходу мокрую рубашку, а трава блестит от дождя.

Я иду, и мне хорошо. Ведь я помню про главное: про Каравеллу.

Трах!

Я подскочил от этого взрыва. Как он грянул, этот оркестр! Будто сразу оборвалось передо мной солнечное поле и навалился сумрак. Отвесные скалы, а под ними ревущее море. Гремучее море. Оно далеко внизу, но удары волн такие, что холодные брызги хлещут по ногам, по лицу и рубашка опять промокла.

А белая башня маяка до половины в облаке водяной пыли.

Белая башня и белые чайки в косом стремительном полете. И синий штормовой сумрак. И опять это грозное начало:

Та сторона,
где тучи...
Та сторона,
где бури...

Но это же совсем не страшно! Мне смеяться хочется от растущего торжества. Как я не понимал? Это же гремящая песня синих циклонов и белых парусов. Синих скал, белого маяка и чаек. Грозная и сильная. Ну и что? Я сам частица этой грозы и силы. Я капитан! В узкой бухте меня ждет, качаясь, Каравелла...

А за спиной у меня на солнечных берегах качаются травы. И мчатся по ним лошади...

Теперь я боялся одного: лишь бы музыка не обманула меня. Лишь бы не сделалась другой!

Мама шепнула, когда смолк на минуту оркестр:

— Слушай, сейчас будет вальс. Очень красивый.

Этого мне еще не хватало! Зачем он мне, красивый вальс?

Может быть, он и был хорош. Не знаю. Я ждал другого. Неужели так все кончится? Но среди беспечного кружения мелодии опять прозвучали знакомые ноты, и я успокоился: что-то хорошее будет еще.

И торжественное пение труб вернуло мою музыку.

Смычки взлетали и опускались разом. Все вместе. Словно копья летящей конницы. Быстрей, быстрей! Черные лошади, верные и неутомимые, несли меня в гуще кавалерийской лавы. Мы сметали врага, мы рвались к морю. И взлетали, взлетали копья в стремительном ритме скачки!

И вот пришло мое торжество.

Четыре раза прозвучало короткое вступление, и медные голоса труб запели приподнято и чисто. Та музыка, которая в самом начале принесла угрозу и печаль, сейчас звучала с такой радостной силой, с таким сверкающим мужеством, что мне захотелось запеть самому.

Это была песня о том, что есть на свете страна, где рождаются смелые ветры, зовущие в дальние плавания. Не знаю, тогда или потом сложились слова, но теперь я их не могу отделить от этой музыки:

Та сторона,
где ветер
Встает стеной громадной, словно море...
Та сторона, где ветер
Встает,
как синяя стена!
Растет,
как синяя волна!..

А дальше — уже никаких слов, только нарастающая радость и бесстрашие.

Боже мой, ну почему я думал, что я трус? Разве можно быть трусом, когда на свете есть *такая* музыка?

Неужели это именно я сегодня трусливо прятался на подоконнике?

Люди расходились. Подошел и попрощался Сергей Эдуардович. Кажется, это было уже за воротами сада, на улице. Я не обращал внимания. Музыка еще гремела во мне.

— Как она называется? — спросил я у мамы.

— Что?

— То, что играли.

— Пятая симфония Чайковского.

— Ага... — сдержанно сказал я и подумал, что запомню навеки.

И еще кое-кто запомнит!

Мама взглянула на меня с сожалением.

— Кажется, ты едва досидел до конца. Как-то странно ты себя вел. Подпрыгивал, дергался... Неужели тебе ничуть не понравилось?

Я промолчал. Что тут скажешь? Понравилось? Это про порцию мороженого так можно сказать. Ну, или про кино какое-нибудь. А про такую музыку словами не скажешь.

Мы шли домой, и я никак не мог приноровиться к маминым неторопливым шагам. Я рвался вперед: трубы гневно и весело пели в моей душе.

— Что ты скачешь? — сказала мама.— Иди спокойно.

— Мам, я погуляю, ладно? Не хочется домой...

— Так поздно!

— Ну, чуть-чуть. Пять минуточек!

— Иди... Не оказала на тебя классическая музыка никакого влияния.

Оказала! Ох, как оказала! Я рванул за угол и помчался по пустой улице.

Я спешил найти Тольку.

Как я хотел его встретить!

Надо было поскорей попасть в цирковой сквер, где каждый вечер почти до полуночи ребята гоняли футбольный мяч. Лишь бы успеть! Лишь бы враг был еще там!

Маленькие пасмурные облака, недавно висевшие в зените, незаметно растаяли. Был светлый, как день, вечер. Солнце ушло с неба, но чувствовалось, что оно совсем недале-

ко. И при этом свете очень необычной была пустота улиц.

Я бежал в этой пустоте, и казалось, что вместе со мной мчится конница с копьями, взлетающими, как смычки оркестра. Куда торопились всадники? Может быть, боялись, что угаснет музыка и вернется мой прежний страх?

Мне повезло больше, чем я надеялся. Толька шел навстречу.

Мы издалека узнали друг друга. Он ускорил шаги, а я... остановился, перевел дух и медленно пошел навстречу.

Наверно, Толька решил, что я бежал по своим делам, увидел его, испугался и не знаю, что делать: бежать назад или обойти стороной. Он еще не заметил, что шаги мои спокойны и тверды и подошвы стучат с решительностью молотка, забивающего гвозди одним ударом. Он, кажется, улыбался. Так мне по крайней мере казалось издалека. Он предвкушал еще одну легкую победу и мое новое унижение.

Потом Толька удивился: ведь я не сворачивал с пути. Но, удивившись, он, конечно, ничуть не испугался. Он не мог тогда понимать, что обречен.

А он был обречен. Потому что не было у него т а к о й музыки. Не было стремительных скрипок и торжественных труб, поющих песню о могучем синем небе, не было Черных Лошадей, белых маяков, не было Каравеллы.

Ну, по правде говоря, маленький страх один раз кольнул меня, но могучая музыка тут же развеяла его в пыль. И, когда мы с Толькой сошлись, я, не сбавляя шага,— трах! — с размаху треснул врага кулаком по носу.

Наверно, таким отчаянным ударом вышибают окно в горящем доме.

Нос мягко сплющился. Толька мотнул головой и обалдело открыл рот. Потом зашмыгал, чтобы удержать кровь. И стоял, опустив руки, смотрел ошеломленно.

Я тоже растерялся в первый миг. Но тут же словно кто-то шепнул: не жди! И левой рукой я закатил Тольке звонкую затрещину. Он открыл рот еще шире. Я, повинуясь стремительному вдохновению, обошел противника с тыла, ухватил одной рукой за шиворот, а другой за штаны и дал ему пинок. Мне хотелось, чтобы Толька полетел по воздуху, как мяч.

Ну, конечно, он не полетел. Он пробежал, согнувшись, несколько шагов, постоял две секунды, не оборачиваясь, а потом взревел яростными слезами и бросился в бой. Мы самозабвенно сцепились посреди тротуара.

И оказалось, что это совсем не страшно!

Даже в тот момент, когда он сидел на мне верхом и лупил между лопаток, я не терял уверенности в победе. Потом я извернулся, и мы поменялись местами.

Как хорошо, что не было прохожих! Любой взрослый увидел бы здесь простую вещь: сцепились на тротуаре двое мальчишек — обычная история. Обозвали бы нас хулиганами, растащили бы, вот и все. Разве бы они догадались, что здесь человек борется за первую в жизни победу? За то, чтобы жить спокойно, ходить смело, смеяться открыто!

Ну, я дал этому Тольке, пока сидел на нем! Он вырвался наконец, мы вскочили, и я ринулся снова. Пусть болела распухающая губа, саднило плечо! Разве в этом дело?

И он побежал.

Сначала он пятился, нелепо отмахиваясь кулаками и всхлипывая, затем повернулся и бросился от меня, сердито подвывая.

Гнал я его полквартала. Потом отстал.

Рубашка на плече была порвана и прилипла к ссадине. Губа, кажется, стала величиной с котлету. Правый глаз понемногу заплывал.

Я медленно зашагал домой. Ожидалась взбучка, но это меня не трогало. Разве могла она уменьшить радость моей победы? Радость ясную и торжественную, как финал Пятой симфонии!

Нет, я ничуть не боялся, хотя знал заранее, что скажет мама.

— Силы небесные! — сказала она.— Иди сюда! Так... Ну, кажется, мое терпение лопнуло.

Я молчал, стараясь придержать отвисающую губу.

— Что с тобой делать? — печально спросила мама.— Ну, что? Отлупить? Но, по-моему, тебе и так досталось.

— Да? — язвительно сказал я.— «Досталось»... Ты бы посмотрела, как досталось е м у!

Это почему-то маму не обрадовало.

— Во что превратил одежду... Убирайся в угол! Вон туда, за шкаф. Видеть тебя не желаю.

Но даже это унижение не сломило меня. Оттуда, из темного угла, я известил маму, что «завтра этот гад получит еще больше».

— Да что вы не поделили? Можешь ты объяснить в конце концов?

— А чего он... Я его, что ли, трогал когда-нибудь? Он сам все лез... Дурак. Думал, что я все еще его боюсь.

Я потихоньку вышел из угла.

— Мам... Ты помнишь, как играл оркестр, да? Когда трубы в самом конце играют... Помнишь?

Мама с полминуты молча смотрела на меня.

— Это называется «Аллегро виваце»... Иди сюда, покажи плечо. И перед следующим поединком, прошу тебя, надевай старые штаны и рубашку.

Ночью в реку вошла эскадра.

Берега были совсем черными, и редко-редко мерцали на них огоньки. Небо и вода были светлее, в них еще не погас отблеск заката. В синеве повис похожий на кораблик

месяц. Он отражался в реке золотыми чешуйками. Закрывая эти чешуйки и береговые огни, проходили темные корабли.

Был торжественным и бесшумным их медленный ход. Чуть заметный ветер не трогал складки на парусах и длинные повисшие флаги. Желтым светом горели старинные кормовые фонари. И лежала ясная тишина, только ветки прибрежных кустов заскребли однажды о борт подошедшего вплотную высокого брига.

Я стоял высоко на обрыве. Очень широкая лестница убегала к воде — целый каскад беспорядочных ступеней. Прохладный воздух поднимался от реки и вместе с привычными запахами сырого песка и трав доносил запах влажных парусов и смоленых канатов.

Прозвучала чистая струна. И тут же из темной толпы кораблей вышел и двинулся к берегу парусник с крутыми бортами и высокой кормой.

Я долго, долго бежал ему навстречу. Мимо громадных ржавых якорей, мимо старых пушек, тут и там разбросанных на ступенях. Звонко, как выстрелы, щелкали на камнях мои подошвы. Но сквозь это щелканье и шелест ветра в ушах я услышал, как заскрипел о каменный причал борт Каравеллы.

Тогда я замедлил бег. Остановился. Неспокойно стукало сердце.

Кто-то шел навстречу. Я еще не видел лица. Но я уже знал, что это Павлик.

— А, ты здесь,— сказал он из сумерек.— Хорошо, что пришел.

— Да,— сказал я.— Павлик! А это наша Каравелла?

— Ты все еще боишься Тольки? — спросил он.

— Нет,— сказал я.— Ну, ты же знаешь, что нет.

— И ничего не боишься?

Я молчал. Я многого боялся. Трескучих молний, кусачих пчел, насмешек, торговца, у которого украл подшипник. Боялся, что заболеет мама...

Правда, я не боялся уже ночной темноты, самых злых собак и высоких откосов, с которых не каждый решится съехать на лыжах...

— Павлик,— сказал я.— Помнишь, я был еще маленький, и мне было страшно одному по вечерам, и я ревел, когда на меня кидался Марсик Вовки Сазанова, но мы все равно плавали вместе. И ты не говорил, что я трус.

— Разве я говорю, что ты трус? — ласково сказал он.

— Значит, ты возьмешь меня на Каравеллу?

Я увидел сквозь сумрак, что он опустил глаза.

— Пока еще нельзя...

Нельзя. Я так и знал, что он это скажет! Сразу же знал. До чего же мне стало грустно...

И вдруг просветлел и разгорелся месяц! И фонари эскадры засияли ярко, будто начинался праздник. Приподнялся и хлопнул обвисший фор-марсель Каравеллы. А трубач на высокой корме ясно и негромко проиграл знакомый сигнал: «Ветер с утра...».

И тут я увидел, что не месяц светит, не фонари, а растет на востоке рассветная полоса. И паруса и флаги из черных делаются цветными.

А Павлик смеялся. Я увидел его лицо. Пашкино лицо с золотыми точками в глазах и черной родинкой над верхней губой.

— Я пошутил,— сказал он.— Пойдем. Это ведь н а ш а Каравелла.

Он взял меня за руку. И мы пошли вниз к знакомому до последней царапинки трапу. Мимо пушек и якорей...

Я просыпался, смеясь от радости. И, уже очнувшись совсем, лежа в тишине, я все еще ясно ощущал в ладони тепло и твердость Пашкиной руки.

Летние дни

Одной драки оказалось мало для полной победы над Толькой, и я отлупил его еще два раза. Сначала за сараем, где он караулил меня, чтобы взять реванш. Потом на глазах у всех ребят. В битве у сарая мне досталось крепко, но ему еще больше. И главное — я не боялся. А на следующий день я полез в драку сам, нахально. Чтобы закрепить успех. После первой же стычки Толька отказался от боя и зажал руками лицо.

— Аут,— сказал Славка Дыркнаб и осторожно взял меня за плечо. Я все еще яростно дышал.— Хватит.

— Дрогнул Толик,— без усмешки отметил Марик.

— Ты, Засыпа, больше к Владьке не лезь,— посоветовал Петька Лапин.— У тебя керосин кончился.

Толька открыл лицо. Оно было красное и мокрое.

— А я лез? — со слезами спросил он.— Я лез? Он сам первый наскакивает!

Тогда все засмеялись. Над ним. Все же знали, сколько он меня мучил.

— Как ты ему вделал по носу! — уважительно сказал маленький чернявый Южка.

— Айда, ребята, купаться,— не отпуская моего плеча, предложил Дыркнаб.

И я стал равным среди равных.

Наступило чудесное время, полное радости и солнца. Я исчезал из дома ранним утром и приходил в сумерках. Едва хватало сил, чтобы раздеться и бухнуться в кровать. Ноги гудели, плечи горели от обжигающих лучей, а перед глазами, как стремительная кинолента, пролетал весь день, состоящий из солнечных бликов, шума травы и смеха товарищей...

Конечно, не все время я бездельничал. Надо было сбегать за хлебом, посуду помыть. Иногда притащить воды. Но за хлебом — это пустяк, если нет очереди. Посуда? Две тарелки да два стакана — мои и мамины. Хуже всего было с водой. Правда, обычно воду носила тетя Клава, которая жила за стенкой, мама с ней договорилась. Но часто тетя Клава уезжала в деревню, и тогда на водокачку отправлялся я. За четыре квартала.

Ну, это была работка! Таскать ведра на коромысле у меня силенок не хватало. До-

После первой же стычки Толька отказался от боя и зажал лицо руками.

Рисунки Е. **МЕДВЕДЕВА.**

тащить одно полное ведро я тоже не мог. А носить по полведерка не хотелось. Сколько раз придется ходить, пока нальешь бочку хотя бы до половины!

Я наливал большое ведро на две трети. И волок его, вцепившись в дужку обеими руками, брякая коленками по острому краю. Дужка резала мне ладони, колени украшались синяками, вода плескала в сандалии, и они становились скользкими внутри: того и гляди подвернешь ногу.

Но мне повезло. В конце июня в нашем квартале поставили колонку. Это был железный столбик с длинным рычагом. Рычаг оказался тугой, приходилось ложиться животом, чтобы нажать. Ляжешь — и колонка начинает грозно гудеть. А потом из трубы ударяет сверкающая толстая струя, такая упругая, что кажется, дно у ведра сейчас вылетит!

Когда у колонки не было взрослых, там собирались все ребята нашего квартала. Вот это была жизнь! Пробьешься к трубе, зажмешь ее рукой, и брызги громадным веером летят из-под ладони. Так летят, что оконные стекла на другой стороне улицы покрываются каплями. Визжат девчонки, хохочут мальчишки, и Таисия Тимофеевна, которая высунулась в окно, чтобы заклеймить нашу невоспитанность, с возмущением захлопывает створки.

Мы не успокаивались, пока не промокали до нитки. В такую жару это было одно удовольствие. Но еще лучше было, когда наша компания отправлялась на реку.

Мама не запрещала купаться с ребятами. Она только взяла с меня самое честное-пречестное слово, что я не буду заходить в воду глубже чем по грудь, а Дыркнабу сказала:

— Славик, я тебя очень прошу...— И выразительно посмотрела на меня.

Дыркнаб стал серьезным и совершенно по-взрослому ответил:

— Все будет в порядке.

А мне он показал крупный, усыпанный веснушками кулак. И я отчетливо понял, что действительно не следует соваться на глубину. По крайней мере пока не научусь плавать.

Впрочем, научился я быстро.

А мамино мужество я оценил уже потом, когда стал взрослее. Сколько беспокойных часов провела она, думая обо мне, пока я с приятелями беззаботно бултыхался в реке и загорал на прибрежном песке. Сколько раз представляла самое ужасное, когда я опаздывал к обещанному сроку! Я не хотел опаздывать, но ведь часов-то у нас не было. Время мы узнавали так: зажмем торчащую соломинку (длиной в мизинец) между пальцами, сдвинем раскрытые ладони и смотрим, через сколько пальцев проскочила тень от соломинки. Сколько пальцев, столько и часов от полудня. Не очень точный хронометр.

Увидев, что я жив и невредим, мама успокаивалась и не сильно ругала за опоздание. Она все понимала. Понимала, что нельзя мальчишку все время держать рядом с собой, делать его маменькиным сыночком. А отцов, которые учили бы нас мужским наукам, не было.

Из всех знакомых мальчишек лишь у Вовчика Сазанова был отец. Да еще у Тольки — неродной. У остальных не вернулись с фронта. И первыми нашими наставниками и командирами были старшие ребята, вроде Дыркнаба.

Славка Дыркнаб перешел уже в восьмой класс и был главным в нашей компании. Нам повезло: он был хороший командир. Не то, что, например, Петька Бряндин по прозвищу «Зер Гут», который командовал ватагой на Вокзальной улице. Славка был справедливый. Он всегда поровну делил хлеб, который мы брали с собой, когда уходили купаться. Он даже следил за нашим воспитанием и однажды крепко надавал по шее Леве Аронову за то, что он подбирал окурки и дымил ими.

Левка заревел, обозвал Дыркнаба, а заодно и нас, разными словами и пообещал:

— Дырку с маком вы еще получите, а не пирожки...

Это была серьезная угроза.

На реке нас терзал голод. Принесенный хлеб мы съедали быстро, и скоро мне начинало казаться, что желудок совершенно пуст, и стенки его со скрипом трутся друг о друга, как мокрая резина. Остальные тоже мечтали хотя бы о сухой корочке. Тогда Левка с хитрым видом исчезал. Недалеко от речного обрыва стоял приземистый кирпичный дом, окруженный клубами удивительно вкусного запаха. Это был пирожковый цех, где работала Левкина мать.

Левка скоро возвращался. Обеими руками он нес драную свою пилотку, и она была доверху нагружена золотистыми пирожками с ливером.

Пирожки были бракованные: когда их жарили, они лопнули по шву и не годились для продажи. Да нам-то что! Мы плясали от нетерпения, пока Дыркнаб считал и делил их. Обычно доставалось по пирожку на брата, а каждый мог слопать, наверное, по два десятка. Но все-таки это было подкреплением.

И вот Левка пригрозил прекратить снабжение пирожками!

Но Дыркнаб не дрогнул перед такой угрозой.

— Ну и подавись ими,— презрительно сказал он.— А еще закуришь — напинаю...

И он точно назвал место, по которому напинает злосчастного Левку.

— Нахал ты, Славка,— сказала Майка.— Хоть бы девочек постеснялся.

— Ладно, не помрете,— проворчал Дыркнаб.

Впрочем, сам он покуривал. Тайком от всех. Это нам под секретом поведала Славкина сестра Манька.

Мы ее звали Маняркой. Была она маленькая, костлявая, большеротая. Смешная такая. Очень похожая на Славку, только не рыжая, а темная и курчавая. Бегала она всегда в одном и том же синем платьице, похожем на мальчишечью рубашку. Иногда, чтобы ловчее было прыгать и носиться, она заправляла платьице в трусики, тоже мальчишечьи — с красными генеральскими лампасами, и делалась совсем как чумазый, давно не стриженный пацаненок.

Дыркнаб часто брал ее с нами на реку. Говорил сердито:

— Оставь ее одну дома, так она там наделает делов. Спокойнее, когда на глазах.

Мы не спорили. Манярка не мешала. Она караулила одежду, пока мы купались или играли в зарослях на обрыве. Потом Дыркнаб разрешал ей поплескаться у берега.

Часто Манярка из щепок и прошлогоднего бурьяна разводила в сторонке костер и пекла картошку. Одну-две картофелины, которые приносила с собой. Когда картошка была готова, Манярка торопливо съедала ее, даже не очистив. Рот у нее всегда был перемазан сажей. Мы не просили Манярку поделиться, знали, что она голоднее всех.

— Всегда жрать хочет,— жаловался Дыркнаб.— Они, малявки, все такие. Потому что им расти надо больше других.— И он, ворча, отламывал для нее половинку своего пирожка.

Манярка любила слушать наши серьезные разговоры. Сама она не говорила, только иногда, если было что-то непонятно, быстро спрашивала:

— Чиво говоришь?

— Не суйся, когда старшие разговаривают,— отвечал Славка.

— Не рычи на нее,— заступалась Майка.

Девчонки всегда заступаются друг за друга, особенно если их всего двое в мальчишечьей компании.

Майка всегда была с нами. Как-то незаметно она со всеми подружилась. И со мной. Можно было теперь приходить к ней, когда хочешь, качаться вдвоем на качелях, которые смастерил дед, до обалдения играть в чапаевцев или обливать друг друга из садового шланга. Правда, времени для этого почти не оставалось в нашей бурной жизни. Мы всегда были среди друзей.

Вот из кого состояла наша компания: Дыркнаб, Майка с Маняркой, Толька (куда его денешь!), Левка Аронов. Я про них уже рассказывал. Был еще Петька Лапин — белобрысый обидчивый пятиклассник. Он часто спорил и ссорился, но долго никогда не злился. Играл с нами сын известного хирурга Вовчик Сазанов, но дома его слишком воспитывали, заставляли заниматься музыкой и в девять часов вечера загоняли спать.

Самым образованным среди нас был Марик Городецкий. Но он никогда не хвастался. Только если мы начинали рассуждать про подводные плавания, полеты на Марс или радиоприемники с экранами, на которых видно артиста, когда он выступает (ходил слух, что уже изобрели такие), Марик смешно морщился и весело говорил:

— Да не так!— и пытался объяснить по-научному. Если с ним спорили, он так же весело говорил: — Ну и пусть! Врите дальше.

Меня он стал по-настоящему уважать не после драки с Толькой, а когда узнал, что я разбираюсь в парусной оснастке.

Младшим среди мальчишек был Южка. В начале войны Южкина мать и бабушка приехали с ним в наш город откуда-то с Украины. Южка был тогда совсем клоп и ничего не помнил. Внешне Южка был аккуратный и воспитанный ребенок, но ни в чем не отставал от других.

Южкина мать работала медсестрой, а бабушка Ванда Казимировна хозяйничала дома. Она была похожа на Таисию Тимофеевну, только добрая. По вечерам она выходила на крыльцо и начинала звать:

— Ю-у-у-зек!

Голос у нее был чистый, громкий, и этот звук «ю-у-у» словно ввинчивало в воздух. Его слышали за несколько кварталов. Первый сигнал раздавался ровно в девять, а потом повторялся через каждые десять минут. Но Южка не спешил. Он никогда не уходил, пока не кончалась игра.

Южка любил делать бумажных змеев. Иногда мы их клеили вдвоем. Не очень-то они у нас тогда получались, но мы не унывали. Нам нравилось возиться с бумагой, дранками и мучным клеем. Располагались мы на плоской крыше сарайчика, который чуть не доверху был закрыт высоченным репейником.

Ветерок шелестел бумагой. На реке басовито вскрикивали буксиры. В репейнике шумно возились воробьи. Солнце почти насквозь прошивало нас прямыми горячими лучами. Пахло разогретыми лопухами и лебедой. На Южкино коричневое плечо села блестящая стрекоза «богатырь», но он не заметил, потому что рассказывал, как Ванда Казимировна пожалела бродячего кота и взяла в дом, а он сожрал селедку и удрал. Южке было не жаль селедки. Жаль кота. Славный такой кот, приручить бы его.

Потом мы просто лежали на сухих прогретых досках и смотрели в очень голубое небо. Теплыми волнами захлестывало меня одиннадцатое лето моей жизни.

Просто удивительно, как остро я его ощущал. Я был как маленький нерв большой Земли. Каждым волоском, каждой клеточкой кожи я чувствовал малейшее движение воздуха, набег чуть заметной тени от прозрачного облачка, касание легкой травинки и невесомых семян одуванчика. Я закрывал глаза и кончиками ресниц щекотал стремительный

полет солнечных лучей. А как сверкали битые стекла на дороге! Тысячами разноцветных искр! Казалось, поднеси руку — и эти искры начнут покалывать ладонь.

Это было в те времена, когда в небе светилась удивительная синева, мама была молодой, река наша казалась широкой, как морской пролив, а трава, которую сейчас мы топчем, не замечая, была нам по колено.

Вас король приглашает на бал

В начале недели разлетелась по нашим улицам волнующая новость: в воскресенье будет необычный праздник — День физкультурника!

Мы знали разные праздники: Октябрьская революция, Первомай, День Победы. А про физкультурный никто из мальчишек не слыхал. Взрослые говорили, что до войны этот праздник бывал каждый год. Ходили слухи, что в городах побольше нашего День физкультурника отмечали и после войны. Да нам-то что! Для нас это было впервые.

Новость обрастала подробностями. Левка Аронов сообщил, что на дальнем поле, за кладбищем, подальше от любопытных, были две репетиции спортивного парада. Он бессовестно врал, что видел сам громадную колонну футболистов в динамовской форме, и каждый из них (вот враль!) нес настоящий футбольный мяч. Рассказывали также, что сосед Петьки Лапина Костя Корнеев, который учился в машиностроительном техникуме, принес домой белые трусы и голубую майку с чайкой на груди и в этой форме пойдет на парад.

Но до конца мы поверили в праздник тогда, когда к стадиону пришли плотники и стали забивать досками многочисленные щели расшатанного забора. Новые доски светились на сером заборе солнечными полосками...

С самого утра в воскресенье на стадионе начал волнующе ухать оркестровый барабан. И сердце у меня тоже стало ухать от радости и беспокойства, словно толчками проваливалось вниз. Причины для беспокойства были: билет на стадион стоил три рубля. Не великие деньги — всего самая маленькая порция мороженого. Но не было у меня этой несчастной трешки. Да если бы и была! Мальчишки всех окрестных улиц потешались бы до самой осени, узнав, что я купил билет.

Конечно, я не хуже других лазил через заборы, но ведь это как повезет. Взрослые тоже не дураки.

И действительно, не повезло. Когда мы с Левкой оказались у забора, мальчишки поведали нам, что с той стороны чуть не на

И я ухнул в щель.

каждом метре понатыканы милиционеры. Они аккуратно вылавливают безбилетников, строят их в небольшие колонны и выпроваживают через небольшую калитку. Кое-кто из приятелей сделал уже два-три круга...

А со стадиона летел упругий медный марш, и большие разноцветные флаги полоскались и громко хлопали над забором (и утро было такое безоблачное и яркое).

— Пошли,— решительным шепотом сказал я Левке. И осторожно, чтобы не увязались другие, повел его к дальнему концу забора, где приткнулись старые, забитые досками ларьки.

Здесь забор был выше, чем в других местах, и наверху ржавели остатки колючей проволоки. Но мы не отступили. Упираясь ногами то в фанерные стенки ларьков, то в шершавые доски, мы добрались до кромки забора. За ним высоко поднималась задняя, глухая стена трибуны. Между ней и забором была глухая щель, всего в полметра шириной. Удобная, скрытая от глаз. Мне говорили знающие люди: чуть правее этого места дыра, ведущая под трибуну.

А оттуда — куда хочешь.

Но темная щель заросла дремучей крапивой.

Я посмотрел вниз и тихо проклял день, когда ножницы безжалостно обкорнали мои американские брюки.

Левка тоже смотрел на крапиву со злой досадой. Он был в длинных штанах, но босиком. Его мясистые розовые ступни опасливо шевелились.

Оркестр заиграл «Вечер на рейде».

— Может, прыгнем? — уныло спросил я. Вообще-то я не очень боялся крапивы. За свою жизнь я столько раз знакомился с ней, что кожа притерпелась к ожогам.

— За каким чертом ты меня сюда притащил? — произнес Левка. В голосе его была печаль и угроза.

Мы сидели верхом на заборе и препирались. Потом Левка не выдержал и перешел к оскорблениям.

Оркестр заиграл «Наверх вы, товарищи...». Эта песня всегда поднимала во мне геройский дух. Я еще раз глянул вниз и решительно встал на кромке забора. Потом сказал Левке несколько слов, которые здесь не привожу, потому что они не характерны для интеллигентного ребенка. И ухнул в щель.

Ой-ей-ей! Ну, ничего. Главное — не чесаться, а то потом хуже будет.

Левка, отвесив губу, смотрел на меня с забора. Я показал ему двойную фигу и рванул к заветной полянке.

И там меня ждала награда за «подвиг»!

ОКОНЧАНИЕ
В
СЛЕДУЮЩЕМ
НОМЕРЕ

СВОИ СИЛЫ

Желтые, осенние листья кружили по московским мостовым. «Ты записался добровольцем?» — спрашивали плакаты с афишных тумб. По городу проходили отряды красноармейцев. Заводы молчали. Голод... Война...

В зале, где яблоку упасть негде, с делегатами Третьего съезда комсомола говорил Владимир Ильич Ленин...

Пятьдесят лет прошло с того октябрьского дня. Неузнаваемо изменилась за эти пятьдесят наша страна. Совсем другая у нас жизнь, совсем другие каждодневные заботы, но тоненькую книжечку с речью Владимира Ильича и сегодня читают и перечитывают вновь все, кому в комсомол, читают, чтобы понять, как надо жить, чему и как учиться, чтобы оправдать звание комсомольца.

Ленин знал: тому поколению, кому тогда, в двадцатом, было около пятидесяти, не придется увидеть коммунистическое общество, но он твердо верил: «Наши дети достроят его». Он верил в молодежь и очень хотел «подготовить ее к тому, чтобы она сумела достроить и довершить то, что мы начали».

Ленин смотрел в будущее. Тогда, 2 октября 1920 года, он обращался не только к тем, кто слушал его в зале, он говорил со всеми поколениями молодых, которым достраивать, довершать начатое старой гвардией большевиков-ленинцев. Он говорил с тобой, с твоими товарищами, которым завтра вступать в комсомол, и с теми, кто придет за вами.

Ленин говорил, что юность должна **учиться коммунизму,** но это учение не может быть простым усвоением написанного о коммунизме. Зубрежка из книжки не поможет. Надо «взять себе всю сумму человеческих знаний, и взять так, чтобы коммунизм не был у вас чем-то таким, что заучено, а был бы тем, что вами самими продумано».

Говорил Ленин и о том, что молодое поколение должно выработать новую, коммунистическую мораль, без которой знание теряет силу оружия, и научиться жить не для личной выгоды, а для общей пользы, ради успеха общего дела. «Быть членами Союза Молодежи значит вести дело так, чтобы отдавать свою работу, свои силы на общее дело. Вот в этом состоит коммунистическое воспитание...»

Коммунистическое общество нельзя построить, если не развивать промышленность и сельское хозяйство на современной технической основе, по последнему слову науки, говорил Владимир Ильич. И предупреждал молодежь: перед вами задача строительства, и вы ее можете решить, только овладев всем современным знанием. И еще: без сплочения, без сознательной дисциплины наше дело безнадежно. Если только мы научимся

—НА ОБЩЕЕ ДЕЛО

2 октября 1920 года Ленин говорил с тобой

Разговор о самом главном

Рис. С. ТРОФИМОВА.

сплочению и единодушию, мы победим, станем действительно непобедимы. Никакой натиск врага нам тогда не страшен.

Вот и посмотри теперь, пятьдесят лет наша страна шла вперед, строилась, богатела, сражалась с врагами, добивалась одной победы за другой. Вместе с нашей партией и народом на самых важных рубежах всегда были комсомольцы. Менялись год от года их повседневные дела и заботы, но главное осталось неизменным, оно и вчера, и сегодня, и завтра главное: работать, жить, бороться по-ленински. Вчитайся повнимательнее в речь Владимира Ильича, произнесенную пятьдесят лет назад. Каждая строка, каждое слово ее — нет, не просто современны, они обращены в завтра, приближают будущее.

По Ленину учиться коммунизму призывает комсомольцев наша партия.

Наш комсомол называет себя ленинским. Не для красного словца, не из желания носить лучшее из всех имен. Комсомол называет себя ленинским потому, что он намерен воплощать в жизнь мечты, мысли, заветы Ильича. Такова воля комсомольцев сегодня и всегда. Об этом сказали партии и народу на своем последнем, Шестнадцатом съезде все 27 миллионов комсомольцев.

Ну а те, кто сегодня называет себя пионерами? Было бы смешно, если они станут рассуждать, скажем, вот так: «Мы еще малы пока. Взрослые, коммунисты и комсомольцы, уверенно держат в руках дело коммунизма. Можно не беспокоиться».

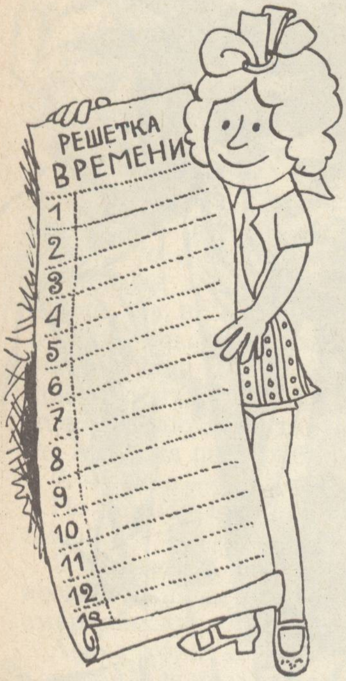
Сегодняшние пионеры — завтра комсомольцы, они смена и надежда комсомола. Расти ленинцами, быть верными заветам Ленина обещал каждый в своей торжественной клятве.

Собирая силы для марша «Всегда готов!» ты и твои товарищи хорошо понимаете: марш «Всегда готов!» — это значит готовы выполнять заветы Ленина, наказы комсомола.

Коммунисты страны, которые соберутся в марте будущего года на XXIV партийный съезд, пусть увидят: в стране растет, поднимается племя верных ленинцев.

С. СОЛОВЕЙЧИК

Учение с увлечением

Если вы читали прошлый номер «Пионера» и приняли участие в первом эксперименте, значит, и второй эксперимент над самим собой вы проведете легче и удачнее. Если же вы почему-либо не участвовали в первом эксперименте, не все пропало. Можно начинать сразу со второго!

В прошлый раз мы проверяли, может ли человек заинтересоваться скучной работой, если возьмется выполнить ее хорошо.

Но кто решил сделать свою работу хорошо, тот не должен жалеть на нее времени. Есть такой коварный закон: хорошая работа быстро не получается!

А где его взять, время?

●

Где взять время для хорошей работы?

Наш второй эксперимент как раз и посвящен этой проблеме.

Время всегда одно и то же: шестьдесят минут — час. Время не подчиняется нам.

И все-таки у одних людей очень длинный день — они все успевают. А другим суток не хватает, ни чтобы уроки сделать, ни чтобы погулять. У разных людей разное время!

Значит, нам прежде всего надо найти того врага, который съедает наше время, отгрызает от каждых суток драгоценные три-четыре часа — как раз те три-четыре часа, которых нам не хватает.

...Однажды две подружки решили встретиться в воскресенье и позаниматься математикой. Обеим грозили тройки в четверти, и обеим не хотелось получать тройки. Сначала, как водится, они стали болтать. В этом ничего дурного нет: поболтать с подругой интересно. Потом спохватились — прошел час! И вот тогда одна из подружек сказала: «Ну ладно, **еще немножко** поболтаем, а потом уж будем заниматься». И проболтали до вечера.

Вот кто съедает наш день! Вот кто укорачивает время: враг по имени **«Еще немножко»!** Хорошенько запомните, пожалуйста, как его зовут, этого врага.

Кто победит «еще немножко», тот и сделает самый главный шаг к власти над временем.

Но победить его **очень** трудно. Каждый раз, когда предстоит взяться за работу, враг тут как тут, и в голове появляется предательская мысль: «Ладно, **еще немножко,** а потом уж...»

Мы должны найти способ, как избавиться от этого!

●

Вот одно простое наблюдение.

Представьте себе, что пять утренних школьных часов не поделили бы на уроки. Нет никакого расписания! Кончилось время перемены, а звонка на урок все нет и нет, потому что нянечка решила: пусть ребята **еще немножко** побегают. Наконец урок начался, но он не кончается! Учитель хочет **еще немножко** позаниматься с вами! Такие занятия немыслимы: мы ничего не успели бы сделать толком. Мы потеряли бы контроль над временем, полностью подпали бы под власть нашего врага «еще немножко».

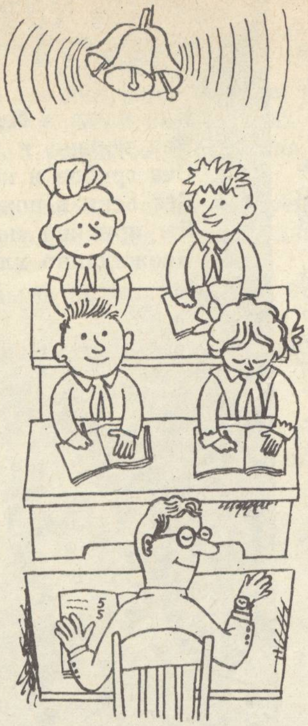
Не разделенное на части время уходит непродуктивно, утекает между пальцами, «куда-то уходит». Если мы в школе что-то успеваем сделать, это потому, что все время разделено на четкие «порции». Звонок — вот кто побеждает «еще немножко»!

А теперь посмотрите, что получается. Человек не спит примерно пятнадцать часов в сутки. Из этого времени лишь пять часов разделены, организованы — пять школьных уро-

ков. А остальные десять? В них нет никакой структуры, никакой организации!

Значит — составлять план на день, расписание, подобно школьному? Но это скучно. Особенно поначалу. Только очень аккуратные люди умеют жить по заранее намеченному плану. Обычно даже режим дня — и то трудно выдержать.

Но если трудно составлять (вернее, выполнять) план дел на день, если трудно соблюдать распорядок дня, то, может быть, попробуем держать в уме **решетку времени!**

Что это значит?

●

«Еще немножко» — враг, а звонок — друг.

Представим себе, что в нашем дне не пять уроков, а пятнадцать. Весь день состоит из «уроков», и каждый час раздается только вам одним слышный «звонок»: кончился один урок, начинается следующий. Что мы имеем? Пять школьных уроков, и десять «своих». Заполним эти десять уроков как угодно, это на первых порах не имеет значения. Важно одно: чтобы каждый час «звенел звонок», каждый час был отмечен в сознании и каждый час означал смену занятий.

Вот что самое главное: каждый час звенит звонок и начинается **новый** урок — надо начинать **новое** дело.

Если вас обуяла лень и вам хочется бесцельно побродить по комнате или постоять с друзьями в подворотне — пожалуйста, бродите, слоняйтесь, стойте, но только один час, а после «звонка» лентяйничайте уже каким-нибудь другим способом... Решительно в одну минуту перемените занятия: как в школе по звонку.

Если вы сели почитать книжку — час, а потом беритесь за что-нибудь другое. Можно читать и второй час подряд, но обязательно надо отметить про себя, что один час, один «урок» кончился и начался следующий. В школе ведь тоже бывают сдвоенные уроки. Но все-таки уроки!

Бывает, что одним и тем же делом приходится заниматься полдня или день. Но всякую работу можно разделить на «порции» и уложить в решетку времени. В каждом деле всегда есть какие-то рубежи. Даже самая длинная дорога разделена километровыми столбами и поворотами. Так и работу можно разделить на части, и каждый час будет какое-то окончание и начало нового. Потом, когда вы научитесь контролировать время и победите в себе «еще немножко», вам больше не придется думать о перемене занятий: вы сумеете всякой работе отдавать столько времени, сколько нужно. Но пока что надо натренировать себя: каждый час — звонок! — смена занятий.

●

Нам говорят: «Экономьте время! Берегите минутку!» Очень часто мы спешим, делаем работу как придется, лишь бы кончить ее побыстрей. Вот от этого работа и становится скучной. Быстро и торопливо — разные понятия! От ловкости в работе — радость, от спешки — суета и скука.

Недавно меня попросили прийти в один дом и завесить газетами книжные полки, чтобы книги не пылились, пока хозяева будут в отпуске. Я взялся за дело, приколол кнопками первые газетные листы... и вдруг такая тоска взяла меня! Ужасно нудное занятие! Тогда я сказал себе: я отвожу на эту работу час. Пока час не кончится, я все равно не буду заниматься ничем другим. И представьте себе, мне сразу стало легче. Я заметил, что я даже старался завешивать полки аккуратнее, чтобы выходило красиво, хотя кому нужна красота в пустой, запертой на лето квартире! Отчего произошла эта перемена? Оттого, что я отвел для **работы время,** срок. Работу без срока хочется сделать побыстрей — и значит, она скучна. А работа со сроком интересна. Отдайте работе ее время, и вы сумеете думать о работе, а не о том, чтобы она скорее кончилась. Сумеете сосредоточиться на работе.

«Жадность по отношению ко времени глупа», — говорил Альберт Эйнштейн.

Будем щедрыми на время, но будем держать его под контролем!

Однако, как и прошлый раз, мы должны **проверить** эту гипотезу. Верно ли, что такой простой контроль над временем значительно удлиняет человеческие сутки? Верно ли, что если каждый час менять занятие, то можно успеть сделать за день гораздо больше, и при этом все дела становятся интереснее?

●

Итак, мы проводим наш второй эксперимент — «Властелин времени». Для проведе-

Эксперимент читателей «Пионера»

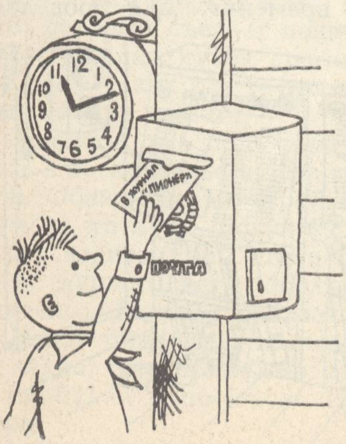
ния этого эксперимента нужен один прибор—часы. Чтобы стать властелином времени, надо почаще смотреть на часы! Директор одной московской школы М. Б. Ценципер пишет в своей последней книжке, что когда-нибудь специально для ребят будут выпускать дешевые часы—такие, чтобы даже первокласснику они были доступны. Но пока таких часов нет. Впрочем, не будем преувеличивать трудности: не так уж сложно справиться о времени.

Опыт будет продолжаться шесть дней — рабочую неделю. Надо взять листок бумаги, записать на нем колонку цифр: 1, 2, 3, 4, ... 14, 15. Это пятнадцать «уроков», составляющих в сумме ваш день. Ночью, разумеется, не стоит просыпаться, чтобы отмечать время.

В первые три дня опыта надо каждый час отмечать на листке, какую перемену занятий вы произвели — что вы делали этот час. Отмечайте как можно короче, лучше одним словом. У вас получится **фотография** вашего дня, рентгеновский снимок невидимого времени. Вероятнее всего, что через три дня вам надоест возиться с бумажкой, но это не страшно. Следующие три дня просто следите за временем в уме. А к концу недели запишите, как вам все это удалось, и общий отчет об опыте вместе с точной фотографией первых трех дней его **немедленно посылайте в «Пионер».**

Как и в прошлый раз, успех опыта зависит от того, сколько ребят примут в нем участие. Быть может, вам сначала не захочется расставаться с привычным «еще немножко». С ним так хорошо живется! Но все-таки не пожалейте неделю. Неделя — это очень немного для такого важного опыта.

А когда возьметесь за письмо в «Пионер», не забудьте, пожалуйста, ответить на такие вопросы:

Интересно ли вам было проводить второй опыт?

Довольны ли вы этой своей экспериментальной неделей?

И, разумеется, обязательно напишите свой адрес и укажите, в каком классе вы учитесь и как вас зовут.

Осень в лесу

Как жила я без криков грачиных,
Без корзин и ножей перочинных,
Без грибов и корявых берез,
Без осин в пожелтелых овчинах?
Вы причина моих беспричинных,
Неожиданно хлынувших слез!

*

На заснеженной аллее
Я да стайка тощих птах.
Это даже веселее
Веселиться просто так.

Небо — уж куда серее?
Небо — как от неба тень.
Только даже веселее
Веселиться в этот день!

Побежать бегом и мельком
Улыбаться на бегу
Облупившимся скамейкам
И скворечнику в снегу.

И сугробу-медвежонку
Рукавицу сунуть в пасть.
...Поскользнуться и упасть
В снежную сухую пшенку.

И сказать: «Любой дурак
Весел в день удач, но все ли
Знают главное веселье —
Веселиться просто так?»

Татьяна БЕК

По асфальтовым широким улицам ходят-бродят старики
старьевщики,

Те, которым нужно все ненужное, ветхое, изношенное, драное...
Ходят люди с разными заботами. А у них одна — искать забытое,
Навсегда и вдребезги разбитое. Вот какая их забота странная.

Я ищу ненайденное, новое, а они — затрепанное, старое,
Я не знаю, как мне относиться к ним: удивляться, презирать,
бояться ли?

Ходят люди с разными богатствами. Их богатство — лоскутки, да
ржавчина,

Да осколки, да лохмотья пыльные. Вот какое странное
богатство их.

Иногда я вижу их на улице — спины их сутулые-сутулые,
Руки их костлявые-костлявые, голоса унылые-унылые...
И всегда я вздрагиваю — кто они: жадные до самого убогого,
Любящие всеми не любимое, помнящие то, о чем забыла я!

Рисунок А. ВОВИКОВОЙ.

Старик

А я вам расскажу про то,
Как я по Сретенке бродила,
Как у табачного ларька
Я увидала старика,
Он смахивал снежок с пальто
И смахивал на Буратино.

Такой носатый и такой
Лукавый, тощий, деревянный,
Он усмехнулся и кивнул,
И носом в небо заглянул,
И стукнул об асфальт клюкой...
Мне кажется, он не был пьяный.

А просто дело шло к весне,
Снега от злости почернели,
И, сверху старый, он внутри
Вдруг стал моложе раза в три,
И боты, палочка, пенсне
Ему до слез осточертели.

И я подумала: когда
Я постарею и осунусь,
И буду медленно седеть,
И в садике весной сидеть,
И заведу себе кота,
Тогда меня пронижет юность!

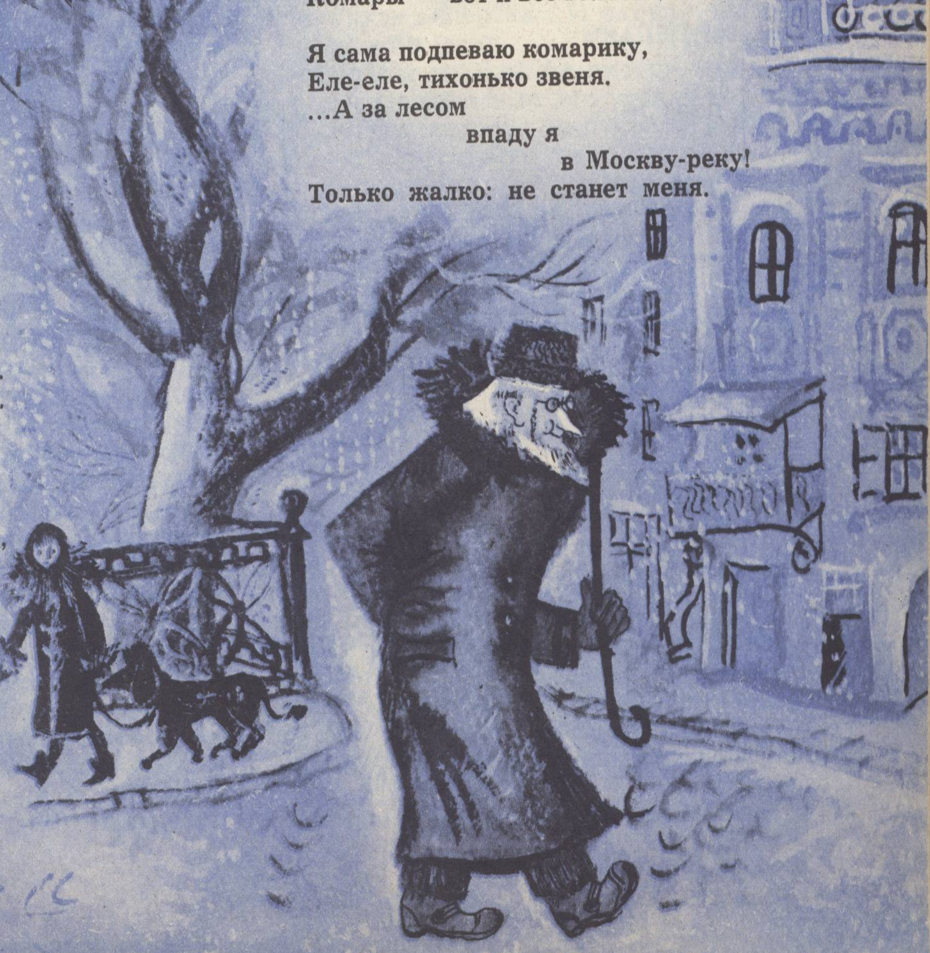
Река

Я река. Не большая, не бурная,
А каких под Москвою полно:
На поверхности — рощица бурая,
И песчаное мелкое дно.

Я река. Но совсем захудалая,
Да и как мне назваться иной,
Коль вовек никого не пугала я
Наводненьями и глубиной.

Пароходов с гудками протяжными
Я не видела даже в глаза.
Птицы, плот
с малышами-бродяжками,
Комары — вот и все голоса.

Я сама подпеваю комарику,
Еле-еле, тихонько звеня.
...А за лесом
впаду я
в Москву-реку!
Только жалко: не станет меня.

Римма КАНДЕЛАКИ

ГЛАВЫ ИЗ ПОВЕСТИ

Рисунки С. ТРОФИМОВА.

БОЛЬШИЕ и МАЛЕНЬКИЕ

Знакомлюсь с миром

У отца усы. Усы пахнут табаком. У мамы мягкие щеки. От них яблоками веет, душистым ветерком. Отец, когда целует, колется. А у мамы лицо мягче бархата. Но почему я больше люблю суровую ласку отца? Царапают щеку усы, шершаво трет лоб пиджак, больно вдавливается в нос черная пуговица... а мне приятно!

— Давай мордашку!

Я смеюсь, морща свой маленький нос, и подставляю отцу щеку.

Мне уже известно: у взрослых «лица», у соседей «физиономии», а у меня «мордашка». И пусть ее колют усы! Это вроде солнечного луча, попавшего в глаз. Жмуришься, а тепло!

Терпеть зато не могу мокрые, сочные чмоканья разнообразных теток. Их ужас сколько! Приходят в гости и первым долгом начинают ловить меня.

Это даже свинство.

Я, может, не хочу. Мне, может, некогда. Мало ли забот у человека! Человек строит из кубиков город, варит зайцу на игрушечной плите обед, пеленает оловянного солда-

тика в лоскут, воспитывает кошку, пристроился выводить в тетрадке косые палочки...

И вдруг его хватают на руки, не спросясь. Поднимают на воздух. И — чмок.

Какое унижение. Я жалко болтаюсь в воздухе, брыкая ногами в черных чулках. Кричу: «Пус-си!» (почему-то у меня не получается «пусти») — и с негодованием отпихиваюсь кулаками. Трещит шелк платья, нагло пахнут чужие духи. Близко вижу желтые кружева воротничка, неискренне улыбающиеся губы, напудренный подбородок — все неприятно, все вгоняет в тоску без исхода. Потому что мама велит быть хорошей девочкой, а у меня никогда не получается.

Хорошая девочка любит, чтобы ее целовали.

Хорошая девочка благодарит за подарок. Изображает ножкой на полу запятую, это называется «приседать». Вообще хорошая делает все, как все. А у меня всегда «все дела навыворот», по авторитетному заявлению Василисы.

Про меня говорят: «Дичок! Хе-хе».

Неискренне смеясь, отпускают на свободу. И я удираю, забыв взять подарок. Да и какой это подарок? Книга в голубом коленкоре с золотым обрезом, а читать в ней нечего. Одни глупые слова. Или громадная кукла с льняными кудрями и голубыми глазами без ресниц. Так красива, что тошнит, и в руки брать не хочется.

Ведь никто не приносит то, что любишь, о чем мечтаешь, чего ждешь.

Но вот однажды — звонок.

Детям строго запрещено открывать входную дверь. Мне ведь только пять лет, я могу нечаянно впустить воров, грабителей, попрошаек, цыганку с мешком, старьевщика (я его называю «старивещик») и даже шпика.

Кто такой шпик, не знаю. Но мама боится шпиков, и даже папа, такой сильный, большой, усатый, даже он их остерегается.

Значит, мне запрещено открывать.

Но вот звонок, а никого в квартире нет! И я — бегом в прихожую, где темно, пусто и пахнет калошами.

Становлюсь на цыпочки. Откидываю цепочку, снимаю железный крюк, с натугой поворачиваю направо ключ. Ужас, сколько у людей запоров! Однако справляюсь.

Открылась дверь. Дует с лестницы зимним холодом. Подпрыгиваю быстро, пружинкой, чтобы не простыть.

На площадке — человек в синей шинели, без шапки. Лицо землистого цвета обросло редкой бородой. Горящие, впалые глаза обведены коричневой тенью.

Мне совсем не страшно, хотя взрослая мама, наверно, испугалась бы: привидение в синей шинели! Скелет с бородой!

Меня неодолимо притягивают эти горящие глаза — сколько в них света, идущего изнутри.

И я делаю — ради Неизвестного — то, чему меня никак не могут выучить взрослые, сколько ни бьются: быструю «запятую» ногой. В холоде и пустоте лестничной площадки я учтиво, низко приседаю.

Неизвестный тихо, глухо смеется. И говорит непонятные слова:

— Патара гогона![1].

Потом спрашивает моего отца и, услыша: «Никого нет дома»,— вздыхает.

Достает из-под мышки маленькую с горбатой крышкой коробочку соломенного цвета. С ярко-зеленой петелькой и тонким, как спичка, засовом. Совсем как у бабушкиного дорожного сундука. Только этот сундучок соломенный.

— Передай, гогона, мое изделие папаше. Сам делал. Скажи: выпустили меня на поруки. Еду домой.

И костлявой, очень горячей рукой гладит мои волосы. Потом отступает на шаг, не сводя с меня горящих глаз, и, нащупывая рукой перила, светло улыбается:

— Так не забудешь, дочка? Спасибо защитнику передай. На поруки выпустили. Так скажи.

Ушел.

Сколько новых слов зараз обрушилось на мою голову! Что за слово «гогона»? Что такое «поруки»? Надо все это осмыслить. И как можно скорее. Пустилась бежать в комнаты, прижимая соломенный сундучок к груди. Сразу полюбила сундучок. Вот так игрушка. Ни у кого такой нет. Плотно набиваю его заветными сокровищами: перламутровыми пуговицами, сломанными мамиными брошками, перочинными ножичками, мастикой для лепки, кубиками шерсти... И вдруг — шаги отца.

Бросаюсь к нему.

— Смотри только! Да смотри же...— Впервые отворачиваюсь от его усов.— Вот это подарок! И ты подумай: выпустили человека на какие-то поруки! Что такое «поруки», а, пап? Едет на родину...

— Кто едет? Кого на поруки?

Отец строго глядит мне в глаза:

— Кто тебе разрешил открывать дверь неизвестному?

Он опускается в кресло. У него грозный взгляд. Светлый, ястребиный. И морщина между бровями. Прямая, как штык. Дышит тяжело, крутит ус.

Мне сразу не по себе. Я что-то натворила.

Сейчас меня запрут в чулан. Страшное наказание! В чулане — мрак, одиночество, мышами пахнет. Время в чулане тянется, тянется...

Чтоб из заключения выпустили, надо горько и усердно рыдать. Эдак — с икотой: «Я больше не бу... я не бу... ду-ду-ду».

Другой раз и не хочется, а воешь.

Воешь заунывно и без всякого смысла. Вот и сейчас.

Начинаю поспешно подвывать, чтобы не терять времени даром:

[1] Маленькая девочка (по-грузински).

— Я не бу... ду-ду-ду...

Вдруг вижу: отец не сердится вовсе! Хотя морщина врезана прямая, как штык. Хотя светел и грозен взгляд, как у дикой птицы. Хотя смуглая красивая рука нервно крутит ус. Нет, не сердится, просто расстроен. Жалеет кого-то. Мыслями несется за тем, за ушедшим...

— Па! Кто это был?

Отец пристально рассматривает сундучок. Соломка «изделия» отливает золотом.

— Кто был, а?

— Заключенный.

Ой, сколько непонятных слов, надо успеть все спросить. Ведь скоро обед, а за обедом ребятам по. агается молчать, разговаривают одни взрослые.

Строго у нас в семье. Строго было тогда в домах.

— Что такое «заключенный», что такое «на поруки», почему он велел сказать тебе «спасибо»? Ты ему что-нибудь сделал хорошее?

Отец хмуро вертит сундучок.

— Мало. Мало я смог сделать ему хорошего.

И вдруг вытряхивает сердито мои сокровища из сундучка прямо на пол.

— Зачем ты набила сюда всякой дряни? Подбери весь этот мусор и отнеси в свой уголок. Мало, что ли, у нас в доме пустых коробок? Имей в виду: этот сундучок я никогда тебе не отдам. Его делал за тюремной решеткой человек, которого я защищал. Такой подарок дорого стоит.

И ушел, ступая тяжело, к себе. За рабочий стол.

Да. Отец-то ведь у меня особенный! Он защитник. Защищает людей! Васена мне разъяснила. Их «сажают» куда-то вроде клетки, а отец что-то такое на суде говорит, говорит, говорит... Глянь — и выпустили человека.

Только при этом зачем-то «дают». «Сколько ему дали?» «Много! — отвечает отец. — Полный срок».

Двадцать пять.

Или десять.

Или (это редко!): на поруки...

Вот что за «поруки», даже не разрешается спросить, а Васена тоже толком не знает.

Медленно подгребаю ногой в кучу обесцененные пуговки, ножницы, мотки. И размышляю, вытирая нос рукавом, о настоящей стоимости подарка.

Пистолеты Лепажа

Жара, пыль, удушливый запах краски. Бродят маляры с ведрами и кистями. Стекла домов звенят.

Едут фуры, телеги, подводы — на них качаются шкафы, комоды, стоящие дыбом матрацы, зеркала с отражением бегущих облаков и фикусы, укутанные марлей.

Москва выезжает на дачу.

Едет не как-нибудь, а наподобие великого переселения: тревожно попискивают канарейки в клетках, блестят пузатые самовары. Мое воображение более всего поражают трубы граммофонов, щиты подносов и острые копья палок, на которых скоро закачаются полосатые маркизы.

Сейчас все это напоминает тыловой обоз великой армии.

Подпрыгивая на круглых булыжниках, тащится пол-Москвы, отступая в панике перед надвигающимся летом. Лето предсказано «жаркое, засушливое».

Мы тоже собираемся на дачу.

Мне беспокойно и тоскливо.

Отчего не возвращается из 1-й Градской больницы моя Васена? Прошло два месяца с тех пор, как ее увезла странная черная карета с красным крестом на дверце. Мне без Васены дача не в дачу. Кто сумеет, как она, бродить по лесу без тропок, узнавая направление по солнцу, по наросту лишайника на стволах деревьев, отыскивая целебные травы или волшебный «гриб» на старой березе, от которого «спадает» любая опухоль в теле человеческом,— короче сказать, знакомя меня с лесом, как с добрым другом.

Весь зеленый лес у нее полезный, узнанный, свой!

Она не поет, Васена, только приговаривает: «Расцвели цветы лазоревые...» или «Встань передо мной, как лист перед травой». Но, к сожалению, едет с нами на дачу вместо исчезнувшей куда-то Васены румяная Глаша.

Глаша, та поет, еще как поет — во все горло:

...Шли они лесочком
Да повстречались со стрелочком...

Похоже, что Глаше самой не терпится повстречаться со стрелочком, так энергично собирает она нас в дорогу.

Но мы двигаемся в путь на подводе так же скрипуче, неспешно, как двигается пол-Москвы, вливаясь в общий поток.

Мама в последнюю минуту забывает дома какие-то ключи; в Немчиновке остановка, и она бежит, подобрав юбки, к станции: давать телеграмму папе.

«Ключи комоде запятая забыли теплые одеяла запятая ждем субботу».

— Отбили депешу! — бурно радуется Глаша, словно это — самое главное в нашем путешествии.

Едем дальше. Дрожит над полями нагретый воздух.

Но вот запахло свежестью. Дорога поднимается в гору. Встает зубчатая стена темного леса... и наконец наша дачка.

До чего маленькая дача, прямо курятник! Смехота.

— У нас с отцом уговор: дисциплина — первое дело,— отрезал Шурка.

— Зато лес рядом,— подчеркивает мама,— сразу же за террасой.

И она эффектным жестом обводит все разом — тераску с огромными трещинами в полу, перекосившиеся от старости перила и черный лес, обступивший домик своей непроходимой чащей. Оттуда веет сыростью, таинственным шепотом деревьев и неслыханным покоем, какой бывает, вероятно, на дне глубокого океана.

— Перебросить ноги через перила, и ты уже в лесу!

Я так и делаю.

Пока взрослые вбивают гвозди в тесовые стены, сматывают бечевки, распаковывают чемоданы и отчаянно доискиваются каких-то кастрюль, костылей, подпорок, бог их знает чего, я коротким галопом обегаю домик.

Стоп! Здесь дико, глухо, но совсем не одиноко: еще один такой «курятник» стоит рядышком, отделенный лишь штакетником от нашего двора.

Остается выяснить: кто наши соседи?

Можно разглядывать через невысокий заборчик, но какой порядочный человек глядит через забор.

Ложусь, как положено, на живот и ползу по траве — неслышно, быстро, совсем как Кожаный чулок, про которого зимой нам вслух читал отец. Так гораздо удобнее подглядывать!

Метелки густой травы щекочут, жучки и

паучки деловито перебегают по мне, словно я не человек, а некое большое подобие их самих. «Ну и пускай! — думаю весело, с удовольствием.— Не хочу быть человеком, хочу быть живой тварью...»

С другой стороны штакетника что-то так же неуклонно приближается ко мне. Не поймешь: собака, кошка?

Трава в чужом дворе выше, гуще. Лебеда, репейник, крапива... верно, очень толстокожее животное ползет сквозь такую заросль, высматривая или прицеливаясь.

Мы разом оба подняли головы... Мальчишка!

Тоже следопыт, да такой стойкий — в репьях весь.

Волосы острижены «под ноль». Кожа розовая, как у поросенка. Макушка золотом отливает.

Глаза фаянсово-синие. И как подобает следопыту, никакого выражения «в суровых чертах каменного лица». Все как у Фенимора Купера.

Только сопит уж очень громко. Так не полагается.

— Ты чего сопишь? — спросила я.

— Крапива жгется,— честно призналась голова.

Я прыснула.

— Тогда перелезай скорее на нашу сторону: у нас никакой крапивы нет. Мягко, хорошо...

И я радушно похлопала ладонью по не обжитой еще земле.

Но странный мальчик возразил: он должен сначала спросить разрешение у отца. Если отец позволит играть в чужом саду, он «перепрыгнет как переплюнет», это для него не загвоздка.

Я разочарованно протянула:

— Иди, спрашивайся.

Странный человек упруго вскочил на ноги и оказался крупным, упитанным мальчишкой лет десяти в коротких брючках, открывавших слишком белые для следопыта колени.

Нет, мне не повезло. Какой там разведчик! Обыкновенный городской паренек, да еще послушный — у отца должен спрашивать, перелезть ли ему через забор или не перелезть!

Странно, не по-людски.

Тем временем новый знакомый умчался, молодцевато вскидывая ноги, по направлению к другой дачке, спрятанной в кустах бузины.

Неизвестно с кем посоветовавшись, он через пять минут вернулся разрумяненный, горделиво и довольно ловко «переплюнув» штакетник, упал на траву недалеко от меня и стал лечить ожоги крапивы прикладыванием листьев конского щавеля и между прочим сообщил, что он Шурка.

Я тоже назвала себя, сомневаясь в душе, стоит ли с таким Шуркой водиться.

Тут Шурка выразил большой интерес на круглой физиономии, справившись: откуда я умею ползать неслышно, по-следопытски? И знаю ли я, что такое «гуроны» и «опоссумы»?

Я отвечала, что знаю Фенимора Купера, «Кожаный чулок» и все такое прочее.

— Ого!!! Ты даже знаешь Купера? Я тронут, двинут, опрокинут! — завопил в неподдельном восторге Шурка и в самом деле опрокинулся, встал на голову и зааплодировал ступнями ног.

Это уже было по-настоящему занятно, мне понравилось.

А когда новый знакомый ужасающе зарычал и пошел ко мне на четвереньках, я постаралась как можно скорее согнуть первый попавшийся прутик луком и пустила в него воображаемую стрелу.

— Вззз...

— Правильно! — одобрил, умирая в судорогах, тигр.— Ты даже на девчонку не похожа... все делаешь по-опоссумски. А скажика,— лицо его изобразило коварство,— небось, Фенимор Фенимором, а «Княжну Джаваху» все-таки почитываешь?

— Какую... Джаваху?

— Черт... ну какую, которая всегда в обморок падает да стихи читает! Институтки, пелеринки, ленты, кружева, ботинки... Ты, может, с Лидией Чарской незнакома даже?

Я тщетно вспоминала, имеется ли среди знакомых моих родителей дама с такой фамилией, и, не вспомнив, покачала головой.

Шурка ходил кубарем по траве, делал стойку, аплодировал ногами и, наконец, задохнувшись, опустился на траву уже совсем рядом.

— С тобой стоит дружить!

Он пояснил: у него «полторы тысячи знакомых девчонок», и ни одна не знает Фенимора Купера, ни одна! Зато все обожают Чарскую, наизусть читают про княжну Джаваху.

— И от этого глупеют прямо на глазах. Ненавижу девчонок до рвотины!

Оскорбившись за половину рода человеческого, я колко ответила, что зато я не понимаю тех мальчишек, что за каждой малостью лезут к старшим: «можно» да «нельзя». Разрешите высморкаться! Можно ли чихнуть?

— Это потому тебе непонятно, что у тебя семья не военная, а у меня семья военная,— хладнокровно отрезал Шурка,— у нас с отцом уговор: дисциплина — первое дело. Он мне — приказ. А я ему — есть выполнять приказ! Мы с ним, знаешь, дружно живем... и вполне друг друга понимаем.

Я крепко засомневалась в правоте последних слов, но сочла неудобным спорить.

Шурка был так счастлив, что нашел себе товарища! Его оловянные глаза блестели пуговками.

— Я, знаешь, из тебя настоящего парня сделаю. Научу стрелять! Сперва из лука, потом... у отца попрошу оружие.

Это было совершенно фантастично, зато прельщало неотразимо.

Вечером мы с сестренкой пили на терраске настоящее парное молоко («прямо из-под коровы!»), заедая его черствыми, но вкусными гречневыми лепешками, привезенными из оставшейся где-то там Москвы...

Над дачкой сгустилась непроглядная темень. Глаша зажгла стеариновые свечи — тотчас над некрашеным столом заплясал хоровод мошкары.

Самовар то ныл, то подмигивал красными угольками.

В лесу ухала ночная птица. Похоже было на безумный смех, тут же подавляемый. По коже забегали мурашки.

— Ржет, как филин: ух! ух! — неодобрительно передразнила птицу Глаша и рассказала страшную историю о разбойниках, зарезавших дачников длинными ножами.— Дачники-то оказались глупыми: слышат, филин орет, ну и растворили двери, хотят птицу отогнать, чтоб спать не мешала. А «те» и ворвись... ножи дли-и-н-ные... черные бороды прицеплены, морды замотаны тряпками, чтоб не узнали... Да ничего, Наталья Львовна, давно это было.

— Ой, боюсь! — вскрикнула Татуся и выплюнула пол-лепешки, приготовляясь к реву.

Я пришла к заключению, что мне пора вмешаться.

— Бояться нечего,— авторитетно заявила я.— Рядышком, на другой дачке, живет военная семья. Отец — офицер, сын — тоже офицер, только... в будущем, сейчас он учится. Дома у них — масса оружия. Есть даже пистолеты Лепажа «со всегда взведенным курком». И случись что плохое, я тотчас крикну: «Шу-у-урик»,— приложила ладони ко рту трубой,— это же мой приятель...

— Уже! — прошептала мама.— Ну и ну!

— Этот Шурик стреляет в цель, у него собственное монтекристо, он попадает в яблочко с двадцати шагов...

Запихав лепешку в рот, Татуся пошла спать совершенно успокоенная.

Учись, собачка!

Лето стояло необычайно жаркое, безветренное.

Июль, настоянный на луговых травах, густой, как пчелиный мед, опьянял нас, ребят, томной ленью.

Где-то далеко горел лес, и до нас доползал горьковатый, дымный запах беды; в полях останавливались косцы, заслонив глаза ладонью от нестерпимого блеска солнца, тревожно вглядывались в марево зноя.

Но что понимали мы, беспечные щенки? На качелях оборвались веревки, в гамаке появились дыры. Сколько раз мы, укачавшись, летели вверх тормашками и падали в траву!

Мы хохотали от неожиданности, вопили от ушибов и колотили землю кулаками, словно в этом была она, земля, виновата перед живыми существами: твердая, ушибает!

Дружба с Шуркой крепла, казалась нерасторжимой. Да и что могло бы расторгнуть наш союз?

Шурка рос без матери. Она не умерла, но куда-то исчезла, и он никогда не вспоминал о ней вслух.

Глухая, угрюмая бабушка вела хозяйство офицера. О Шурке она заботилась, но умеренно: все ее внимание поглощала варка варенья.

Любопытно было поглядеть, как старуха, причмокивая, лила с ложки розовую струю на блюдце, но я никогда не видела, чтоб она для внука положила на блюдечко хоть ложку пенок.

Скупая. Покроет очередную банку варенья восковой бумажкой, обвяжет бечевкой и снесет, испуганно озираясь, в погреб. Страстно хотелось, чтоб она хоть разок скувыркнулась там, перебила бы свои банки или разлила варенье... Так нет же, обходилось.

Шурик, нутром чувствуя мое неодобрение, защищал бабку, хвалил ее «запасливость», ее «хозяйственность», чмокал и предвкушал, как здорово будет подсластиться зимой, хвастал и лез из кожи, пока я наотрез не оборвала:

— Терпеть не могу сладкое. Могу жить даже без сахара.

Тогда он утешился и просиял — может, ему, бедняге, и зимой варенья не доставалось, но ведь важно защищать честь семьи!

А отец Шурки — офицер — сидел за книгами: готовился к экзамену в военную академию. До поздней ночи в его окошке горела лампа. Он ни с кем из нас никогда не разговаривал, но, проходя мимо, щелкал шпорами и отдавал честь так учтиво, что приходилось, хочешь не хочешь, делать запятую ногой.

Но мне не нравился «Рыбий хвост» — так про себя прозвала я офицера. Не нравились его узкие глаза меткого стрелка, длинное лицо и тонкие губы.

Что за манера пощипывать усики, усмехаясь свысока, и так негромко командовать, обрывая интересную игру, откуда-то издалека:

— Шурик! Обедать.

— Есть обедать! — тотчас отзывался этот несчастный, рабский, подневольный сын, даже не помышляя о том, чтоб выпросить еще минуточку.

...Все лето мы с Шуркой купались и плавали вперегонки. Отдыхали на песчаной отмели. Строили мощные крепости из сырого песка, а потом с дикими воплями разрушали их.

Теперь они стояли друг против друга, скрестив непримиримые

Не оставлять же такую красоту коровам, которые плелись на водопой, сонно помахивая хвостами и угрожающе глядя на нас.

Дружба крепла. Мы уже договаривались с Шуриком о встрече зимой.

Он записал мой телефон в хорошенькую книжицу с золотым тиснением «Школьник». Меня таинственно обозначил в ней единственной буквой, проворчав под нос:

— Мне и так понятно. А другим не покажу.

Потом нарисовал «наш герб»: две скрещенных стрелы, над ними — пчела.

Что это могло означать? Конечно, дружбу? Автор герба загадочно усмехался, никому не открывая тайны.

И вдруг незадолго до отъезда произошла между нами ссора! Да какая страшная ссора! Ни за что бы не поверила, что такое может случиться между двумя понимающими людьми, поклонниками Фенимора Купера!

Мы сидели рядышком на скамье, болтали ногами и поминутно хохотали — просто так, от здоровья, избытка сил и хорошего настроения после купания.

Помню, колено мое было расцарапано, и Шурик великодушно предлагал, что он на него «поплюет и все пройдет».

Мимо протрусила рысцой жалкая, пегая, довольно уродливая собачонка, любимица хозяев дачи, живших летом в сарае неподалеку.

— Это сенбернар,— надув щеки, важно назвал Шурик модную тогда породу дорогих собак.

Оба прыснули. Я откликнулась, что перед нами скорее «сендворняр»,— и оба опять прыснули.

Шурик решил обучить вертевшуюся вокруг нас Жучку двум-трем нехитрым фокусам и в приступе веселья прокричал:

— Учись, собачка! Студентом будешь.

А я подхватила еще громче, еще задорней:

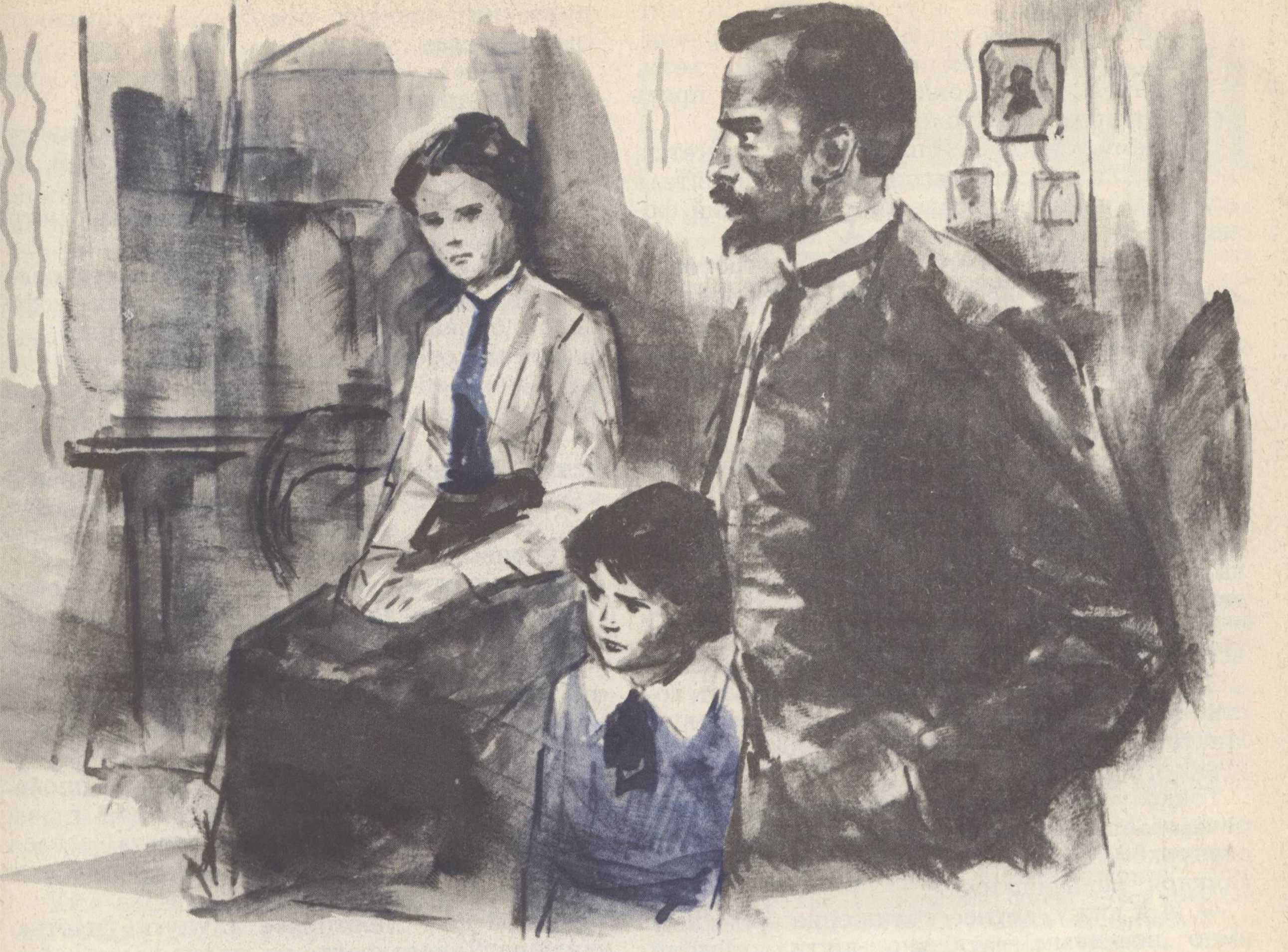
— А не доучишься — офицером будешь.

Остроту эту поведал мне когда-то «вечный студент» дядя Вася.

Сидели, рассказывал дядя Вася, однажды на бульваре порознь две компании: компания офицеров и компания студентов. Офицеры решили поддразнить студентов и скомандовали такой же вот Жучке: учись, собака, студентом будешь! А студент, известно, за словом в карман не лезет, отбрил военных: а не доучишься — офицером...

Меня поразила наступившая тишина.

Шурка сидел немым истуканом, постепенно тяжело краснея. Даже уши его сквозили

взгляды, сверкавшие холодно, как клинки.

багровым в лучах заходящего солнца. Губы, всегда добрые, сжались, стали тонкими, злыми. Белесые брови сошлись в одну черточку.

Он поднял на меня холодный взгляд сузившихся глаз.

Тяжелое, чужое лицо.

— Чего ты... Шурик! Шурик же!.. Да ты что?

— Не «что» я, а «что» ты,— с ненавистью выговорил мой бывший друг,— соображаешь или не соображаешь, кому говоришь и что говоришь?

Тут только до меня полностью дошло, чем я обидела Шурку. Эх я, нескладная! Матери у парнишки нет, бабушка — сквалыга, один отец только на свете... правда, это «Рыбий хвост», но все же любить отца надо, гордиться им тоже надо.

А отец — офицер.

Эх, беда какая! Попробую-ка отшутиться.

— Шурик, ведь это все неправда, просто такой анекдот. Этого не было. Никто собачку не учил...

Он вперил в меня ненавидящий взгляд:

— Не было?! Было! Все наше училище про этот случай знает. Хочешь, покажу тебе бульвар, покажу тебе скамейку, на которой тогда офицер зарубил...

— Зарубил?

— Зарубил нахала студента.

И Шурка с изуродованным бешенством лицом хлестнул прутом по воздуху наотмашь: р-раз, р-раз...

Всесильные боги, что случилось тогда со мной!

Кровь ударила в голову. «Зарубил нахала студента...»

Быстро мелькнуло в памяти: дядя Ника в кандалах, с гордо поднятой головой,— ему жандармы сломали ребро; дядя Вася — его выпроводили из Москвы в ссылку...

Не помня себя, я вцепилась в Шурку, он — в меня, и мы покатились по земле, ревя и колотя друг друга с деловитым остервенением, как молотят снопы.

Наши вопли слышны были на всю округу.

Ужасаясь, подбегали какие-то взрослые, растаскивая двух подравшихся ребят. Неслась от дачи, всплескивая руками, моя мама. И бежал, обгоняя ее, еще кто-то, звенящий шпорами, с суровым окриком:

— Шурка! Встать! На что ты похож?

— Пустите меня,— вопил Шурка, брыкаясь,— я ей сейчас еще вдарю... такая же дура, как все девчонки!

Я ничего не говорила, вцепившись в его руку.

Нас еле оторвали друг от друга. Его матроска и мое нежное платьице были изорваны, в пыли. По щекам текли кровь, сопли, слезы.

У него в горсти оказалась зажата прядь моих оборванных волос.

А я ему крепко влепила чем-то (кажется, кеглей), и под глазом бывшего приятеля вспухал, наливаясь синевой, большущий фонарь.

...Поздно вечером, когда мы в гробовом молчании заканчивали ужин (Татуся все еще всхлипывала от страха, мой же лоб украшала марлевая повязка, и жевать было больно: губа сочилась кровью), приехал из города отец.

По-видимому, ему все рассказали.

В полном молчании он съел пшенную кашу и ни разу не поднял на меня глаза.

Не поднял их, даже когда в саду раздался изящный звон шпор и без предупреждения на нашей терраске внезапно появился незваный гость.

«Рыбий хвост»! У меня сразу заболело во всех ушибленных и неушибленных местах.

Заалевшись, Глаша бросилась подавать гостю табурет, мама чуть наклонила голову... Никто не знал, что сказать. Кроме него — «Рыбьего хвоста».

Тонко усмехнувшись, офицер сразу повел речь о летней дружбе двух ребят, «о милой девчурке», согревшей одиночество некоего «дикаря мальчишки».

— И я вижу, летнее сближение было взаимно полезным,— любезно шутил «Рыбий хвост»,— мой сын узнал, что девочки далеко не глупы, умнее мальчишек иной раз. А ваша дочка, надо признать, недурно усвоила уроки бокса, закатила моему чудаку такой нокаут...

Он коротко засмеялся — слишком коротко.

— Так, впрочем, сыну и надо! — закруглялся офицер.— Зачем было вспоминать доисторический анекдот, тем более, что анекдот этот неверен...

— Разве? — внезапно откликнулся мой отец из темноты.

Он встал, чтоб закурить. «Рыбий хвост» предупредительно щелкнул зажигалкой, подал огонек.

Обменявшись кивками, мужчины быстро разошлись по углам.

— Неверен, утверждаю, в той части неверен, где говорится: «а не доучишься — офицером будешь». Видишь ты это, Инна?

Офицер отогнул лацкан, показывая какой-то значок, абсолютно для меня непонятный. Я вперила в него мрачный взгляд.

— Высшее образование,— спокойно разъяснил «Рыбий хвост», словно мы были здесь вдвоем, только он и я,— видишь ли, девочка, все меньше и меньше становится у нас недоучившихся офицеров.

Я прошептала нечто еле слышное, и офицер, улыбаясь, подставил ухо: что лепечет, дескать, милое дитя?

— Она говорит,— громко перевел отец,— что ударила вашего сына не за это, а за его последние слова... Какие? Ну, смелее, Инна! Не молчи.

— Офицер... зарубил... студента,— пролепетала я, и слезы снова обожгли мне глаза.

Слегка порозовев, «Рыбий хвост» сделал непроизвольное движение шеей, словно ему жал тугой воротник.

— Мой сын повторяет глупую сплетню училища. Такого факта на самом деле не было.

— Был! — с силой ворвался в разговор мой отец.— И не один и не только в Москве, много было, и повсюду. В Одессе, Батуми или в Тифлисе... В Петербурге или — совсем недавно — на Лене... далеко от столицы или же в самом центре ее — какая разница? Но такой факт был, не мог не быть.

Теперь они стояли друг против друга, скрестив непримиримые взгляды, сверкавшие холодно, как клинки.

— Слишком часто в нашем обществе,— размеренным голосом говорил мой отец, будто по бумажке читал,— необходимый аргумент заменяют ударом кулака. Сказать-то ведь нечего! Значит, саблю наголо — и р-р-раз! Зарубил на месте.

Он швырнул папиросу в сад, и мы почему-то все проследили полет красной точки во мраке.

«Рыбий хвост» поднял угловатые плечи. Он очень, очень сожалеет, стоит ли придавать обычной детской ссоре несвойственное ей значение.

Обращался «Рыбий хвост» теперь исключительно к матери — отец мой словно перестал для него существовать.

— Я дорожил их дружбой, и, право же, если бы знакомство наших детей продолжалось, нрав Шурки смягчился бы... это было б доброе, женское влияние...

— А влияние училища, где хвалят убийц, где поддержать «честь мундира» — значит зарубить безоружного? — глядя на звезды, вслух размышлял отец, повернувшись ко всем спиной.— Это тоже доброе влияние?

Красная, мама пошла проводить до калитки церемонно откланявшегося военного.

Меня отослали спать.

Уже засыпая, услыхала через тонкую перегородку голос отца:

— Вот тебе и «джентльмен». Поняла теперь? Каста! Военная каста. Нет... нет... Не уверяй меня. Не знаю среди них «порядочных». Царское верноподданное офицерье... сплошь — бурбоны. Э, брось! Чуть кто заденет, чуть стоит кому зацепить их опозоренный мундир, как они тотчас же бросаются в кровавый бой. Видала, как гаденыш разукрасил девчонку?

В панике я закрылась подушкой — звуки спора смолкли.

Не зная еще, что за штука политика, я уже на себе ощутила ее давление. Как болели шишки мои, царапины! Как нестерпимо грустно сознавать, что никогда, ни при каких обстоятельствах знакомство с Шуркой уже не возобновится.

Одного неосторожного слова довольно — и друзья становятся злейшими врагами... потому что выясняется: они на разных берегах.

Я по эту сторону. Шурик — по ту.

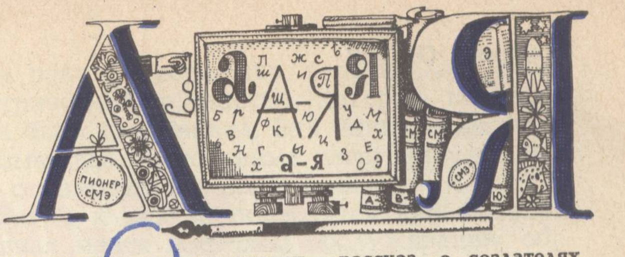
Накануне отъезда, очевидно, чтобы заглушить горечь разрыва, «краснокожий брат мой», бегая вокруг дачи уже одетым в кадетскую форму — курточку и штаны с кантом,— крикнул через забор:

— Ну и дура, ну и дура.

Его накануне укусила оса, губа вспухла, получалось поэтому: дурла, дурла, дурла.

А я непримиримо отвечала:

— Бурбон, бурбон, бурбон!

На следующих страницах — рассказ о создателях космодромов. Может быть, некоторым нашим читателям будет трудновато сразу разобраться в строгих технических терминах, которыми пользуются конструкторы космодромов. Наша СМЭ и рисунок на 34—35-й страницах тут помогут.

БАРОКАМЕРА — герметически закрытая камера для искусственного изменения давления. Различают барокамеры низкого и высокого давления.

БАШНЯ ОБСЛУЖИВАНИЯ — металлическая конструкция, обеспечивающая доступ людей, подвоз приборов к различным ярусам ракеты. На площадки Б. О. поднимаются с помощью лифтов и лестниц. Перед пуском Б. О. отходит от ракеты. Вес Б. О. может превышать 3 500 тонн. Высота — более ста метров. Некоторые Б. О. имеют собственную электростанцию, отопление, вентиляцию и связь.

ГАЗООТРАЖАТЕЛЬ — часть пусковой системы космодрома. Он предназначен для рассекания и безопасного отвода обжигающей сверхзвуковой струи от двигателей ракеты.

ГОЛОВНОЙ ОБТЕКАТЕЛЬ — оболочка передней части ракеты, которая создает обтекаемую поверхность. Г. О. закрывает космический корабль, защищая его при движении ракеты на больших скоростях в плотных слоях атмосферы. После выхода за пределы атмосферы Г. О. отбрасывается.

ДОПУСК — в технике — предельное возможное отклонение от заданного размера. Малый допуск — надо применять тонкие рабочие операции, большой — можно ограничиться более грубой работой.

КАБЕЛЬ-ЗАПРАВОЧНАЯ БАШНЯ — сооружение для подвода к ракете заправочных кабелей и трубопроводов — топливных, электрических и других.

КОМПРЕССОРНАЯ СТАНЦИЯ КОСМОДРОМА — установка для сжатия воздуха, азота или гелия.

МОНТАЖНО-ИСПЫТАТЕЛЬНЫЙ КОРПУС (МИК) — главное сооружение технической позиции. Здесь происходит сборка ракеты в вертикальном или горизонтальном положении, испытание ее и пристыковка к ней космического корабля.

ОКИСЛИТЕЛЬ — составная часть ракетного топлива.

ПУСКОВАЯ (СТАРТОВАЯ) СИСТЕМА — основная часть стартовой позиции. Она обеспечивает прием, ориентацию и удержание ракеты в положении для пуска. П. С. оснащена кабельными, заправочными, кабель-заправочными мачтами и газоотводными каналами.

РЕСИВЕРНАЯ — сооружение для приема, хранения и выдачи сжатых газов на космодроме.

СТАПЕЛЬ — в кораблестроении — специально оборудованная площадка, на которой строят корабли.

СТАРТОВАЯ ПЛОЩАДКА — место пуска ракеты: все сооружения вместе с пусковой системой.

СТАРТОВАЯ ПОЗИЦИЯ, или, иначе, СТАРТОВЫЙ КОМПЛЕКС, — комплекс сооружений со специальным оборудованием, особо подготовленными участками земли и подъездными путями, которые служат для доставки ракет с технической позиции на стартовую площадку для установки их на пусковую систему, для испытаний, заправки, ориентации и пуска.

ТЕХНИЧЕСКАЯ ПОЗИЦИЯ — комплекс сооружений и земельный участок с подъездными путями, обеспечивающий прием и хранение блоков ракет, сборку ракет, их испытания и заправку. На технической позиции и располагается монтажно-испытательный корпус.

ТРАНСПОРТНО-УСТАНОВОЧНЫЙ АГРЕГАТ — мощное устройство для перевозки ракеты с технической позиции на стартовую и установки ее в вертикальное положение.

Владимир ОРЛОВ

ТВОРЦЫ КОСМОДРОМОВ

Рисунки А. БОРИСОВА.

За короткий срок человечество шагнуло от ипподромов до космодромов. Не один лишь цокот копыт оглашает пространство современных ристалищ, но и грохот связок ракетных двигателей, превышающих по мощности все поголовье лошадей земного шара. В укрощении, подчинении неслыханных мощностей и заключается главный пафос конструкции и архитектуры современного космодрома. Я бывал на космодроме — этом богатырском поле, распростертом на крутом боку Земли. Никогда не изгладится в памяти пламенная феерия космодрома.

Захотелось посетить конструкторское бюро, возглавляющее разработку комплексов наземного оборудования, познакомиться с главным конструктором наземного оборудования, который обеспечивал наши пионерские шаги в космос.

Мы прошли с ним по светлым залам, где чертежные доски стоят наклонно, словно нотные пюпитры. Миновали отделы объемного проектирования, где уменьшенные в десятки раз детали размещались в прозрачных плексигласовых коробках, соединялись дремучим лабиринтом кабелей и трубопроводов, чтоб в последний раз, так сказать, на ощупь, проверить плоды пространственного воображения, отловить малейшие его ошибки. «Семь раз отмерь, один раз отрежь» — непреложная заповедь проектировщиков космодрома, потому что конструкции здесь монументальны — переделывать их все равно, что перестраивать скалу. Перед ликом могучих и грозных сил неуместна и малейшая суетность конструкторской мысли, тут пригодны лишь мудрые, осмотрительные решения.

На последних ступенях этапа конструирования появляются маленькие действующие модели комплекса наземного оборудования. Даже выполненные в мелком масштабе, они занимают обширный зал. Это как бы миниатюр-полигоны штурма космоса. Автоматика та же, что и на подлинном космодроме, но электронный мозг здесь заведует лилипутским телом. Все похоже на театр, где разыгрывается звездная мистерия. Как и всякое театральное действо, она обогащает представление о реальности, привнося в знакомый образ космодрома какие-то дополнительные штрихи.

Вот прославленный монтажно-испытательный корпус, куда доставляют отдельные блоки ракет. Пути такой доставки различны — и специальные вагоны, и воздушные корабли с вместительными трюмами, и могучие вертолеты. Блоки катят на монтажных тележках. Подключают их к электронным экзаменаторам, проверяющим электрические системы, подвергают пневматическим испытаниям. Тут знакомые барокамеры для проверки герметичности в условиях высокого вакуума — голубые пузыри космической пустоты.

Затем блоки подаются на стапели, где хлопочут мостовые краны и другие агрегаты обслуживания, собирая блоки в общий пакет, если только можно называть пакетом нечто вытянутое и подобное обелиску. Здесь они еще раз проходят проверку уже в собранном виде.

Мостовые краны подхватывают ракету и укладывают на подобный гигантскому лафету транспортно-установочный агрегат. К ракете пристыковывают космический корабль, прикрывают его забралом обтекателя. Наступает величавый момент. Ворота монтажно-испытательного корпуса расходятся, как торжественный занавес, и ракета выезжает на «лафете» вперед двигателями, сверкающими на солнце. Она движется с достоинством к стартовой позиции, повторяя в исполинском масштабе заключительные части наших праздничных парадов.

При подходе к стартовой позиции гидравлические мышцы транспортно-установочного агрегата напрягаются, он стремится поставить ракету вертикально. «Обелиск» медленно поднимается.

Подъем гигантских обелисков во все века считался инженерным подвигом. Наполеон вывез во Францию древнеегипетский обелиск, а французские инженеры установили его на площади Парижа. На подножии каменного столба вырезали механическую схему подъема, чтобы увековечить подвиг французских инженеров, рядом с древними иероглифами, рассказывающими о подвигах фараонов.

Значителен вклад советских инженеров, впервые создавших транспортно-установочный агрегат с удивительно хитроумной системой рычагов и цилиндров, играющий с обелиском-ракетой столь свободно, как ребенок с куклой.

Ракета устанавливается на станину стартовой системы, а могучий и умный агрегат возвращается обратно в монтажно-испытательный корпус. Ракета, словно гигантская башня, возвышается над бескрайней равниной.

Можно лишь представить, сколько конструкторского остроумия вложили советские инженеры в разработку надежных вариантов стартовых систем, где могучие механические мышцы ориентируют гигантские обелиски ракет совершенно вертикально, с геометрической точностью, которой позавидовал бы и сам Эвклид. Это уникальные механизмы, где многотонные нагрузки уживаются с микронными допусками.

Затем к ракете подводятся кабель-заправочная мачта и фермы обслуживания, оборудованные лифтами и многоэтажными площадками. Их конструкции разнообразны: здесь известные телезрителям фермы, распадающиеся, словно лепестки цветка, и подвижные фермы, подобные тем осадным башням, которыми штурмовали средневековые крепости. Несмотря на их грозный, атлетический вид, это самые нежные конструкции в мире. Исполинская рука кабель-заправочной мачты должна подключить к ракете многочисленные кабели и трубопроводы с такой же осторожностью и точностью, с какой рука хирурга сшивает кровеносные сосуды.

Тут уместно напомнить, что конструкции ракет хотя и жестки, но тонкостенны. Своим строением они чем-то напоминают стебель злака, где и прочность и легкость сочетаются в гармоническом единстве. Обелиск ракеты колеблется, словно ножка камертона, поющего на ветру. Крепления площадок ферм обслуживания не должны быть жесткими, чтобы они не сыграли роковую роль серпа, подсекающего злак. Тончайшие ухищрения механики создают площадки трепетные, чуткие, уступающие малейшим колебаниям корпуса ракеты.

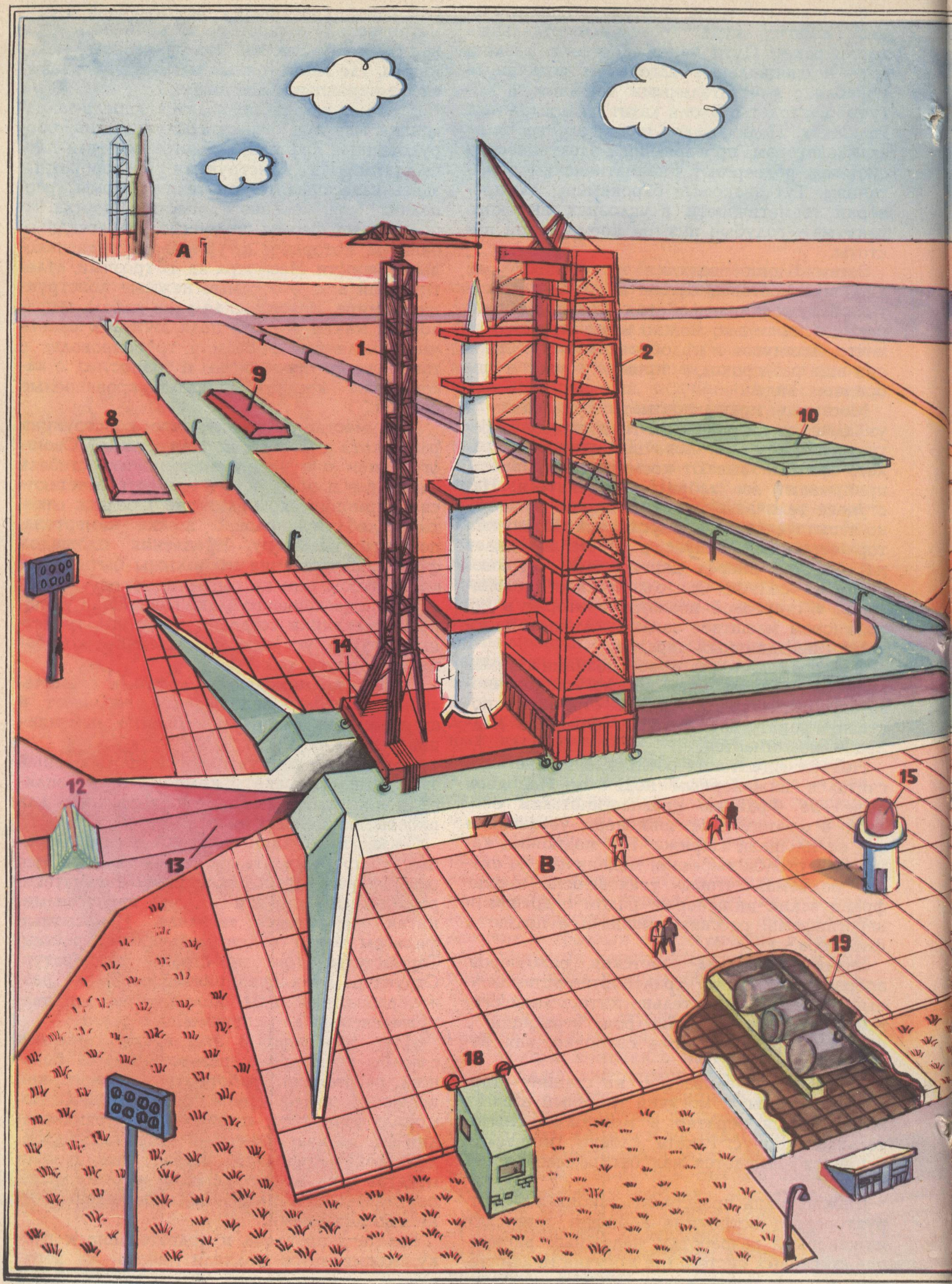
Плавно поднимаясь на лифте к космическому кораблю, видишь, как мелькают в ажурном просвете ферм быстро изменяющиеся образы Земли.

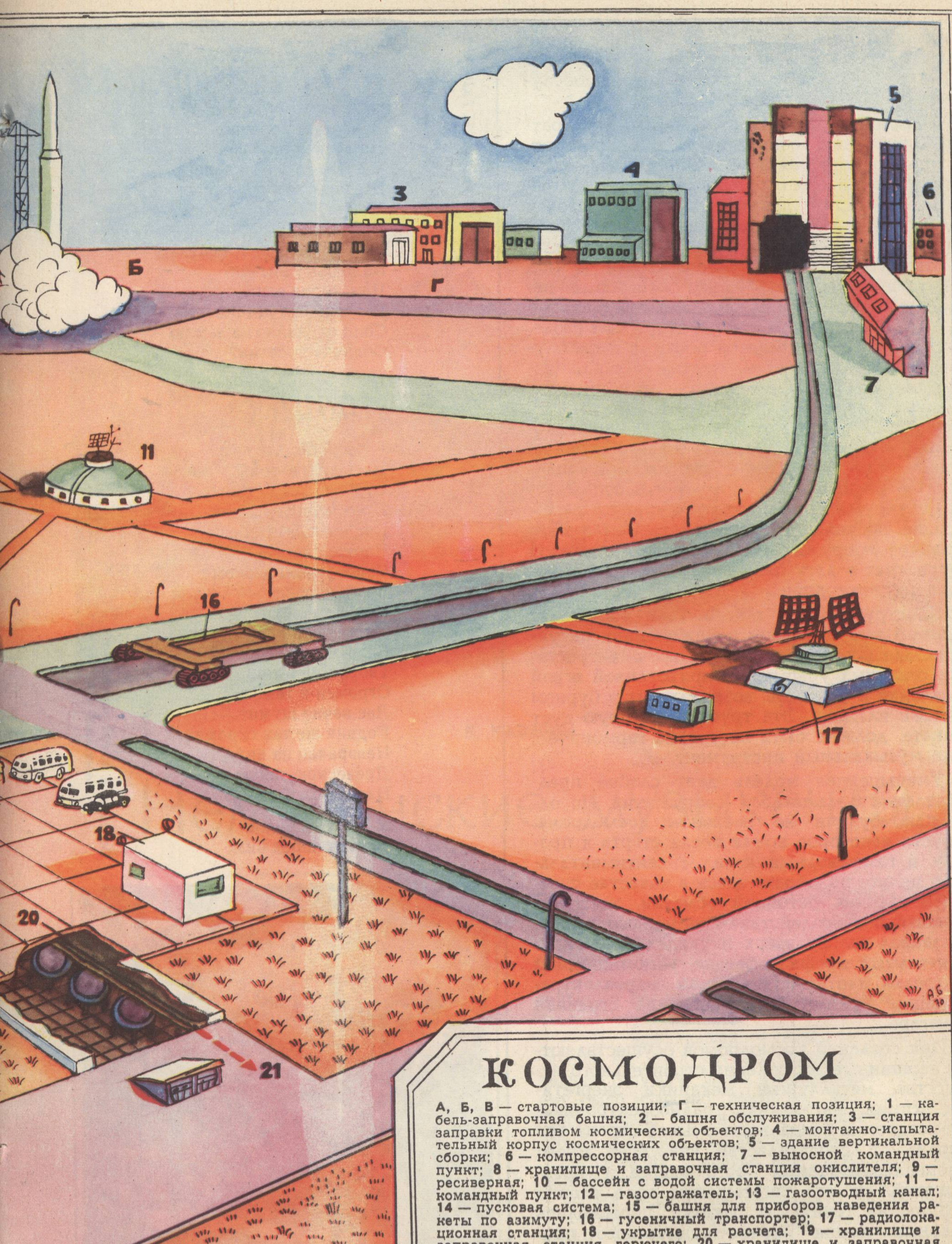
Наступает ответственный и небезопасный этап заправки ракеты компонентами топлива и сжатыми газами, необходимыми для работы важнейших ее систем.

Оживают станции заправки. Было бы наивным представлять их себе как простые резервуары — это сложнейшие автоматизированные предприятия. Здесь царит знаменитая «вакуумная гигиена». Ненасытные фильтры ведут отлов мельчайших частиц. Термостаты стоят на страже температур. Структура этих предприятий столь же разнообразна, как виды компонентов топлива, применяемых для современных ракет.

Идет заправка! В это время смежные службы космодрома, разнесенные на большие расстояния, работают слаженно, как колесики под крышкой хронометра. С помощью точнейших приборов стартовик следит за величественной электро-газогидравлической симфонией. Перед ним панели пультов управления, словно серые листы партитуры этой симфонии, испещренные огненными знаками.

Ракета заправлена и подготовлена к пуску. Космонавтов подняли лифтом на верхнюю площадку фермы обслуживания. Здесь

A
1
2
9
8
10
14
12
13
15
B
19
18

КОСМОДРОМ

А, Б, В — стартовые позиции; **Г** — техническая позиция; **1** — кабель-заправочная башня; **2** — башня обслуживания; **3** — станция заправки топливом космических объектов; **4** — монтажно-испытательный корпус космических объектов; **5** — здание вертикальной сборки; **6** — компрессорная станция; **7** — выносной командный пункт; **8** — хранилище и заправочная станция окислителя; **9** — ресиверная; **10** — бассейн с водой системы пожаротушения; **11** — командный пункт; **12** — газоотражатель; **13** — газоотводный канал; **14** — пусковая система; **15** — башня для приборов наведения ракеты по азимуту; **16** — гусеничный транспортер; **17** — радиолокационная станция; **18** — укрытие для расчета; **19** — хранилище и заправочная станция горючего; **20** — хранилище и заправочная станция водорода; **21** — к испарительным площадкам.

они с прощальными жестами садятся в космический корабль. Задраиваются последние люки. От ракеты отсоединяются заправочные коммуникации и отходят фермы обслуживания. Ракета готова к старту.

Наступает решающий момент, многократно описанный очеркистами... Слышны отсчеты времени: пять, четыре, три, два, один, старт! Даже в маленьком макете старт выглядит внушительно. Из громкоговорителей доносится гром работы двигателей. Из-под основания ракеты бьют голубые струи углекислого газа, имитирующего пламя. А под настоящей ракетой бушуют неистовые, невообразимые ураганы огня. Поэтому наивно думать, что ракета стоит на стартовом столе, как ферзь на шахматной доске. В этом случае раскаленные газы, сжатые в узкой щели, продавили бы дно ракеты, натворили бы много прочих бед. Под ракетой находится укротитель огненной бури — бездонный колодец, пронизывающий железобетонную скалу, которая образует стартовую площадку. Он не имеет дна, потому что переходит в полукружные газоотводные каналы, выходящие поодаль на поверхность Земли. Это славное сооружение ломает шею огненной буре, гнет в дугу пламенные потоки и отводит их в сторону.

Конструирование такого узла составляет тонкую задачу теории и инженерной интуиции. Здесь приходится считаться с хитростями огненных ураганов, с прихотливой игрой давлений и подсосов, возникающих в бурном потоке пламени. Эта труба, в которую дует ракета, должна быть построена гармонично, как музыкальный инструмент.

Уменьшенная модель дает слабое представление о масштабах сооружения. Но однажды, будучи на реальном космодроме, спустя некоторое время после старта я проник в газоотводный канал с сентиментальной целью: подобрать здесь в качестве сувенира кусочек бетонной обмазки, застекленевшей под воздействием огненного вихря. Я задрал голову вверх и увидел головокружительный профиль бетона, напоминающий водослив плотины гигантской гидроэлектростанции. Тут недавно ниспадала огненная Ниагара...

При создании космодромов осуществляются вершинные достижения строительного искусства, металлургии, механики, энергетики, химии, автоматики, радиоэлектроники. Космодром в буквальном смысле строит вся страна. В строительстве участвует много специализированных организаций и предприятий. На его богатырском поле, словно струны на теннисной ракетке, переплелись главные линии научно-технического прогресса.

На просторах космодрома наша страна, словно Антей, приникает к Земле, чтобы набрать сил для прыжка к звездам.

Рисунок И. ГАЛАНИНА.

Тофик МАХМУД

Кусочек облака

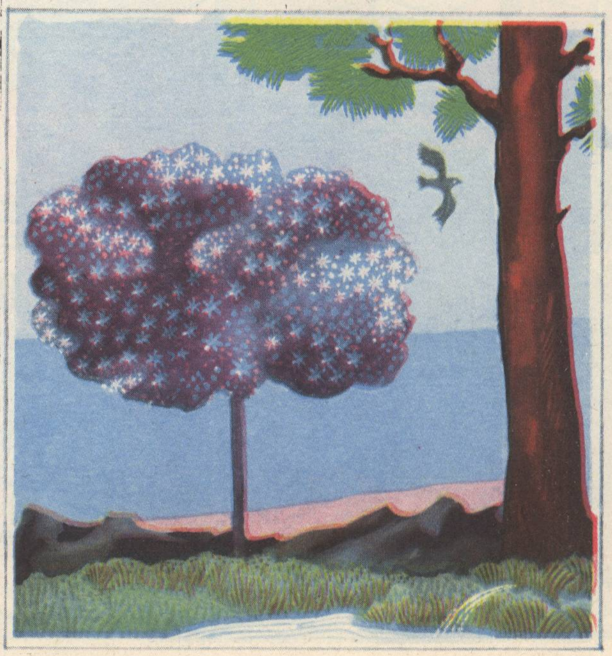
Зацветает деревце
На лесной опушке.
— Что-то мне не верится, —
Шепчем мы друг дружке. —
Может, белым бабочкам
Надоело виться?
Может, белым тряпочкам
Надо посушиться?
Иль, теряя азимут,
Реактивный летчик
Сбил случайно на землю
Облачка кусочек?

Родник

В лесу, под сосною,
Внезапно возник,
Струясь предо мною,
Прозрачный родник.
Под сводом зеленым
Прохладна вода,
Серебряным звоном
Зовет он сюда.
Недаром он выбрал
Местечко в глуши,
Ведь он композитор,
Творящий в тиши.
Огромен и темен,
Лес вечно шумит,
Родник же так скромен,
Невзрачен на вид,
Древесною тенью
Надежно храним...

И все на колени
Встают перед ним.

Перевел с азербайджанского Анатолий НАЙМАН.

В. КАВЕРИН

Немухинские музыканты

СКАЗКА *Окончание* Рисунки П. БАГИНА.

Это интересно, потому что это действительно интересно

Старый Трубочный Мастер недаром сказал Варваре Андреевне:

— Ох, что-то мне кажется, вам пора провести вечерок со мной!

И это несмотря на то, что он в последние дни был очень занят. Он обкуривал свою новую трубку, а это надо делать в одиночестве, вдумчиво и серьезно.

— Ну, выкладывай, — сказал он Тане и, выслушав ее, стал пускать большие волнистые кольца голубого дыма. Это значило, что хотя ему было известно почти все, что рассказала Таня, однако есть и кое-что новенькое, о чем стоило подумать в свободное время.

— Отлично, — сказал он. — Пуф, пуф! Концерт состоится.

— Но ведь музыкантов никто не услышит!

— Почему же? Их услышат. Надо только выковать им голоса.

— Не понимаю.

— Еще бы! Пуф, пуф! Это не так-то просто понять!

И он рассказал Тане, что в Поселке Любителей Свежего Воздуха живет кузнец Иван Гильдебранд, который умеет выковывать голоса. Кстати, именно он написал Варваре Андреевне, что готов придумать для нее тысячу ласковых прозвищ. Так что кому-кому, а уж ей-то он не откажет!

— А где находится этот поселок? — спросила Таня.

— Недалеко. Но попасть туда нелегко.

— Почему?

— Да вот из-за Свежего Воздуха, — с досадой сказал Трубочный Мастер и на мгновение скрылся в клубах табачного дыма. — Эти Любители, понимаешь, терпеть не могут ни дыма, ни чада. Паровозы, видите ли, их раздражают: дымят. От шоссе они отказались, так что на автомобиле к ним приехать нельзя. Попасть туда можно только пешком, верхом или на велосипеде.

— А на самолете?

— Нет.

— На воздушном шаре?

Трубочный Мастер не успел ответить: какой-то мальчишка в распахнутой курточке промчался, размахивая кнутиком, на финских санках, которые легко тащил большой лохматый пес с добродушной мордой. Это был, конечно, Петька, который на зависть всем немухинским мальчишкам носился по городу, то и дело залетая в канавы.

Он только промелькнул, но этого было вполне достаточно, чтобы и Таня и Трубочный Мастер подумали одновременно: «Вот кто должен отвезти в Поселок Любителей Свежего Воздуха разноцветный оркестр».

Нельзя сказать, что Петька обрадовался, когда Таня попросила его съездить к кузнецу Ивану Гильдебранду. Как очень занятой человек, он схватил в эту четверть две пары, которые надо было исправить. Но, во-первых, ему давно хотелось доказать Тане, что он настоящий мужчина. А во-вторых, это было интересно, потому что это было действительно интересно.

Прежде всего он зашел к Трубочному Мастеру с атласом СССР, чтобы наметить кратчайший маршрут: Немухин — Поселок Любителей Свежего Воздуха, а от него к Варваре Андреевне.

— Докладываю, — сказал он. — Провизия заготовлена, включая так называемый аварийный запас. Отправление, если я не просплю, в четыре ноль-ноль. Маршрут намечен.

— Если бы ты знал, Петечка, как я тебе благодарна, — сказала Варвара Андреевна. Она выглядела совсем девочкой в своем коротеньком платье, с косой, уложенной вокруг головы. Может быть, увидев ее в эту минуту, Директор даже пожалел бы о своем коварстве.

— Теперь насчет музыкантов, — продолжал Петька. — Таня дала мне свой заплечный мешок. Но, во-первых, они туда не влезут, а во-вторых, я их по дороге переломаю. Попугаи подохнут, Фрак изомнется, а Краешек Неба вообще не запихаешь в мешок. У меня предложение: давайте-ка лучше я привезу этого мастера к вам.

— Ну что ты, Петечка! Разве он поедет?

— А почему бы и нет? Ведь это, кажется, он собирался придумать вам тысячу прозвищ? Я, между прочим, подсчитал, что это практически невозможно.

— Но вот что, Петечка, — сказала Варвара Андреевна. — На твоем пути встретится обыкновенный лесок. Но он не совсем обыкновенный, потому что в нем живет Леший, который может и не пропустить тебя, если ты ему не понравишься. Зовут его Трофим Пантелеевич. Но он довольно симпатичный Леший и, между прочим, мой старый знакомый. Ты отвезешь ему от меня вот эту маленькую табакерку с нюхательным табаком. Он понюхает и чихнет. Тогда ты скажешь:

— Салфет вашей милости.

Он ответит:

— Красота вашей чести.

Потом ты скажешь:

— Любовью вас дарю.

А он ответит:

— Покорно благодарю.

И тут уж он, я надеюсь, покажет тебе дорожку через бурелом к Поселку Любителей Свежего Воздуха.

Салфет вашей милости

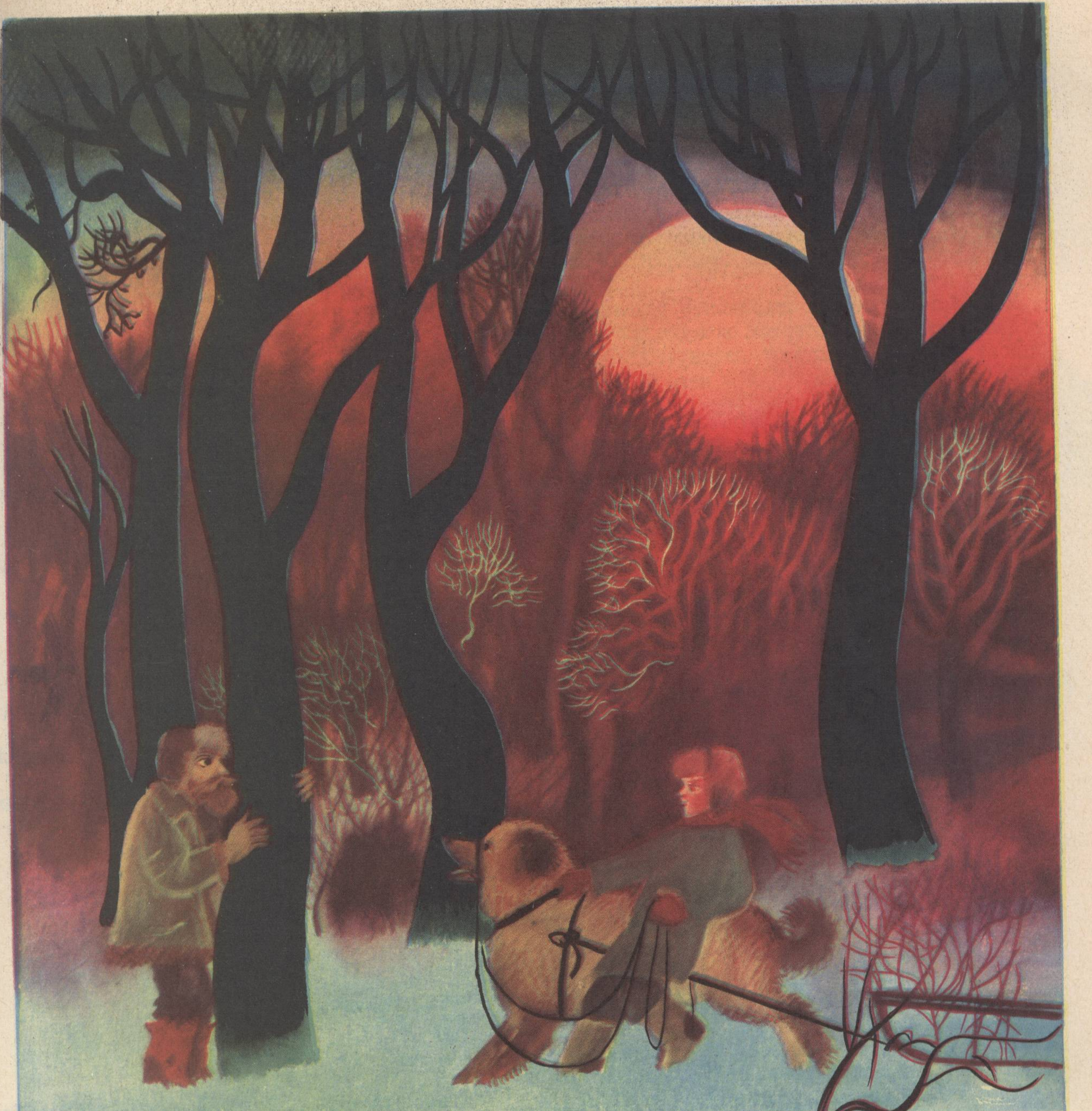
В школе Петька никому не сказал, что намерен отправиться на своем Басаре в далекую дорогу, — не потому, что его не отпустили бы, а потому, что пришлось бы долго объяснять, куда да зачем. Родителям он тоже ничего не сказал: мама, пожалуй, упала бы в обморок, а отец взял бы в руки ремень.

Поздно вечером он запряг Басара в свои финские санки, выехал на берег Немухинки и обрадовался, увидев Таню, которая дождалась, пока уснут взрослые, и пришла сюда, чтобы его проводить.

Если бы он уходил на шхуне или фрегате, она сказала бы ему: «Счастливого плавания и достижений!» Но к финским санкам и лохматому Басару не подходило это красивое пожелание. Поэтому она только протянула ему руку и сказала:

— Пока!

Но все равно это было прекрасно! Когда Петька, стоя на длинных полозьях, мчался вдоль извилистой речки, перед его глазами стояла Таня в своей короткой шубке, из-под которой были видны стройные ножки, разрумянившаяся, с заиндевевшими, выбившимися из-под круглой шапочки волосами.

Прошло часа два, и Басар, должно быть, стал уставать, потому что раза два он сунулся мордой в снег, а потом с жадностью слизал его со своей мохнатой морды.

— При-вал! — сказал Петька, и они остановились минут на пятнадцать, чтобы закусить и погреться. Впрочем, грелся, топая ногами и хлопая себя по плечам, только Петька, а от Басара и без того валил пар.

На географических картах обыкновенный лесок не значится, и это понятно, потому что в нем действительно не было ничего заслуживающего внимания.

Немухинки на картах тоже нет, хотя она открыта давным-давно и по количеству пескарей стоит на одном из первых мест в средней полосе России. Так или иначе, Петька не мог заблудиться: он только время от времени покрикивал на свою добрую, безропотную собаку, и к утру после еще одного привала они с разбегу взлетели на снежное взгорье. И перед ними открылось такое зрелище, что, если бы рядом с Петькой в эту минуту стояла Варвара Андреевна, она услышала бы музыку, которую не слышал еще ни один человек на земле.

На низком горизонте лежал спокойный медный ободок восходящего солнца, а над ним весело кувыркалось красно-желтое облачко, похожее на медвежонка. Ночь прошла, но это только казалось. На самом деле она спряталась

в лес со своим нежно светившимся снегом и побледневшей, усталой луной.

Однако надо было выбирать дорогу, и Петька, недолго думая, скатился с бугра и повернул направо, тем более, что куда ни взгляни, везде был поваленный лес. Полозья звонко заскрипели в тишине раннего зимнего утра, и не удивительно, что этот звук вместе с возгласами, которыми Петька подбодрял Басара, привлек внимание старого знакомого Варвары Андреевны. Петька увидел его издалека, притормозил санки и помчался прямо к нему.

Это был маленький старичок с рыжевато-седой бороденкой, в потертом кожухе, из-под которого были видны штаны, засунутые в рваные красные валенки. На голове у него был солдатский треух.

— Здравствуйте, Трофим Пантелеич, — сказал ему Петька.

— Ну, положим, здравствуй, — хрипло ответил старичок.

Басар залаял на него, и старичок, попятившись, испуганно заморгал.

— Я, собственно, проездом. А это Басар. Он не кусается. Извините, вы ведь, кажется, Леший?

— Ну, положим, — нехотя согласился старичок.

— Нет, я просто хотел передать вам привет от Варвары Андреевны.

Известно, что лешие не только улыбаются, но хохочут, причем у них отвратительный смех, похожий на скрежет тупой пилы по металлу. Но Трофим Пантелеевич весь так и засиял, услышав имя Варвары Андреевны, а когда он негромко засмеялся, закинув бороденку, оказалось, что у него совершенно человеческий, добрый смешок.

— Ну, как она, моя голубушка? Здорова ли? Что поделывает? Каково ей живется?

Петька рассказал, что Варвара Андреевна здорова, живет в Немухине и преподает гармонию в Музыкальной Школе.

— Просила вам кланяться, — сказал он солидно, — и передает свой подарочек. Вот. — Он достал из кармана табакерку и протянул ее старичку.

На этот раз Трофим Пантелеевич не только засиял, но весь как-то засветился, точно он был прозрачный и внутри у него зажглась большая свеча.

— Ну, что за девушка! Обо всем-то она позаботится, обо всем подумает. Ведь я тут который год всякую дрянь нюхаю, грибы сушеные, мхи разные, а она, на-поди, самый настоящий табачок прислала!

Он торжественно открыл крышку табакерки и осторожно насыпал щепотку на впадинку левой руки между большим и указательным пальцами. Потом втянул табачок сперва в одну большую, мохнатую ноздрю, потом в другую и так чихнул, что по всему лесу пошло: «И-их! Э-эх! У-ух!»

— Салфет вашей милости, — степенно сказал Петька.

— Красота вашей чести, — радостно сморкаясь, ответил старичок.

— Любовью вас дарю.

— Покорно бла...

И только он вымолвил «благодарю», как — «И-их! И-эх! И-ух!» — так и зазвенело в лесу, пугая птиц и зверей и докатившись до берлоги залегшего на зиму старого медведя, который сонно насторожил ухо и уже совсем было собрался проснуться, но раздумал и опять захрапел.

— А теперь прошу пожаловать ко мне в гости, — сказал Леший.

— Спасибо, не могу. Очень тороплюсь. Не можете ли вы показать мне дорогу, которая ведет к Поселку Любителей Свежего Воздуха?

— А чем тебе здесь в лесу не свежий воздух? Пожил бы у меня. Мы бы с тобой на охоту ходили. У меня ружьецо есть. Правда, старое, но бьет без промаха и белку и всякую дичь. Право, остался бы, а?

— К сожалению, не могу. Времени в обрез. Скажу только одно: спешу по делам Варвары Андреевны.

— Ну, это другое дело. Тогда пойдем. Только вот что...

Он помолчал.

— Ты не можешь как-нибудь устроить, чтобы твоя собака не лаяла? У меня просто сердце падает, когда она лает.

— Басар, ни звука! — повелительно сказал Петька, взглянув собаке прямо в глаза.

Басар кивнул, и они стали пробираться по чуть заметной тропинке, которую старый Леший не без труда нашел среди бурелома.

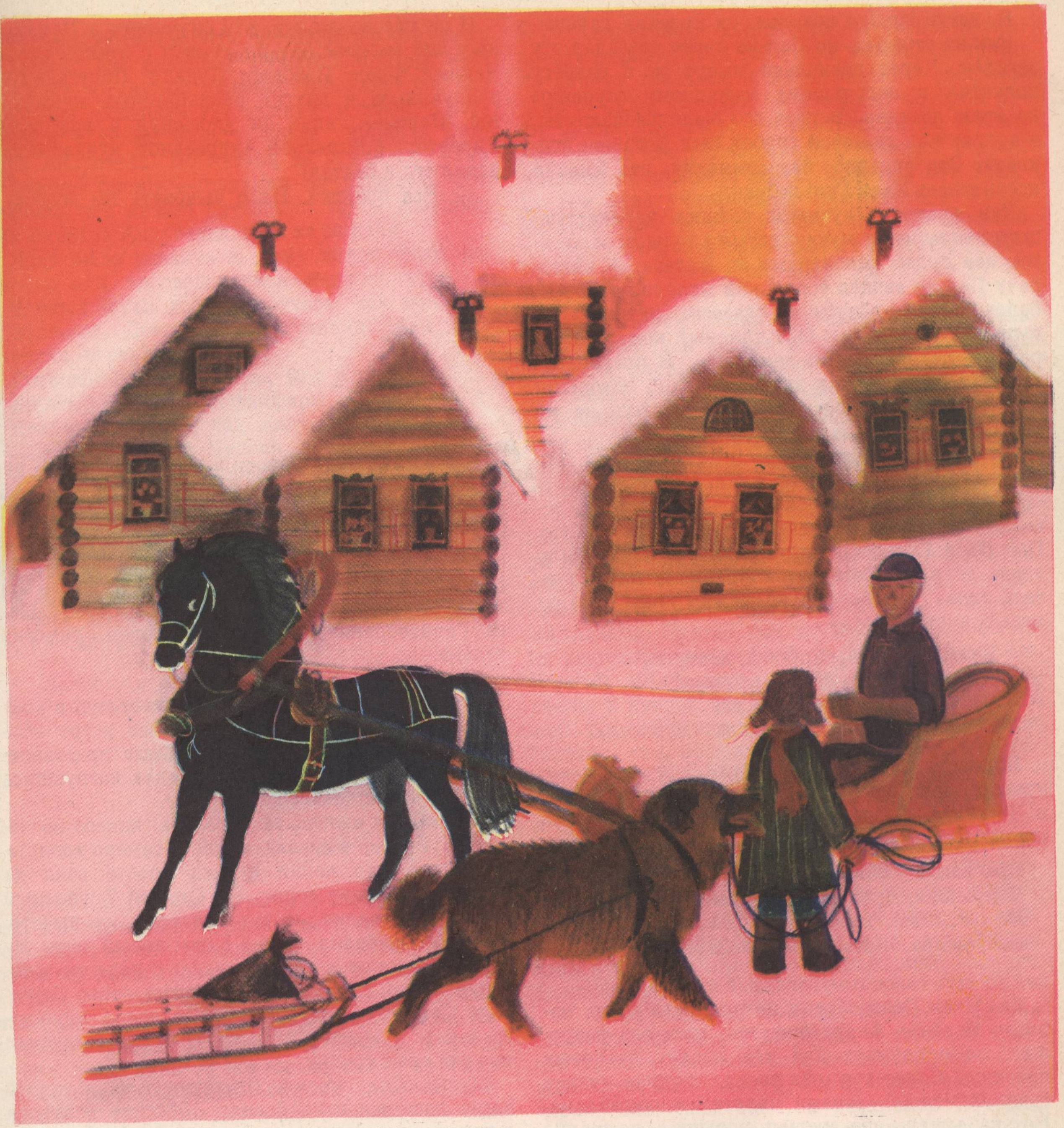
Иван Гильдебранд

На первый взгляд Поселок Любителей Свежего Воздуха ничем не отличался от любого другого поселка. Странно было только, что почти в каждом доме, несмотря на сильный мороз, окна были распахнуты настежь. Над дымовыми трубами торчали белые колпаки, похожие на поварские, а над колпаками струился нагретый воздух, красиво таявший на морозном солнце.

— Фильтруют дым! — научно определил Петька.

В любом поселке на Главной улице стоит Сельсовет, на котором так и написано «Сельсовет», чтобы никто не спутал его с пожарной командой или сельмагом. Здесь по сторонам этой надписи висели два плаката. На одном Петька прочитал: «Курильщики — вон». А на другом: «При запахе прогорклого масла немедленно вызывайте «Скорую помощь».

И действительно, в воздухе, пронизанном от-

куда-то взявшимся голубоватым светом, не было ни пылинки, ни дыма, ни чада. Народу на улицах было немного — очевидно, Любители были заняты делом. Прохожие — это бросалось в глаза — все, как один, были высокого роста и одеты очень легко. О шубах не было и помину. И они не бежали сломя голову, чтобы согреться, а шли неторопливо, с любопытством поглядывая на Петьку, который в своем ватнике и шапке с ушами чувствовал себя, глядя на них, каким-то Дедом Морозом. Они напоминали ему «моржей» — так называются смельчаки, которые купаются в проруби зимой и даже устраивают состязания на скорость. В прошлом году, на зимних каникулах, он видел в Ленинграде такое состязание «моржей».

Вот громадный мохнатый битюг протащил тяжело нагруженную мешками телегу, а вот на стройной гнедой лошадке проехал, не торопясь, один из Любителей, в спортивной кепке, такой круглолицый и румяный, что можно было, пожалуй, дать ему лет двадцать, в то время как ему, без сомнения, было за сорок.

— Виноват, — вежливо сказал ему Петька. — Не можете ли вы сказать, где живет кузнец Иван Гильдебранд?

Всадник подумал, улыбнулся и ответил сложно. Очевидно, он любил загадки:

Кузнец без горна — не кузнец,
Огонь без дыма — не жилец.
Сбежали на восточный край
Колпак, подкова и сарай.

И, легко тронув поводья, он проехал дальше.

Как ни странно, но Петька легко разгадал эту загадку. Через несколько минут он с разбегу подкатил к небольшому каменному строению на краю поселка. Ворота его были распахнуты, а колпак над дымовой трубой был украшен подковой. Это значило, без сомнения, что именно здесь живет Иван Гильдебранд.

Как правило, кузнецы бывают коренастые, широкоплечие, с мускулистыми руками и ногами, как будто выкованные из железа. А навстречу Петьке вышел тоненький молодой человек, белокурый, с голубыми глазами, похожий на рыцаря, хотя на нем был длинный кожаный передник, подпоясанный ремешком. В правой руке Иван Гильдебранд держал клещи, которыми он сжимал узкую, раскаленную, похожую на лепесток стальную пластинку.

— Виноват, одну минуту, — сказал он и вернулся в кузницу, где его ждал подмастерье.

И работа пошла на диво легкая, быстрая, веселая, с искрами, вздохами мехов и пением. Пел Иван Гильдебранд, и, хотя в кузнице было очень шумно, Петька постепенно стал различать слова, тем более, что между ними попадалось знакомое имя.

Беляночка, Варварушка, давно ли
Ты для меня на свете расцвела?
Что нравится тебе: вино ли,
Бухарский шелк, лаванда, мушмула?

Подмастерье раздувал мехи, горн пылал, кузнец ловко орудовал маленьким молоточком, и Петька с удивлением заметил, что пластинка постепенно превращается в розовый лепесток.

Красавица, Зазнобушка, Жар-птица,
Боярышня, Дружочек, Чистый Снег,
Не свидимся, так хоть позволь присниться,
Голубушка, Жасмин, Слиянье рек, —

пел во весь голос голубоглазый кузнец.

Да, Иван Гильдебранд не преувеличивал, написав Варваре Андреевне, что, если она разрешит, он придумает для нее тысячу ласковых прозвищ! Более того: из песен, которые кузнец сочинял между ударами молота по наковальне, Петька узнал, что кузнец услышал по радио о новогоднем концерте и намерен приехать в Немухин, чтобы поднести Варваре Андреевне букет Голубых Подснежников, которые, конечно, никогда не увянут, потому что они сделаны из стали.

Очевидно, в букете не хватало только одного лепестка — того самого, который Иван Гильдебранд выковывал на глазах у Петьки.

Все это было очень хорошо, и Петька даже подумал, что, если Варваре Андреевне придется уйти из школы, пожалуй, ей стоит выйти замуж именно за этого симпатичного кузнеца, а не за какого-то там зубного врача или монтера. Пора было, однако же, переходить к делу.

— К сожалению, — решительно сказал Петька, — я боюсь, что вам не придется поднести этот букет Варваре Андреевне. Дело в том, что...

И он рассказал все, что случилось в Немухине с той минуты как он увидел с крыши сарая Черный Фрак, Розового Пуделя, Попугаев-Неразлучников и других разноцветных музыкантов. Впрочем, едва он упомянул о разговоре Директора с Варварой Андреевной, кузнец остановил его и сказал:

— Все понятно. Надо выковать им голоса.

Так и должно быть

К счастью, они явились в Немухин поздно вечером, когда городок уже крепко спал и только сны проносились над крышами, с размаху ныряя в дымовые трубы. Петька легонько постучал в окно Трубочного Мастера, и тот, покряхтев, встал и открыл дверь. Прежде всего он отправил Петьку домой, потом осмотрел Ивана Гильдебранда и остался доволен, заметив только:

— Длинен.

Это значило, что кузнец не поместится в комнате гостей на диване. Однако все устроилось наилучшим образом: к дивану была приставлена табуретка, и кузнец уснул, едва коснувшись головой подушки.

О том, как выковывают голоса, ничего не известно, и даже в сказке «Волк и семеро козлят» говорится, что некий кузнец просто взял да и подковал волку голос. Но Старый Трубочный Мастер, очевидно, и тут оказался на высоте. Иван Гильдебранд провел с ним целый день, обсуждая все тонкости этого дела, и надо сказать, что для кузнеца это был трудный день: Любитель Свежего Воздуха, он не выносил табачного дыма, а Мастер, как на грех, не выпускал изо рта свою трубку.

Музыканты, кроме Огнетушителя, который вдруг зашипел и попросил, чтобы его оставили в покое, еще с вечера сидели или висели в доме, с любопытством ожидая, когда же наконец начнется работа.

И вот тут прямо из школы заглянула взволнованная Варвара Андреевна.

Это было в ту минуту, когда кузнец, надев свой кожаный передник и засучив рукава, вынимал из мешка инструменты.

— Здравствуйте, — сказала Варвара Андреевна, и инструменты один за другим выпали из его рук на пол. Они одновременно бросились поднимать инструменты, столкнулись лбами, засмеялись, и тогда Иван Гильдебранд тоже сказал:

— Здравствуйте.

Варвара Андреевна стояла перед ним смущенная, опустив глаза, с порозовевшим, как у девочки, лицом. Всегда трудно найти слова в первые минуты знакомства. Наконец ей все-

таки удалось заговорить, и сейчас же откуда-то донеслась еле слышная музыка. Монтер, зубной врач, штукатур, инженер удивились бы, без сомнения, услышав эту нежную музыку, умолкавшую в ту же минуту, когда умолкала Варвара Андреевна. Но кузнец не удивился. «Так и должно быть!» — подумал он радостно. Это значило, что ничего другого от такой девушки, как Варвара Андреевна, он и не ожидал.

Надо было назначить, кому какой голос ковать, и они, посовещавшись, решили, что:

Черный Фрак должен звучать, как рояль,

Зеленые Попугаи-Неразлучники, как две скрипки — первая и вторая,

Краешек Голубого Неба, как виолончель,

Желтый Плакат, как фанфары,

Кремовая Шляпа, как контрабас,

Дымчато-розовый Пудель, как альт,

А Белый Мяч, который он держал во рту, пригодится для пауз.

— Каждый из них уже недурно знает свою партию, — сказала Варвара Андреевна. — Но, конечно, когда они зазвучат, это будет совсем другое дело. Особенно важно, чтобы у рояля был мягкий, но сильный звук. Мой концерт — для рояля с оркестром.

Новогодний концерт

Директор Школы Музыки и Живописи молодел с каждым днем: такое у него было прекрасное настроение. Теперь Зинке Миленушкиной почти не приходилось ударять в медные тарелки над его головой, чтобы вернуть ему душевное равновесие. Снова он так и носился по Немухину на своих коротеньких ножках, а когда время от времени он похлопывал себя по животу, слышался прежний бодрый звук, напоминавший о том, что Директор в молодости был одним из лучших барабанщиков в Советском Союзе.

О новогоднем вечере во Дворце пионеров давно уже знал весь Немухин, и Директор особенно радовался, когда его расспрашивали о Варваре Андреевне.

— Да, это та самая девушка, о которой писали, что она когда-нибудь непременно станет достопримечательностью, такой же, как наша футбольная команда, — говорил он. — Прекрасная, скромная девушка и к тому же, вы не поверите, самая настоящая фея!

Но когда Директора расспрашивали о ее разноцветном оркестре, он загадочно отвечал:

— О, в этом надо убедиться собственными глазами!

Конечно, он рассчитывал, что когда на сцене появятся такие странные музыканты, как Черный Фрак или Белая Войлочная Шляпа, и Варвара Андреевна в полной тишине начнет размахивать дирижерской палочкой, вежливые зрители начнут смеяться, а невежливые — свистеть.

«Это будет скандал, — злорадно потирая руки, думал Директор. — Она провалится, и в какой-нибудь центральной газете появится статья: «Можно ли слышать цвета? Конечно, нет! Между тем одна учительница Немухинской Музыкальной Школы утверждает, что она способна по звуку отличить один цвет от другого. И Директор был совершенно прав, уволив ее за обман».

Что касается Зинки Миленушкиной, то она давно перестала ходить в школу. Зачем? Ведь Директор заранее поставил ей пятерки по всем предметам до конца года. Куда интереснее было собирать по городу сплетни. Она складывала их в свой школьный портфель и бегала из одного знакомого дома в другой. Случалось, что ее выгоняли. Ну так что же! Она шла в третий.

В кустах бузины под окном Варвары Андреевны она перестала сидеть — и напрасно! Посиди она еще разочек-другой, и, может быть, ей удалось бы увидеть в гостях у Варвары Андреевны высокого белокурого незнакомца с голубыми глазами. Правда, она ничего не поняла бы из их разговора, потому что речь шла о том, что Черный Фрак еще звучит, как кабинетный рояль, а нужно, чтобы он звучал, как концертный. Но все равно это была бы такая большая сплетня, что, пожалуй, она не поместилась бы в школьном портфеле.

Между тем незаметно подошел Новый год, и даже не подошел, а как будто сам собой сложился из елок, которые продавались на каждом углу, из украшенных витрин, в которых стояли, улыбаясь, Деды Морозы, из хлопот в каждом доме, где дети клеили цепи из цветной бумаги, серебрили орехи и закутывали елки в хрупкие нити бус и дрожащего, тонкого золотого дождя.

У самой большой елки во Дворце пионеров стоял одетый Дедом Морозом, в длинной красной шубе и высокой бело-красной шапке Старый Трубочный Мастер. Он раздавал детям подарки. Это было днем, а вечером... Вечером весь Немухин собрался послушать разноцветный оркестр, которым дирижировала самая настоящая фея!

В первом ряду сидели наиболее уважаемые в городе люди, и среди них, конечно, Директор Школы Живописи и Музыки, который ежеминутно вскакивал, встречая гостей из столицы.

Приехали журналисты. Приехали представители Министерства Музыки. Приехал Главный Хранитель Палаты Мер и Весов, приятель Трубочного Мастера, намеревавшийся после концерта посоветоваться с ним кое о чем, касавшемся мер и весов. И, наконец, приехал лучший Тромбонист Советского Союза, очень похожий на свой длинный инструмент, состоящий, как известно, из блестящих, плавно изогнутых трубок.

Большая сцена была еще совершенно пуста — так по меньшей мере казалось зрителям, которые терпеливо ожидали появления музы-

кантов. Музыкантов не было. На сцене почему-то стоял только маленький стол, на котором, прижавшись друг к другу, сидели Попугаи-Неразлучники, а рядом с ними Дымчато-розовый Пудель с Белым Мячом в зубах. На рогатой вешалке висел изрядно потертый Черный Фрак, который некоторые зрители узнали, потому что не раз видели его на актерах немухинского театра. К стене был прикреплен кнопками Ярко-желтый Плакат, а над ним висела Кремовая Шляпа.

Голубое пятно, лениво бродившее по улицам, никто, конечно, не принял за Краешек Голубого Неба — и вообще зрители решили, что рабочие не успели убрать сцену после очередного спектакля. Только пюпитр, на котором лежали ноты и дирижерская палочка, напоминал о том, что вскоре в этом переполненном зале зазвучит музыка — должно же это было случиться, раз на концерт приехали такие почтенные люди!

И вот Варвара Андреевна в нарядном черном костюме, отделанном поблескивающими, чуть посветлее полосками, в белой кружевной блузке, заколотой скромной брошкой, вышла на сцену и встала за пюпитр. В этот вечер ее трудно было узнать. В ней появилось что-то повелительное, властное; теперь просто невозможно было представить себе, что у нее душа уходит в пятки, когда Директор поднимает на нее свои тусклые свинцовые глазки.

Она постучала палочкой по пюпитру — и Черный Фрак, Розовый Пудель и другие разноцветные музыканты как будто взглянули на нее, как в самом настоящем оркестре музыканты смотрят на дирижера, ожидая его первого взмаха. И музыка, которую услышали все, вспыхнула, раскинулась, поплыла. Она плыла, как фрегат, свободно рассекающий волны, с плавно выгнутыми парусами. И немухинцы (кроме Директора, который не поверил ушам) вспомнили детство, когда они, все до одного, были великими людьми, потому что верили в сказки и были убеждены, что их жизнь непременно будет прекрасной. «Иначе не может быть, — думали они, — потому что иначе не может быть никогда».

Да, можно смело сказать, что голубоглазый, похожий на рыцаря кузнец прекрасно справился со своей задачей. Фрак звучал, как концертный рояль, Попугаи-Неразлучники ни разу не сбились, хотя у них была трудная партия, а ленивый Краешек Голубого Неба звучал, почти как орган. Розовый Пудель тоже очень старался, а Белый Мяч, который он держал в зубах, молчал: ведь он был предназначен для пауз.

Большой зал Дворца пионеров не мог вместить всех желающих, многие немухинцы остались дома. Но эта строгая, нежная музыка, в которой было и воспоминание о детстве, и надежда на сияющий завтрашний день, и что-то еще непередаваемое, вспыхнувшее в душе, как грустный и радостный свет, донеслась и до них.

Впоследствии многие думали, что это произошло, потому что оркестром дирижировала Фея Музыки, которой захотелось доказать, что она действительно Фея. Но на самом деле так же, как звук отзывается эхом на звук, цвет отозвался на цвет — и весь Немухин зазвучал, как огромный разноцветный оркестр.

Теперь уже не фрегат, идущий против ветра, а целый город летел в необозримом пространстве ночи. Чуть слышно зазвенели звезды, мягко отозвалась луна, весь молодой новогодний воздух был пронизан приглушенной музыкой медленно падавшего снега и все же звучавшей светло, торжественно и свободно. Но вот побледневшая от волнения девушка в скромном черном костюме в последний раз взмахнула дирижерской палочкой, и наступила тишина. Она даже не наступила, а как будто нерешительно вошла, стесняясь, что должна, к сожалению, заменить эту необыкновенную музыку, — вошла и стала медленно пробираться между рядами.

Потом вдруг раздался грохот — это Директор вскочил со своего кресла и, задыхаясь, выбежал из зала. Потом... О, потом немухинцы отбили себе все ладони, вызывая Варвару Андреевну! Но она вышла поклониться только один раз, да и то не одна. Она тащила за руку высокого, белокурого, похожего на рыцаря незнакомца с голубыми глазами. Сильно покраснев и неловко поклонившись, незнакомец поднес Варваре Андреевне букет Голубых Подснежников — и это было последнее чудо, совершившееся в тот удивительный вечер. Подснежники — в разгар зимы! Конечно, никому и в голову не пришло, что они выкованы из стали.

И феи выходят замуж

Остается рассказать немногое — ведь тот, кто прочитал эту сказку, уже догадывается, чем она кончится, — конечно, если он внимательно ее прочитал. Ничего неожиданного не было в том, что Немухинский Горсовет постановил открыть при Школе Музыки и Живописи лабораторию сравнительного изучения звука и цвета, в которой навсегда поселились скромные музыканты. Теперь их называли «экспонаты», и хотя они не понимали этого странного слова, гордились им, потому что сотрудники обычно прибавляли: «И редчайшие в мире экспонаты».

С Зинкой Миленушкиной ничего не случилось, хотя после концерта она почему-то оглохла на правое ухо, то самое, которое ей приходилось прятать под своими рыжими косами. Но это не очень огорчило ее, потому что Директор, которому она рассказывала все, что ей удалось подслушать, навсегда покинул Немухин. После концерта он вырвал из рук гардеробщика свою шубу и шапку и, бормоча: «Этого не может быть», — навсегда скрылся в темноте новогодней ночи. Кто-то видел его на вокзале, где он

CYRK

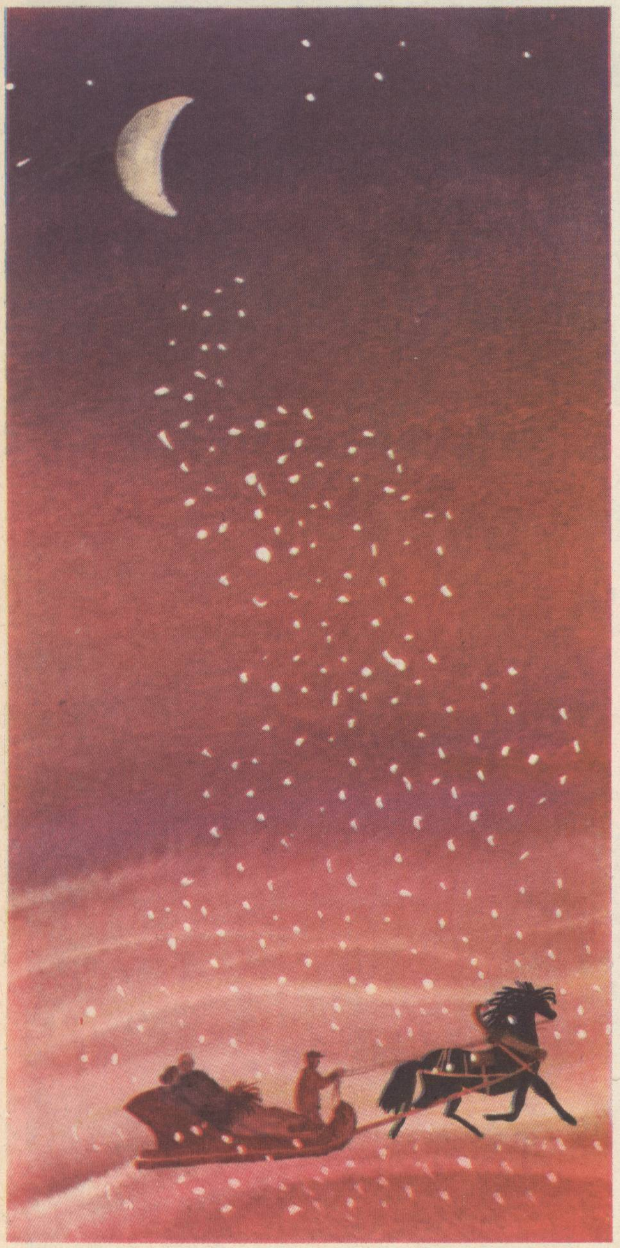
бродил по платформе и отмахивался, когда его просили успокоиться и хотя бы выпить рюмку водки в буфете. По слухам, он уехал в Москву, где тоже пытался доказать одному из старших советников Министерства Музыки, что «этого не может быть», но тот будто бы неожиданно возразил:

— Нет, может!

Нельзя сказать, что немухинцы были очень огорчены его исчезновением. Более того, они сразу же забыли о нем. Город был взволнован другим событием, гораздо более важным. Сперва в одном доме, потом в другом стали все чаще поговаривать, что кузнец придумал-таки для Варвары Андреевны тысячу ласковых прозвищ, и она согласилась стать его женой.

И это было действительно так.

На свадебный обед были приглашены только

Таня и Петька, но в каждом доме пили за здоровье молодых и желали им счастья. Из Поселка Любителей Свежего Воздуха за ними прислали легкие, на диво слаженные сани. В сани была запряжена стройная гнедая лошадка, а на козлах сидел тот самый румяный мужчина, который так сложно объяснял Петьке, где живет Иван Гильдебранд.

— Как дела? — спросил его Петька.

Кучер, улыбнувшись, снова ответил загадкой:

Дела растут, как снежный ком,
С горы летящий кувырком.
Кому сапожный нож, а мне —
Чепрак и сбруя на коне.

И хотя Петька не знал, что чепрак — это цветная материя, которую для красоты иногда кладут под седло, он понял, что перед ним — очень занятой человек, с трудом выкроивший время для поездки в Немухин.

Вся Школа Музыки и Живописи в полном составе пришла провожать Варвару Андреевну, и она даже всплакнула — от счастья и от горя. От счастья, потому что она была счастлива, а от горя, потому что ей было грустно расставаться с городом, где ее так полюбили.

Грустили, расставаясь с ней, и немухинцы. «Но, с другой стороны, — решили они, — отказываться от такого жениха, как Иван Гильдебранд, было бы просто неблагоразумно».

Молодые уселись в сани, лошадь тронула — и все окна в городе распахнулись одновременно, несмотря на довольно сильный мороз.

— Счастливого пути!

— Не забывайте!

— Пишите!

— Доброго здоровья!

Сани промчались по Нескорой, свернули в переулок, соединявший ее с набережной; кучер, придерживая лошадь, стал выбирать пологий спуск и наконец плавно повел сани вдоль извилистой речки.

Вот и Мухин промелькнул, с ленивым, сонным лаем собак, с телевизионной башней, которая была гораздо ниже немухинской, потом пошли какие-то темные села.

Большая желтая луна с каждым часом становилась все меньше и голубела, пока не превратилась в маленький сияющий блин, который кто-то отхватил сбоку на целую четверть. Но и оставшихся трех четвертей было вполне достаточно, чтобы засыпать всю Немухинку множеством ослепительных, скрипящих под полозьями звезд. Это был, конечно, снег, который старался выглядеть особенно нарядным в первый вечер года.

Варвара Андреевна задремала — намаялась за день. Что-то легкое приснилось ей — весеннее утро, бабочки над маленьким лесным водопадом, кузнечики, неторопливо завтракающие в высокой траве. Иван Гильдебранд обнял ее за плечи, чтобы на крутом повороте она не вылетела из санок, и ей казалось, что, если бы не эта сильная рука, она увидела бы совсем другой сон — грустный или даже, может быть, страшный.

ПРО КОРОЛЕВСКИЙ БОБ СОКОНСУКО И КОНФЕТУ «ВАСЯ-ВАСИЛЕК»

Юрий КРУТОГОРОВ

Боб-путешественник

В 1520 году, ровно четыреста пятьдесят лет назад, для сладкоежек всего мира произошло важное событие. Какаовый боб Соконсуко был привезен в Испанию из Америки и представлен королю. Прием удался на славу. Боб сразу пришелся ко двору и был наречен самым высоким званием — Королевский.

Приготовленное из Соконсуко какао полюбили король, королева, министры и, конечно, молоденькие инфанты. Но однажды мореплаватели рассказали еще об одном секрете коричневого боба. Какао, спору нет, хороший напиток. Но индейцы-ацтеки умеют делать из плодов какаового дерева и не такие лакомства.

— Какие же? — величественно спросил король.

— Пальчики оближешь,— сказали мореплаватели.— Индейцы размалывают бобы в порошок, добавляют к нему корицу, лесной орех, ароматные листья, цветы и получают шо-ко-лад. Да, да, ваше величество! Ацтеки называют его пищей богов...

Кто из испанцев вначале захотел попробовать шоколад, сейчас и не скажешь. Не исключено, что сам король. Или самая младшая инфанта — первая сластена мадридского двора. Как знать, возможно, именно она топнула ногой и, словно самая обыкновенная девчонка, потребовала от королевы:

— Мама, хочу шоколадку!

Так королевский боб Соконсуко, а затем и его многочисленные друзья Эсмеральда, Каркас, Суринам, Маракаибо (это все названия сортов какаового дерева) сначала завоевали Испанию, а потом отправились путешествовать по всем странам Европы. Бобы не знали препятствий: тайный и сладкий пароль «шоколад» открывал им ворота в любые замки и крепости.

Пароль помог бобу пройти сквозь пять веков и дойти до наших дней. И везде ему честь и почет— мореходу, путешественнику, прародителю всех шоколадных плиток и шоколадных конфет.

Рисунки Г. МЕТЧЕНКО.

Знак географического глобуса

Сегодня на московскую кондитерскую фабрику «Красный Октябрь» бобы прибывают из Ганы и Бразилии, Эквадора и Гвинеи, Нигерии и Цейлона. А всяческие приправы и пряности! Орехи кешью — из Индии и Объединенной Арабской Республики, фундук — из Турции, миндаль — из Ирана, арахис — из стран Азии и Африки. И потому мне не показалось удивительным, что эмблемой «Красного Октября» стала не «Раковая шейка» или «Мишка косолапый», а кружок, пересеченный дугами параллелей и меридианов. Герб, которым могут гордиться путешественники!

И кондитеры тоже гордятся. Им приятно, что конфеты, награжденные, как орденом, знаком географического глобуса, знают и любят повсюду в Советском Союзе и разных других странах.

Все время, пока я сидел в отделе снабжения «Красного Октября» (здесь распределяют, кому сколько отправить конфет), на столе трезвонил телефон. Моя собеседница, девушка в белом халате, едва успевала отвечать — почти как в «Телефоне» Корнея Чуковского.

— Кто говорит?

— Директор продовольственной базы.

— Что вам надо?

— Шоколада.

— А много ли прислать?

— Да тонн этак шесть или пять. Наша база маленькая.

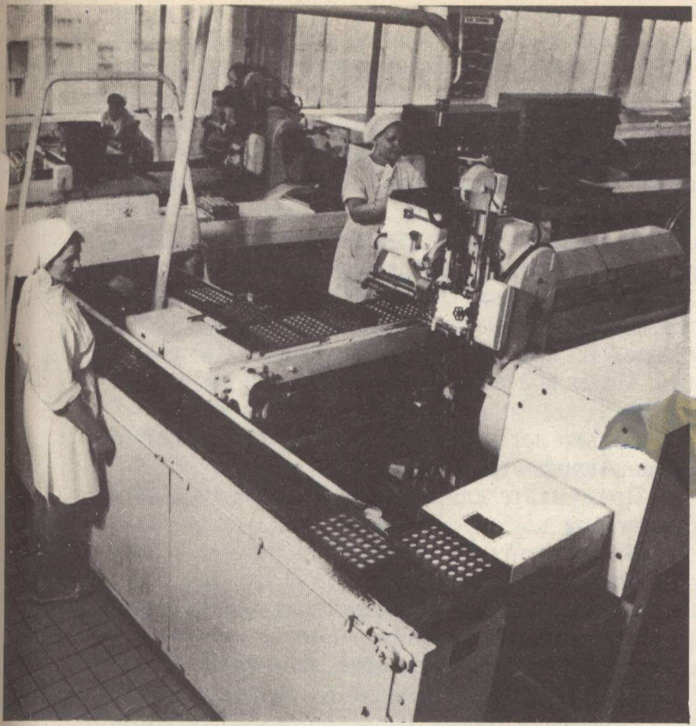
«Ничего себе маленькая!» — подумал я. Но на «Красном Октябре» мне сказали, что пять-шесть тысяч килограммов шоколада — сущие пустяки. Ведь каждый день здесь делают миллион шоколадных плиток и почти пять миллионов шоколадных конфет. Утром в цехи «Красного Октября» подают сто тридцать пять тонн сахара, тридцать тонн молока и шесть с половиной тысяч мешков какаовых бобов. Без бобов тут шагу не ступишь. Они и там, где делают ириски, и там, где карамель. С бобов начинается шоколадный поток — так на фабрике называют конвейер, идущий от первого до пятого этажа.

Как родилась плитка «Золотого ярлыка»

Бобы поднимаются на четвертый этаж. В каждом мешке — свой сорт: Ариба, Гренада, Аккра, Тринидад. Есть здесь и наш знакомец Соконсуко. Ничего не поделаешь, но с ним, несмотря на королевское звание, обойдутся, как и с другими бобами. Сперва начнут чистить. Наши путешественники вон какой путь проделали — в дороге изрядно загрязнились. Щетки в большом коробе сметают с зерен пыль, а воздушный насос знай себе втягивает соринки. И еще бобы пропускают через магнитные ворота — как бы какой-нибудь случайный гвоздь или кусочек железа не проскочил. Потом путешественники по транспортерам направляются

На рисунках, сделанных нашим художником (он, между прочим, большой сладкоежка), показан путь, который проделывают бобы-путешественники, чтобы превратиться в готовую шоколадную плитку.
На снимке: *машина-кондитер. Обратите внимание, какая чистота царит всюду на «сладкой» фабрике.*

к большим ситам. Бобы перед обжаркой надо расставить по росту, один к одному: крупный к крупному, мелкий к мелкому. Я поинтересовался, зачем это надо. Оказывается, вместе их нельзя жарить, а то один подгорит, а другой будет сырым. Вот сита и занимаются сортировкой.

В зернах много влаги. Ну, как в яблоках или грушах, которые только что сорвали с дерева. Есть в бобах и уксусная кислота. И это уже совсем ни к чему. Зачем шоколаду кислятина? Во время обжарки и кислота улетучивается и влаги становится намного меньше.

Когда меня подвели к печи-сушилке, я увидел, что это не какая-нибудь духовка, где пекут пироги. Это громадная, до самого потолка шахта, а внутри этажерка — двадцать полок. Ряды с бобами продуваются горячим ветром. Наверху самая высокая температура, а пониже она все меньше и меньше. Подошло время, верхняя полка автоматически опрокидывается, и бобы высыпаются на девятнадцатый этаж, потом—на восемнадцатый. Так — до подвала.

Прогреваются бобы, сколько надо, и выскакивают из шахты готовенькими—подсохшими, хрупкими, еще более ароматными. Как жареные орешки. Вкусно смотреть! И прямо в железную пасть дробильной машины. Она перемалывает зерна в крупку, а потом за дело берутся жернова — два рифленых диска. Пройдя через них, крупка превращается в жидкую коричневую массу — тертое какао. Точно так и из семечек выжимается подсолнечное масло.

Наконец-то самое время готовить «Золотой ярлык».

В давние времена, когда Соконсуко был представлен королевскому двору, все обстояло проще простого. Бобы растирались горячим пестиком на

плоском камне с небольшим углублением. Пока не превратятся в жидкое месиво.

Лишь в 1778 году француз Доре изобрел первую шоколадную машину. Ее демонстрировали на медицинском факультете Парижского университета. Посетители восхищались:

— О, настоящее чудо! Машина перемалывает зерна и месит бобовое тесто...

Но и только. Больше ничего машина Доре делать не умела. А ведь приготовить тертое какао— это только самое начало. Впереди еще много работы. Кроме того, машина Доре была не скорая, в час по чайной ложке выдавала она свою продукцию. Рядом с современной шоколадной машиной-автоматом изобретение француза выглядит как фаэтон возле реактивного самолета.

На «Красном Октябре» я сразу, еще издалека, увидел пульт со множеством кнопок и перемигивающихся глазков. Красных, желтых, зеленых, синих... Ни дать ни взять, иллюминация!

Ну-ка, что здесь происходит? Ага, «Золотой ярлык» и «Аленку» готовят. Я вынул блокнот, тут же записал рецепты. Любопытно как-никак. Для каждого сорта, сказали мне, нужна смесь разных зерен. «Золотой ярлык»? Пожалуйста: бобы Ариба — четыре части, Гренада — одна часть, Тринидад — одна часть, Аккра —тоже одна часть. Надо, скажем, изготовить полтонны шоколада. Ясно. Добавьте к этой смеси двести двадцать пять

килограммов сахарной пудры, ванилина, полкило ароматной эссенции.

«Аленка»? Тут своя смесь тертого какао. Всего семьдесят четыре килограмма. Плюс пятьдесят восемь килограммов сухого молока, семьдесят килограммов масла, семьдесят четыре килограмма сухих сливок. Ну и остальное — двести пятьдесят килограммов сахарной пудры. Все это перемешать и...

Легко сказать: перемешать. Кто же это делать будет? Кто будет отсыпать точное количество сладостей и всяких приправ?

Месильная машина. И ей поможет тот самый пульт с электронной «иллюминацией». Именно ему выписан готовый рецепт.

Все! Глазки на щите управления подмигивают: задание принято! И человек спокоен. Машина не обманет. Она умная. Исполнительная. И свой урок — а перемешивается шоколад примерно десять—пятнадцать минут—приготовит на пятерку.

Я видел выгруженную из машины шоколадную массу — пластичную, коричневую, очень аппетитную на вид. И решил: теперь ее надо только охладить, и нарезай плитки, большие и маленькие.

— Э, нет,— сказали мне.— Не спешите. Шоколад должен таять во рту. А в приготовленной массе еще много крупных частиц тертого какао, сахара. Еще раз будем растирать на валковых мельницах.

Кондитеры — придирчивый народ. Шоколадная масса в особых котлах еще будет трое суток перемешиваться. Лишь после этого ее доставят к формовочным автоматам. Тут по конвейеру движутся разные формочки — есть похожие на песочницы, с которыми играют малыши, есть плоские, как коробочки для акварельных красок. В них заливается жидкий шоколад.

На «Красном Октябре» я видел, как работают большой и малый плиточные автоматы. У каждого свое расписание, в нем указано, когда что делать. Вот расписание большого плиточного автомата:

Понедельник — «Сказка»
Вторник — «Басни Крылова»
Среда — «Аленка»
Четверг — «Буратино»
Пятница — «Спорт».

В субботу и воскресенье, как и всякий рабочий человек, большой плиточный автомат отдыхает.

А затем плитки шоколада и шоколадные конфеты одевают в нарядные фантики. Это тоже делают машины со множеством ловких щипцов и пальцев.

«Вася-Василек»

Я рассказал об автоматах-кондитерах, машинах-кондитерах, и вдруг в меня закралось сомнение: чего доброго, вы еще подумаете, что человеку на фабрике и делать-то нечего. Ходи себе руки в брюки и ешь вволю шоколад.

Но это не так, конечно. Человеку хватает работы. Надо и за машинами ухаживать. И заботиться, чтобы конфеты получались вкусными. И рецепты выписывать автоматам не чепуховое дело.

Вы скажете: есть же у кондитеров своя поваренная книга.

Верно, такая книга у кондитеров есть. И они заглядывают в нее. Но согласитесь: всем нам надоест постоянно сосать одни и те же леденцы и пить чай с одними и теми же конфетами. Вот почему в конфетном цехе «Красного Октября» делаются сразу пятьдесят сортов конфет. Кому нравится «Золотой ключик». Кто любит «Стратосферу» или «Маску». Конфет становится все больше и больше. И придумывают их люди. На всякий вкус. На любой возраст. Даже на любую профессию.

Несколько лет назад на фабрику пришли летчики из Аэрофлота и сказали:

— Придумайте для пилотов и пассажиров вкусную карамель.

— Какую же?

— Чтоб кисленькая была.

— Пожалуйста, выбирайте: есть карамель «Дюшес», «Апельсиновая», «Барбарисовая».

— Нет, мы хотим еще более кисленькую.

Раз надо — значит, надо! Мастер карамельного цеха Василий Кузьмич Баскаков сказал:

— Сочиним что-нибудь.

Заперся он в своей лаборатории и стал сочинять.

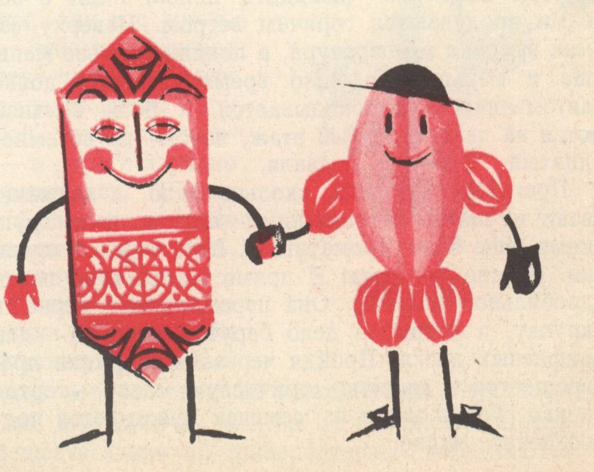
Кругом пробирки, колбы, мензурки, горелки, на которых подогреваются какие-то ароматические вещества. Посмотришь со стороны и подумаешь, что тут взаперти, отрешившись от мирской суеты, сидит древний алхимик и выдумывает «философский камень».

Но Василий Кузьмич никакой не алхимик. Он изобретатель конфет. Скоро полвека, как он работает кондитером и считает это дело очень важным. Сорок сортов карамели создал Баскаков за свою жизнь.

И теперь ему захотелось помочь летчикам. Чтобы они остались довольны. И чтобы не посрамить своего звания «короля кондитерского дела» — так Баскакова называют товарищи.

Ох, и повозиться пришлось!

Добавит к сиропу чуть больше патоки — пресновато! Подсыплет лишнюю ложку сахара — приторно... Ага, следует подлить эссенции. Так. Еще

немножко. Горчит. Что ты будешь делать! Теперь подмешаем лимонную кислоту. Нуте-ка?

Василий Кузьмич берет на язык янтарную капельку карамельной жидкости. Щурит глаза. Прислушивается, морщится. Не-до-во-лен...

Он ходит по лаборатории, рассерженно напяливает по самые уши свой поварской колпак. Ругает себя.

Наконец успокаивается, садится за стол. И опять колдует над своими кастрюльками, пробирками, колбочками.

Так проходят день, два, три...

Через месяц являются летчики.

— Чем нас порадуете?

— Отведайте,— говорит король кондитерского производства.

Сосут летчики только что приготовленные карамельки, улыбаются.

— То, что надо. В меру терпкие. В меру сладкие. Ароматные. И главное — ки-и-исленькие.

Словом, понравилась карамель. И присвоили ей самое подходящее воздушное имя — «Взлетные».

Долго ли, коротко ли, а Василий Кузьмич уже новую конфету сочинил. С начинкой из какао, молока, всяких ароматных приправ. Сколько он потратил на нее времени, точно не скажу, врать не буду, но конфета лично мне очень понравилась. Она пришлась по вкусу всем работникам «Красного Октября», а кондитеры знают толк в сладостях.

— Запустим в производство,— решили на фабрике.

— А назовем как?

Назвать конфету тоже непросто. Над этим иногда все работники фабрики думают. Хотят, чтобы у конфеты было имя звонкое, запоминающееся. Фантазером надо быть!

Но в это время Баскакову исполнилось как раз шестьдесят лет. Юбилей «короля»! И тогда кто-то сказал:

— В честь Баскакова Василия надо дать конфете имя — «Вася-Василек».

И все согласились.

Василия Кузьмича поздравили, а конфету стали делать для всех сладкоежек нашей страны. Я думаю, что своим знатным происхождением «Вася-Василек» может поспорить с самим бобом Соконсуко Королевским!

*

Когда Василий Кузьмич узнал, что я буду писать о нем в «Пионере», он сказал:

— Есть у меня много конфет. Но посекретничаю с вами: новую сейчас придумываю.

Я сразу спросил:

— Какой у нее будет фантик?

— Фантик? Не скажу... А знаете что? Пусть ребята мне помогут. Пусть нарисуют. Самую хорошую картинку мы возьмем. А победителю будет сладкий подарок. Передайте мою просьбу всем читателям «Пионера».

Слышите, ребята? Так что думайте. Рисуйте фантики. И письма с рисунками присылайте в журнал. Пароль: «Вася-Василек».

Наш лягушатник!

ИКС: Мы рады были познакомиться с доблестными обитателями лягушатника. Рады, что многим из вас уже сейчас тесновато здесь — скоро вы будете решать задачи большого конкурса. А пока продолжаем разгадывать арифметические ребусы. Сегодня они будут посложнее. Здесь уже нет ни одной известной цифры — только буквы.

```
 МУХА | ХА
-ХА   | УХА
 --
 -КХ
  АР
  --
 -УХА
  УХА
  ---
```

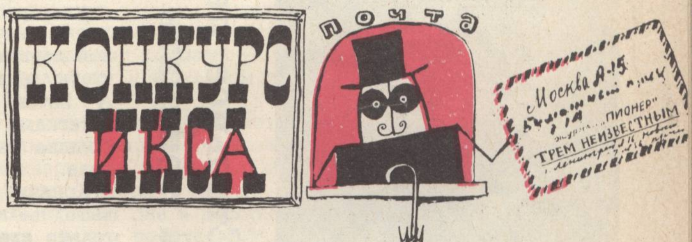
И все же мы с вами отгадаем каждую. Не будем приводить всего решения, а только начнем. Заметим, что когда от Х отняли Р, то снова получился Х. Значит, буква Р обозначает цифру 0.

Если последнюю цифру частного А умножить на ХА, то получится УХА: А × ХА = УХА. Отсюда видно, что А не меньше, чем 2, и что число А × А оканчивается цифрой А. Есть только две цифры, обладающие этими свойствами,— 5 и 6. Так как вторая цифра частного — Х, то Х × ХА = АР, где Р = 0. Ясно, что А — не шестерка. Остается одна возможность: А = 5. Заменяя в последнем равенстве А и Р их значениями, имеем

$$X \times X5 = 50.$$

Отсюда легко найти Х.

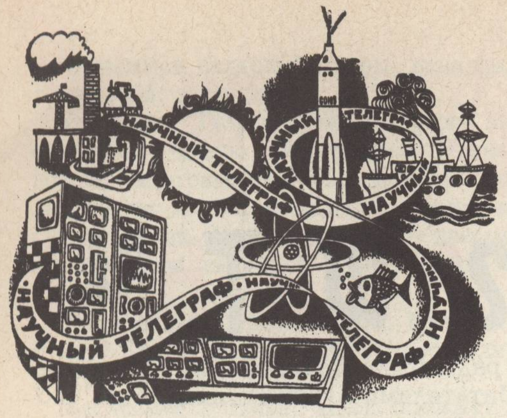
Понятны ли вам эти рассуждения? Если да, то продолжите их и доведите решение до конца самостоятельно.

ПРОДОЛЖЕНИЕ

```
1)  А52Б        2)  БД
   -Б25А           +БД
    ----            --
    8ХМХ           АЕС
```

Каждая буква обозначает здесь — как и везде в наших ребусах — цифру. Одинаковыми буквами обозначена одна и та же цифра. Разгадайте, какие цифры обозначены буквами в этих ребусах.

ЗАПОЛЯРНАЯ АТОМНАЯ СТАНЦИЯ
ПО ГРАДУ — ОГОНЬ!
КАК ПРОВЕТРИВАТЬ КАРЬЕР
ВЕЧНАЯ СПИРАЛЬ
МОТОРОЛЛЕР, КОТОРЫЙ ГУЛЯЕТ САМ ПО СЕБЕ
МЫЛО ДЛЯ ТРЮМОВ
СТАЛЬНОЕ ПЕРО ВЕСОМ В ТРИДЦАТЬ ТОНН

Заполярная атомная станция

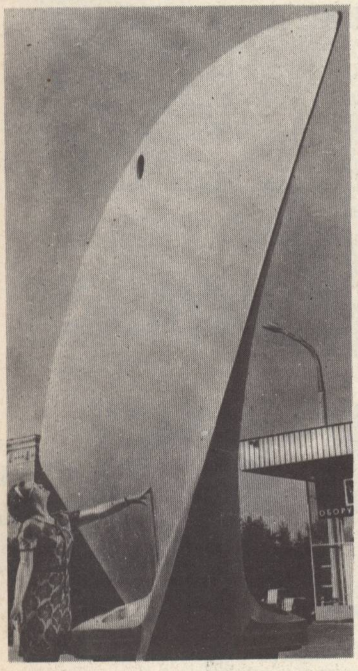
Она строится сейчас в Магаданской области, в поселке Билибино. Четыре атомных реактора будут работать без перерыва и без заправки горючим три года. И на весь этот срок каждому из них нужно меньше пятидесяти килограммов ядерного горючего урана-235.

Билибинская станция невелика, ее мощность всего 48 тысяч киловатт. Но для небольшого северного поселка вполне достаточно того света и тепла, которое вырабатывает эта маленькая атомная станция. Собрать же ее из отдельных готовых блоков намного проще, чем тянуть через тысячи километров тайги и тундры линию электропередачи.

Как проветривать карьер

Там, где руда выходит на поверхность, ее добывают без шахт. Экскаваторы, опускаясь все глубже в карьер, вынимают породу, грузят ее на самосвалы.

Такие карьеры почти не продуваются ветром, и выхлопные газы многих машин скапливаются там и постепенно отравляют воздух. И вот недавно на одном из крупнейших в нашей стране карьеров установили вентилятор. Так как карьер этот большой, то и вентилятор тоже солидных размеров — он едва умещается в кузове грузовика. Зато за сорок минут он может проветрить карьер глубиной двести метров.

Стальное перо весом в тридцать тонн

Это перо — часть огромной водяной турбины. Она будет работать на седьмой электростанции волжского каскада — Саратовской. Здесь напор волжской воды гораздо меньше, чем у других станций каскада. Вот почему и решили сделать лопасти такими гигантскими — тогда турбина будет вращаться с нужной скоростью.

Спроектировать такую «вертушку» с лопастями-великанами было не просто, а еще сложнее — сделать. До сих пор никто не отливал такие огромные лопасти. Впервые это удалось литейщикам из города Электросталь. Они отлили в отдельных формах две половинки, а потом сварили их надежным швом.

Мыло для трюмов

Попробуй представить себе, что такое танкер водоизмещением сто тысяч тонн. Это огромное судно, высотой с многоэтажный дом и длиннее футбольного поля. Внутри него можно упрятать, наверное, целый стадион...

Такие танкеры возят нефть через моря и океаны. Возят и, к сожалению, очень сильно загрязняют морскую воду. Ведь если в море попадет всего один грамм нефти — будут отравлены десять тонн воды! На самом же деле в морскую воду попадает ежегодно полмиллиона тонн нефти и нефтепродуктов. И большая часть — из трюмов гигантских кораблей. Обычно это происходит так: после разгрузки, перед возвращением за новой порцией нефти, в трюм заливают воду, чтобы судно не потеряло устойчивости. А потом эту воду сливают вместе с остатками нефти. И чем крупнее танкер, тем больше радужных пятен расплывается по воде.

Конечно, вместо воды было бы гораздо выгоднее везти по морю полезный груз. Да только сделать это нельзя: трюмы-то грязные. Очистка их в порту занимает добрую неделю, причем работа эта трудная и опасная.

...Советский танкер привез нефть на Кубу, а вернулся обратно на Родину с удивительным для нефтевоза грузом — в его трюмы был засыпан сахар. Этот сахар был, как ему и положено, белым, и нефтью от него совсем не пахло. Потому что трюмы танкера были дочиста отмыты новым советским препаратом МЛ-6. Это мыло для трюмов растворяется в морской воде и за считанные минуты снимает со стенок густой, вязкий слой нефти, мазута, масла. В растворе МЛ-6 нефть всплывает, ее легко удалить и уничтожить. А раствор можно использовать еще не один раз.

М. ГУРЕВИЧ,
О. ЛИБКИН.

По граду — огонь!

Когда идет град, лучше сидеть дома: падающие с неба куски льда достигают порой размеров куриного яйца. Люди от града спрятаться могут, но вот спасти от этого бедствия поля, сады, огороды долгое время считалось немыслимым.

Но если нельзя спрятать под крышу тысячи гектаров полей, может быть, есть иной способ защиты? Нельзя ли каким-то образом развеять облака, несущие лед? В свое время ученые предлагали стрелять по тучам из пушек, выпускать в небо струи легкого газа или же построить гигантскую трубу и гнать по ней в небо воздух... Только все эти способы, даже если их и пытались осуществить, приносили мало пользы.

А несколько лет назад у нас в стране все-таки научились бороться с градовыми облаками. Раз не удается разогнать тучи, ученые попробовали превратить градины в мелкую, совершенно безопасную ледяную пыль. А сделать это можно так: забросить в облако специальные химические вещества, которые вызывают быстрое образование кристалликов льда. Если таких ледяных «зародышей» будет много, то на крупные градины просто не хватит воды — вся она превратится в мелкие, как крупинки, ледышки.

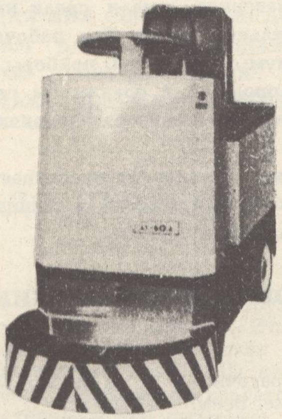
Но как забросить такие вещества — йодистый свинец, йодистое серебро — в небо? Конечно, зенитными снарядами или ракетами!

В горах Северного Кавказа ученые Высокогорного геофизического института испытали этот способ. И научная гипотеза подтвердилась: из «расстрелянного» облака вместо града сыплется на землю ледяная каша...

Со времени первого опыта произведены уже десятки тысяч выстрелов по облакам. Многие сотни гектаров спасены от градобоя.

Машины с ракетными установками, напоминающими знаменитые «Катюши», вызывают так, как вызывают пожарную команду. Как только метеорологи сообщат тревожную весть, противоградовые ракетные установки приводятся в боевую готовность...

Мотороллер, который гуляет сам по себе

Как путешествуют детали от станка к станку? Кто бывал на большом заводе, тот скажет: детали движутся на конвейерах, едут в автокарах или их переносят мостовые краны. А совсем недавно на одном из рижских заводов появился удивительный мотороллер-тягач. Развозя детали, он ездит от станка к станку без водителя, сам по себе. И не по прямой, а выписывает сложные фигуры и там, где надо, делает остановки.

Мотороллер электрический, и не сбивается он с пути потому, что под полом цеха проложили металлические полосы. Специальные автоматические приборы, расположенные возле руля, как бы реагируют на приближение и удаление металла. Они непрерывно «следят» за полосой и не дают тягачу сбиться в сторону.

Вечная спираль

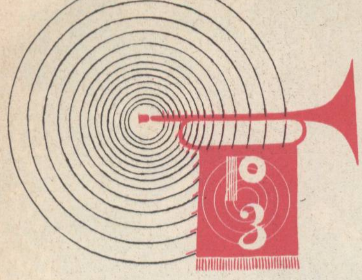
Можно ли одним прожектором осветить футбольное поле? Обычным, разумеется, нельзя. А вот прожектором с йодными лампами — можно. Такой опыт был уже поставлен на Центральном стадионе имени В. И. Ленина в Москве.

Йодные лампы можно посмотреть сейчас на Выставке достижений народного хозяйства СССР. Это маленькие кварцевые трубочки. Они гораздо меньше обычных ламп, но внутри у них та же вольфрамовая спираль. Только светит она в десятки раз ярче.

Как же это получается?

Чтобы лампа давала больше света, надо сильнее раскалить спираль. Но вольфрам, какой он ни тугоплавкий, начинает при этом быстро испаряться, частицы его оседают на стеклянном баллоне. Ты, наверно, замечал темный налет на отслужившей свое лампочке — это частицы вольфрама. Спираль становится все тоньше и, наконец, перегорает. Если же лампу наполнить парами йода, то вольфрамовая спираль становится если не вечной, то уж долговечной наверное. Дело в том, что молекулы йода как бы подхватывают испарившийся вольфрам и вновь возвращают его на спираль. Ей не страшна уже высокая температура. Значит, лампу можно сделать очень яркой.

Йодные лампы уже работают — в автомобильных фарах и кинопроекторах, они освещают взлетные полосы аэродромов; пригодились эти лампы и поварам — тепло они излучают такое, что вполне прожаривается мясо.

РАДИОСТАНЦИЯ «ЗДРАВСТВУЙ» ПОЛУЧАЕТ СООБЩЕНИЯ ОТ УЧАСТНИКОВ ПИОНЕРСКОГО МАРША «ВСЕГДА ГОТОВ!»

МЕЖПЛАНЕТНУЮ АВТОМАТИЧЕСКУЮ СТАНЦИЮ

создали ребята из кружка телемеханики Дома пионеров г. Днепродзержинска.

— Старт! — раздается команда, и тотчас же межпланетная автоматическая станция «Протон» начинает вращение. Вот она слегка накренилась — тут же звуковые сигналы «доложили» об этом. Вот пошла вверх — об этом сообщили «на Землю» мощные вспышки света.

Это, конечно, не настоящая обитаемая станция, это модель, но посмотрите, как тщательно все продумано. Видите, в центре шар из органического стекла? Здесь пульт управления, сердце станции. Наверху — два рабочих места для космонавтов, ниже — стойка с приборами. Вы уже, наверное, узнали среди них телескоп. А это рабочие секторы. В голубом — вычислительный центр. Там рабочие места для трех космонавтов. В зеленом секторе — аквариум с хлореллой, приборы для очистки воздуха, автоматы, следящие за расходом кислорода. А в оранжевом секторе космонавты отдыхают. Всмотритесь: изображение на экране телевизора наверняка вам знакомо. Это обратная сторона Луны!

Межпланетная автоматическая станция останавливается. Но стоит подать звуковой сигнал — заговорить или хлопнуть в ладоши, и станция снова начнет свое трехминутное путешествие по воображаемой орбите.

ВЕЧЕР ЧУДЕС устроили юные химики 17-й школы г. Чимкента.

На огромном листе ватмана красочное объявление: «Внимание! Внимание! Всем! Всем! Всем! Сегодня, когда усталый Гелиос скроется за горизонтом и школьные часы пробьют шесть раз, начнется чествование Ее Величества Химии! Вас ждут самые удивительные, самые необыкновенные, самые неожиданные чудеса!»

Актовый зал полон. С последним ударом часов на сцену медленно, с достоинством выплывает факир в белоснежной чалме. Он произносит заклинание, щелкает пальцами, и свет гаснет. Откуда-то издалека льется нежная мелодия, в снопе лучей прожектора возникает Прекрасная дама — Великая Химия.

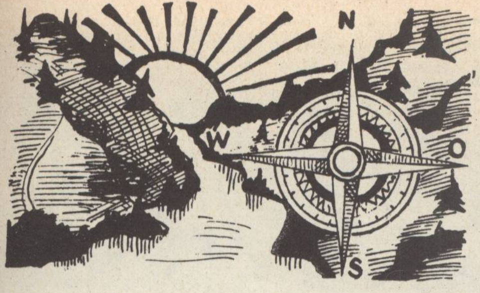
Зал замер. Великая Химия рассказывает о себе, о своем рождении и своем будущем. Она передает жезл факиру: «Покажи мое могущество непосвященным!»

Факир прикасается жезлом к сахару, и сахар чернеет. Дотрагивается жезлом до кусочков ваты, и раздается оглушительный треск. Потом волшебник зажигает платок — он загорелся нежным голубым пламенем и остался целехоньким!

На сцене засуетились «старички колдуны». Они мгновенно меняют цвет жидкостей, заставляют колбы извергать рокочущее пламя...

Когда снова зажигается свет, Великая Химия обращается к тем, кто хочет узнать тайны ее волшебного жезла, зовет их в свиту своих верных помощников.

После вечера чудес в химический кружок школы пришло много новых ребят.

Геолог, изыскатель. Для несведущих — романтическая мечта. Для посвященных — настойчивый поиск, горечь неудач, ни с чем не сравнимая радость находок.

Юные геологи из Дома пионеров Фрунзенского района Москвы прошли немало маршрутов, участвовали во многих экспедициях. Они побывали на Урале, Байкале, Западном Кавказе, в Крыму, Хибинах.

БОРЯ ЖУЙКО НАГРАЖДЕН МЕДАЛЬЮ «ЮНЫЙ УЧАСТНИК ВДНХ» И ДЕНЕЖНОЙ ПРЕМИЕЙ

за исследовательскую работу по привлечению большой синицы в искусственные гнездовья Алма-Аты.

Из садов Алма-Аты стали исчезать большие синицы. Не прилетают почти совсем, не вьют гнезда. Что-то им не нравится. А это большая беда: ведь семья синиц «обслуживает» за лето сорок яблонь — поедает всех вредителей. Без помощи синиц садам плохо.

В Алма-Ате живет Боря Жуйко. Он давно дружит с птицами, изучает их повадки, наблюдает за ними. Боря заинтересовался: за что же синицы обиделись на его родной город?

Боря стал прикармливать синиц, которые вернулись весной, построил для них специально домики. Синицам домики понравились, они свили гнезда. Боря наблюдал: сколько времени синицам понадобилось, чтобы свить гнездо, когда появились у них прожорливые птенчики? Боря подсчитал, что за час родители прилетают с кормом в гнездо тридцать раз!

В конце концов Боря понял, почему большая синица улетела из города. Оказалось, что виноваты скворцы!

— Синички, — рассказывает Боря,— вьют гнезда в дуплах или домиках, которые делает для них человек. Скворцы прилетают раньше и занимают всю свободную площадь. У тех домиков, которые я делал для синиц, леток небольшой — три-четыре сантиметра. Скворец туда не заберется. А синицы охотно поселяются весной в таких домиках.

В ПОЛЕ НЕ ДО ИГРУШЕК, — говорили взрослые. Но они не знали кемеровских ребят.

Представьте себе: идет по проселочной дороге грузовик с хлебом. На обочине — стайка ребят. Взметнулись вверх красные флажки. Это сигнал. Он означает: «Тише, водитель. Притормози. Впереди опасность — глубокая рытвина».

Эти ребята — мы. Мы — пионерский дозор. Мы несем вахту. Придумали ее еще в 1967 году, особенно урожайном. Урожаю все радовались, торопились убрать вовремя. Но уж очень много хлеба терялось при перевозке. Больно было смотреть на рассыпанное по дорогам зерно. Вот тогда-то мы и решили расставить по дорогам посты, которые предупреждали бы водителей об ухабах, канавах, крутых поворотах. Если сочилось из кузова зерно, у ребят всегда наготове и пакля, и тряпка, и необходимые инструменты. А чтобы и в поле не пропадало зерно, организовали рейды по сбору колосков.

Не все сначала поняли нашу затею. Только и слышались обидные слова: «Не мешайте! Под машину попадете! В поле не до игрушек!» И водители не замечали ни нас, ни наших сигналов — проезжали «без оглядки». Но мы не отступили. Теперь стоят наши посты каждый год. Сберегли мы тысячи пудов хлеба.

И колхозники теперь сами обращаются к нам, пионерам, если им нужна помощь. Перед переписью населения нас попросили выяснить, какие улицы без названий, какие дома без номеров. И мы помогли статистикам.

Еще мы выращиваем рассаду для колхозных грядок, а весной и осенью проводим операцию «Зеленая стрела» — сажаем деревья. Появилась Ленинская аллея. Зазеленела автомагистраль Прокопьевск — Новокузнецк.

Раньше мы все совещались на сборах: что делать? Чем заниматься? Оказалось, дел вокруг очень много.

Наш командир Володя Калиновский не любит сниматься. И все-таки подстерег его фотоаппарат Володи Осипова.

ГДЕ МЫ БЫЛИ, ЧТО МЫ ВИДЕЛИ?

Отряд туристов-краеведов 353-й московской школы побывал в Карелии, на острове Кижи. Вот что рассказывают ребята.

СЕРЕЖА СМИРНОВ. Удивительный остров Кижи. Приезжаешь туда — и попадаешь прямо в русскую сказку.

ОЛЕГ ЛИГУМ. Кижи — остров-музей. Со всей Карелии свезли сюда самые прекрасные постройки прошлых веков: деревянные церкви, дома, амбары, мельницу... Какая мельница! Красавица! Стоит она на полозьях, и можно ее повернуть туда, откуда дует ветер, чтобы она работала. В работе, в движении мельница особенно прекрасна.

ВОЛОДЯ ОСИПОВ. А мне понравилась очень Преображенская церковь. Деревянная она, а высотой с двенадцатиэтажный дом. Луковиц — не сосчитать, и все они чешуйчатые, деревянные. А внутри и стены и пол из некрашеного дерева — желтого, теплого. Какие мастера ее строили! Без единого гвоздя. Топор, долото да веревка — вот и весь их инструмент.

ЛЕНЯ ПАЛИЦЫН. Еще понравился нам дом крестьянина. Построен он в прошлом веке. Тоже без гвоздей. Какая резьба на этом доме, на окнах! Вместо фундамента подложены под каждый угол дома валуны, их в Карелии много. Дома в Карелии строят из сосны. Прокладки между бревен не делают никакой, а лежат они так тесно друг к другу, что бритву не просунешь. Топили избу тогда по-черному. Поэтому потолок и стены ее прокопченные, а пол хозяйка добела намывала. Кровать в таком доме была всегда одна на всю семью, спали все на лавках. И еще что интересно: на второй этаж настил сделан, и лошадь прямо по нему могла въехать в дом — привезти дорогих гостей и вещи.

А это церковь Лазаря Муромского. Ее построили шестьсот лет назад. Она вся легкая, словно кружевная.

Вот мельница, которая так поразила воображение Олега Лигума.

Сообщения от участников операции «Живое серебро» продолжают поступать! «Пионер» ждет рассказа (с фотографиями) и от тебя!

РАССКАЗЫ О ЛИТЕРАТУРЕ

Ст. РАССАДИН
Б. САРНОВ

Рисунки Н. ДОБРОХОТОВОЙ.

ВЫДУМЫВАЕТ РАДИ ПРАВДЫ...

РАССКАЗ ТРЕТИЙ

«Что хочет, то и делает?»

«Уважаемый «Пионер»!

В твоем седьмом номере я прочитал рассказ «Сто пятьдесят Дон Жуанов». Многое из того, что написано в этом рассказе, я знал раньше. Но раньше я как-то об этом не задумывался. Я читал и «Войну и мир» Льва Толстого и стихотворение Лермонтова «Воздушный корабль». Конечно, я заметил, что у Толстого Наполеон совсем другой, не такой, как у Лермонтова. Но я почему-то не придавал этому особого значения. Теперь, прочитав Ваш рассказ, я понял, что это у писателей бывает довольно часто.

Два писателя могут взять одного и того же исторического героя, даже такого, о котором точно известно, каким он был на самом деле, и изобразить его совершенно по-разному. Один изобразит его благородным и смелым, а другой — противным и смешным. Вы говорите, что писатель имеет на это право, потому что главное для него — выразить в произведении себя, свои мысли и чувства.

Но что же тогда получается? Значит, писатель что хочет, то и делает? Наполеон ведь никак не мог быть одновременно и таким, как у Толстого, и таким, как у Лермонтова. Так какой же из этих Наполеонов настоящий?

Петр в «Медном всаднике» мстительно преследует жалкого, несчастного человека.

Я понимаю, что и Лермонтов и Толстой выразили свое отношение к Наполеону. Выразили честно, правдиво. Но все-таки это еще не значит, что оба написали правду. Что же, выходит, правда писателя вообще не интересует?

Очень прошу ответить на мой вопрос».

Вот какое письмо прислал нам ленинградский школьник Андрей Порошин.

Сомнение, которое он высказал в своем письме, затрагивает один из самых сложных вопросов художественного творчества. Люди спорили об этом на протяжении столетий, высказывая самые разные, самые противоположные взгляды.

Были художники, которые прямо говорили:

— Да, нас не интересует правда. Нас не интересует действительность. Цель творчества — свободный полет воображения. Ничем не скованный, ничем не ограниченный вымысел.

Не только в давние времена, но и в нашем веке многие писатели и поэты откровенно и даже гордо высказывали подобные взгляды.

«Беру кусок жизни, грубой и бедной, и творю из него сладостную легенду, ибо я — поэт...» — говорил один.

Другой заявлял еще откровеннее:

Все равно мне, человек плох или хорош,
Все равно мне, говорит правду или ложь...

А третий объяснял, почему «все равно»:

Быть может, все в жизни лишь средство
Для ярко-певучих стихов,
И ты с беспечального детства
Ищи сочетания слов.

Литература, поэзия, искусство существуют, оказывается, вовсе не для того, чтобы выражать правду жизни. Оказывается, совсем наоборот: сама жизнь — всего лишь «средство для ярко-певучих стихов». И единственная цель творчества состоит в том, чтобы искать сочетания слов, звуков, образов...

И ведь все это утверждали не какие-нибудь слабенькие поэты, не оставившие в литературе следа, а люди талантливые, даже незаурядно талантливые.

Им резко возражали сторонники так называемой «литературы факта»:

— Нет, — говорили они. — Нас не интересует выдумка! Мы категорически против свободного полета фантазии. Не романы и поэмы, а очерки о реальных людях, о невыдуманных фактах — вот что нам нужно!

Некоторые из них даже считали, что искусство вообще должно отмереть.

Вы помните, конечно, как мечтал Н. А. Некрасов о том времени, когда русский крестьянин «Белинского и Гоголя с базара понесет...» Так вот, находились люди, которым эта некрасовская мечта казалась просто блажью: «Не Белинского и Гоголя должен мужик с базара понести, а популярное руководство по травосеянию. Не театральные студии нужно открывать в деревне, а студии скотоводства...»

Итак, с одной стороны: «Все в жизни лишь средство для ярко-певучих стихов».

С другой стороны: «Руководство по травосеянию» вместо «Мертвых душ» и «Ревизора».

Казалось бы, даже нарочно не придумаешь два взгляда, которые были бы так непримиримо враждебны друг другу.

На самом деле не так уж они и различны.

В сущности, оба эти взгляда исходят из убеждения, что правда и выдумка полностью исключают друг друга. Или правда — и никакой выдумки. Или выдумка — и тогда уж и речи не может быть о правде.

Обе эти точки зрения — такие разные — исходят из того, что понятие «правда» целиком сводится к формуле: «Так было на самом деле».

Между тем правда вообще, и художественная правда в частности, — понятие неизмеримо более сложное.

«Так кто же из них настоящий?»

Ленинградский школьник, письмом которого мы начали этот рассказ, считает:

— Не может быть, чтобы Наполеон одновре-

менно был таким, как у Лермонтова, и таким, как у Толстого.

Он спрашивает:

— Кто же из этих Наполеонов настоящий?

Иначе говоря, кто написал правду: Лермонтов или Толстой?

Казалось бы, тут даже и спорить не о чем. Из истории точно известно, что Наполеон был человеком яркого и незаурядного таланта: великий полководец, мощный государственный ум. Даже враги Наполеона этого отрицать не могли.

А у Толстого — ничтожный, тщеславный, пустой человечишка. Олицетворенная пошлость. Нуль.

Вроде бы все ясно. Лермонтов написал правду, Толстой — неправду.

И все-таки первое, что хочется сказать, читая в «Войне и мире» страницы о Наполеоне: какая правда!

Может быть, все дело в огромном художественном даре Толстого? Может быть, обаяние его таланта помогло ему даже неправду сделать достоверной и убедительной, прямо-таки неотличимой от правды?

Нет. Такое даже Толстому было бы не под силу.

Впрочем, почему «даже Толстому»? Именно Толстой-то и не мог выдавать неправду за правду. Потому что чем крупнее художник, тем труднее ему быть не в ладу с правдой.

Очень точно сказал об этом один русский поэт:

— Неумение найти и сказать правду — недостаток, который никаким умением говорить неправду не покрыть.

Изображая Наполеона, Толстой стремился выразить ту правду, которая была спрятана от глаз, лежала глубоко под поверхностью общеизвестных фактов.

Толстой показывает придворных, маршалов, камергеров, лакейски пресмыкающихся перед императором:

«Один жест его — и все на цыпочках вышли, предоставляя самому себе и его чувству великого человека».

Рядом с описанием ничтожных, мелких, показных чувств Наполеона слова «великий человек» звучат, конечно, иронически. Даже издевательски.

Толстой вглядывается в поведение наполеоновой челяди, анализирует, изучает природу этого пресмыкательства. Он ясно понимает, что все эти титулованные лакеи смотрят на своего повелителя униженно и подобострастно только потому, что он их повелитель. Тут уже никакого значения не имеет, велик он или ничтожен, талантлив или бездарен.

Читая эти толстовские страницы, мы понимаем: будь даже Наполеон полнейшим ничтожеством, все было бы точно так же. Так же подобострастно смотрели бы на своего хозяина маршалы и лакеи. Так же искренне считали бы они его великим человеком.

А в поэме Пушкина «Полтава» Петр I — воплощение мужества, благородства, справедливости. Казалось бы, странное противоречие...

Вот какую правду хотел выразить и выразил Толстой. И эта правда имеет самое прямое отношение к Наполеону и его окружению, к природе единоличной деспотической власти. А оттого, что Толстой нарочно сгустил краски, нарисовав вместо реального Наполеона злую карикатуру на него, эта правда стала лишь более очевидна.

Кстати говоря, правда Толстого нисколько не противоречит той картине, которую создал Лермонтов в стихотворении «Воздушный корабль».

Больше того. Поскольку и то и другое — правда, они и не могут противостоять друг другу. Они даже в чем-то едины.

Лермонтов изобразил Наполеона поверженного и одинокого. Он сочувствует ему, потому что этот Наполеон перестал быть могущественным властелином. А властелин, потерявший власть, никому не страшен и никому не нужен:

Зарыт он без почестей бранных
Врагами в сыпучий песок...

И те самые маршалы, о подобострастии которых с презрением писал Толстой, остались верны себе: они с тем же подобострастием служат новым властелинам. Они не слышат и не хотят слышать зов своего прежнего кумира:

И маршалы зова не слышат:
Иные погибли в бою,

Другие ему изменили
И продали шпагу свою.

Итак, оба Наполеона «настоящие», хотя и разные.

Так обычно и бывает в искусстве. Две фотографии одного и того же человека, сделанные разными фотографами, непременно будут похожи одна на другую. А два его портрета, написанные разными художниками, могут быть очень и очень несхожими между собой, в то же время не утрачивая сходства с оригиналом.

Да что там — разными художниками! Даже один и тот же художник, изображая одного и того же человека, может написать два совершенно разных портрета.

В этом суть искусства.

Все помнят пушкинскую «Полтаву»:

...Выходит Петр. Его глаза
Сияют. Лик его ужасен.
Движенья быстры. Он прекрасен,
Он весь, как божия гроза.

Петр в «Полтаве» не только величествен и по-человечески прекрасен. Он воплощение мужества, благородства, справедливости. Он воздает почести даже поверженным врагам: «И за учителей своих заздравный кубок подымает».

Но вот другая поэма того же Пушкина — «Медный всадник». Вновь перед нами Петр. Однако как мало похож на героя «Полтавы» этот «кумир на бронзовом коне». Тот не дрогнул перед вражескими пулями и ядрами — этот видит для себя опасность даже в робкой и невнятной угрозе Евгения. Тот великодушно пил за здоровье своих недавних врагов — этот мстительно преследует жалкого, несчастного, бессильного человека.

Есть разница между двумя этими Петрами?

Еще какая!

Значит ли это, что только один из них «настоящий»?

Ни в коем случае!

Когда мы говорим, что хотим знать об историческом деятеле правду, мы ведь имеем в виду не только его личные качества. Мы хотим понять и оценить его д е л о, увидеть результат его усилий, их исторический смысл.

И в «Полтаве» и в «Медном всаднике» Пушкин рисует **дело** Петра. Но в одном случае Петр — в бою, в работе, в горении, в созидании. В другом случае мы видим уже результат боя и работы, потому-то и действует тут не сам Петр, а его бронзовый памятник, символ его эпохи и его дела. И вот оказалось, что среди результатов жизни великого царя есть и победно завершенное строительство могучей империи и, с другой стороны, угнетенный и задавленный маленький человек.

Так трезво и мудро увидел Пушкин сложную противоречивость дела Петра.

Когда человек поднимается на горную вершину, он уже не может в подробностях разглядеть то, что осталось внизу, но зато вся местность перед ним как на ладони.

Чем больше времени проходит со времен Петра, Наполеона или какого-либо другого исторического деятеля, тем больше затуманиваются их черты. Но яснее становится смысл всего сделанного ими, хорошего и дурного. И тем полнее вырисовывается п р а в д а.

Этот Иван могуч и властен, жесток и страшен.

Иоанн Грозный и Иван Васильевич

В «Полтаве» Пушкин рассказал о том, что было на самом деле. В «Медном всаднике» рассказывается о событиях, которые не только не происходили в действительности, но и **не могли**

произойти. Как известно, бронзовые всадники не скачут по мостовым, а преспокойно стоят себе на месте.

Мы уже говорили, что художник для того и выдумывает, чтобы лучше понять и выразить правду.

Но разве для этого обязательно нужно выдумывать то, чего не было? А тем более выдумывать то, чего и быть не могло?

Допустим, Пушкин иначе не мог выразить свою сложную мысль. Но ведь «Медный всадник» не совсем обычное произведение. Все-таки в нем изображен не живой Петр. А ведь гораздо чаще в художественных произведениях действуют не символы, а живые люди.

Но вот оказывается, что и живой, реальный, вполне конкретный человек может быть поставлен писателем в придуманные и даже в самые неправдоподобные обстоятельства.

У писателя Михаила Булгакова есть комедия «Иван Васильевич».

Ее герой инженер Тимофеев изобрел машину времени, с помощью которой он попал в эпоху Ивана Грозного. Случилась небольшая авария, и вот Тимофеев вместе с царем Иваном очутился в современной Москве, в коммунальной квартире.

«Иоанн. О боже мой, господи, вседержитель!

Тимофеев. Т-с-с... тише, тише! Только не кричите, умоляю! Мы наживем страшную беду и, во всяком случае, скандал. Я и сам схожу с ума, но я стараюсь держать себя в руках.

Иоанн. Ох, тяжко мне! Молви еще раз, ты не демон?

Тимофеев. Ах, помилуйте, я же вам объяснил, что я не демон.

Иоанн. Ой, не лги! Царю лжешь! Не человечьим хотением, но божиим соизволением царь есмь!

Тимофеев. Очень хорошо. Я понимаю, что вы царь, но на время прошу вас забыть об этом. Я вас буду называть не царем, а просто Иваном Васильевичем. Поверьте, для вашей же пользы.

Иоанн. Увы мне, Ивану Васильевичу, увы!..»

До чего же непохож этот робкий, запуганный старикашка на могучего и властного царя, изображенного в лермонтовской «Песне про купца Калашникова»...

Помните, как обрекал он Степана Калашникова на казнь:

Хорошо тебе, детинушка,
Удалой боец, сын купеческий,
Что ответ держал ты по совести.
Молодую жену и сирот твоих
Из казны моей я пожалую,
Твоим братьям велю от сего же дня
По всему царству русскому широкому
Торговать безданно, беспошлинно.
А ты сам ступай, детинушка,
На высокое место лобное,
Сложи свою буйную головушку...

Этот Иван жесток и страшен, он со сладострастным наслаждением пользуется своим правом послать невинного человека на смерть, и в то же время он по-своему величествен и, во всяком случае, не лишен пронзительного ума и своеобразной мрачной иронии.

Царь не хочет терпеть человека, который посмел при нем, привыкшем к холопьей покорности, говорить смело и прямо, не склоняя головы, и казнит его. Но в нем — в таком, каким задумал изобразить его поэт, — все-таки еще живо сознание того, что совершаемое им дело не слишком-то благородно. И вот он хочет заглушить свою совесть, щедро одаряя жену и братьев Калашникова, он хочет поразить окружающих величием своей царской милости.

В заключительных строчках монолога все это слилось воедино: и жестокость, и ирония, и заглушаемая совесть, и, как бы мы теперь сказали, «игра на публику»:

...Я топор велю наточить-навострить,
Палача велю одеть-нарядить,
В большой колокол прикажу звонить,
Чтобы знали все люди московские,
Что и ты не оставлен моей милостью...

Такова страшная милость царя.

Да, Иван Грозный у Лермонтова жесток, ко-

И до чего же не похож этот робкий, запуганный старикашка на грозного царя!

варен, даже подл. Но невозможно и представить себе такие обстоятельства, в которых он выглядел бы жалким и смешным.

Невозможно?

Но ведь Михаил Булгаков как раз и создал именно такие обстоятельства.

В его комедии инженер Тимофеев разговаривает с царем, как старший с младшим. Попробовал бы кто-нибудь так поговорить с лермонтовским Грозным!..

Да и происходят с этим, булгаковским, Иваном Васильевичем события, рисующие его в самом жалком свете. То он насмерть перепугается голоса, доносящегося из телефонной трубки, и спросит с ужасом: «Ты где сидишь-то?» То его примут за артиста в гриме и костюме царя Ивана. Сама попытка его оказать царскую милость, такая страшно-величественная у Лермонтова, здесь оказывается нелепой, жалкой и смешной.

Вот Иван широким жестом дарит одному из персонажей пьесы гривну:

— Бери, холоп, и славь царя и великого князя Ивана Васильевича!..

А тот пренебрежительно отказывается от царского дара, да еще обижается на слово «холоп»:

— За такие штуки в народный суд влететь можно. Да не нужна мне ваша монетка, она ненастоящая.

Может показаться, что все это придумано писателем исключительно ради смеха. Что характер Ивана Васильевича, персонажа комедии Булгакова, ничего общего не имеет с характером царя Ивана, совсем не зря ведь прозванного Грозным.

Но нет. Не только для забавы перенес Булгаков грозного царя в нашу современную жизнь и заставил его дрожать перед таким привычным для нас телефонным аппаратом.

Почему так величествен Иван Грозный в песне Лермонтова? Почему даже жест, которым он отправляет на плаху Калашникова, не лишен некоего жуткого обаяния?

Потому, что Иван окружен страхом и преклонением, потому что всякое его желание — закон и всякий поступок, даже самый гнусный, встречается льстиво и восторженно. Может показаться, что это — обаяние могучей личности царя. На самом же деле это обаяние принадлежит не человеку, а шапке Мономаха, символу царской власти.

Поместив Ивана Грозного в непривычные, чужие ему условия, лишив его всех преимуществ, связанных с царским титулом, писатель сразу же обнажил его человеческую сущность, обнажил правду, скрытую под роскошным царским облачением.

Так всегда бывает в настоящем искусстве.

Как бы писатель ни фантазировал, как бы далеко ни залетал он на крыльях своего воображения, какой бы причудливой и даже неправдоподобной ни казалась его выдумка, цель у него всегда одна: сказать людям правду.

Журнал в журнале

Кораблик

Печатает только тебя

Осенний мотив

Отзвенело лето. Улетело.
Осень сарафан цветной надела,
Нарядилась в бусы из рябины.
Принакрылась тонкой паутиной.

Оплеснула золотом березку,
Сделала ей модную прическу.

А осинки позвала на танцы,
Подарив им платья из багрянца.

В речку бросила холодной сини...
Ходит-бродит осень по России.

То грустит она, то веселится...
В край далекий улетают птицы.
Дождик льется. Небо посерело,
Отзвенело лето. Улетело...

Люда ОВЧИННИКОВА, 16 лет,
г. Челябинск.

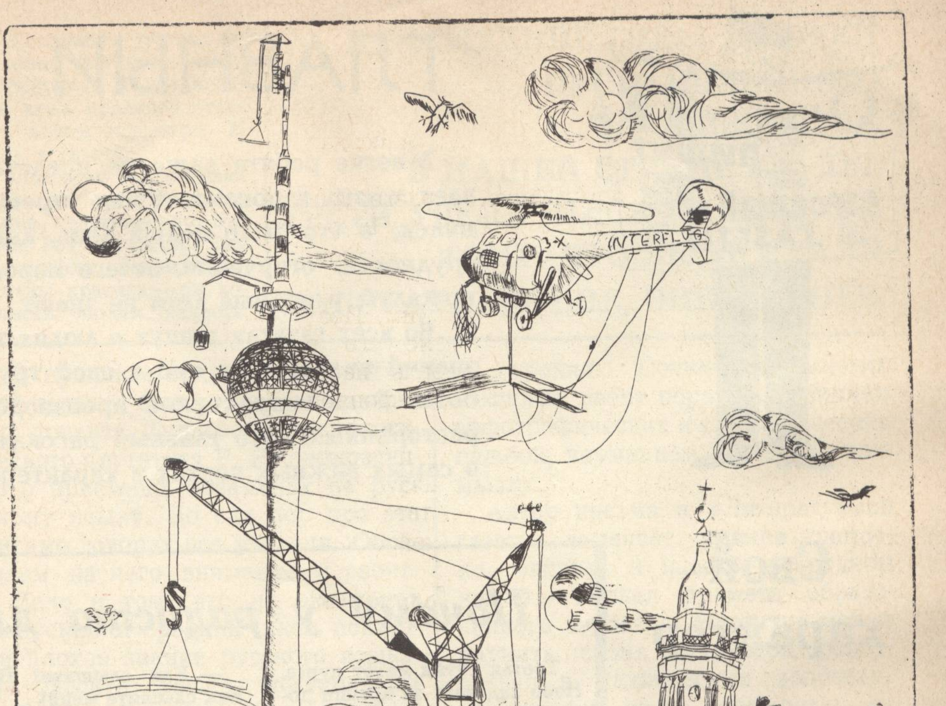
«ДОН-КИХОТ». Петер Элснер, 13 лет.

Сегодня в «Кораблике» гости. Трое немецких ребят. Вернее, их работы, но работа художника — это сам художник, и по этим работам можно точно сказать, что нравится берлинским мальчикам. Нравится мощная стройка, кипящая в самом центре их города. Огромную телебашню, далеко выглянувшую над всеми домами и домищами, строили и люди, и машины, и даже вертолеты. И кажется, что будь у художника возможность, он взлетел бы с птицами высоко-высоко, чтобы посмотреть, а какой кран там, на самой вершине башни.

Любят немецкие ребята читать? Конечно, любят.

Петеру Элснеру всего тринадцать лет, а «Дон-Кихота» он знает преотлично. И любит. Потому что никто не заставит художника рисовать то, что ему не нравится.

А второй Петер был с поездом дружбы в Москве и постольку, поскольку он художник, то сумел в одной картинке рассказать очень много. Здесь и встреча с московскими пионерами, и поезд, и вокзал, и Кремль, и самолет, на котором Петеру хотелось бы полететь, и даже робот, которого художник видел во Дворце пионеров в Москве.

СТРОИТЕЛЬСТВО ЦЕНТРА БЕРЛИНА.
Мартин **ФРИДРИХ**, 13 лет.

ПОЕЗД ДРУЖБЫ В МОСКВЕ.
Петер **КВЕРЕНГЕССЕР**, 14 лет.

ГЛАВНЫЙ РАССКАЗ

Многие ребята даже не представляют себе, как сложна бывает жизнь взрослых. Ушел утром отец из дому, к вечеру вернулся, а что было целый день, какие у него на работе были трудности, огорчения, отчего порой он приходит усталым, нет, пожалуй, и родные дети не знают.

Во всех газетах пишут о людях труда. Сколько ума, старания, знаний вкладывают они в свой труд, какие у них огромные заботы. Ведь современное производство не терпит ленивых, нерасторопных. Это главный рассказ газет: о человеке в труде, о самых важных чертах в характере.

Свой характер

— Настойчив он, мой друг, порой до упрямства. Ну, что ж, у каждого свой характер,— пишет в «Волгоградской правде» А. Мурашов о помощнике мастера на текстильной фабрике Леониде Качурине.

Когда-то А. Мурашов и Леонид вместе учились, работали. Поэтому автор все знает о своем друге. Как тот вырос без отца, пошел в ФЗО, сам пробил себе дорогу. Сейчас портрет Леонида, лучшего работника, висит в парке текстильщиков. Такой почет оказали ему за его честный труд.

Как-то был такой случай. Сменщиком у Леонида был ленивый, хитрый парень. Однажды на его станке треснула одна деталь, но он не стал ее менять, неохота ему было возиться. Кое-как подлатал, так, чтоб только продержалась до конца смены. Леонид, заступив на работу, заметил поломку и тотчас заменил сломанную деталь, наладил станок. Но решил все же проучить сменщика. Разве так можно относиться к делу, к станку? Подводить своего товарища?.. До конца смены работал Леонид на исправном станке, а под конец не поленился и поставил вновь ту старую деталь, треснувшую. Так он наказал сменщика-лентяя. Пусть в другой раз не халтурит.

Почему у радиста длинный день

Третьи сутки метет пурга. Небо задевает за крыши домишек, так низко спустились облака. Дороги замело. База под Арманью (Магаданская область) отрезана от всего мира: ни проехать, ни пройти. Единственная связь — по радио.

Но в такую непогоду плохо работает и радио. В эфире треск, шум, шорохи. Радист Николай Карпович Мариничев ни на минуту не снимает наушников, не отрывается от ключа:

— Как слышите? Прием. Как слышите меня?

Никто не откликается на зов. А на столе у радиста кипа важных бумаг, и все «срочно», «срочно». Час за часом чутко и настороженно он вслушивается в эфир. Терпение адское. Другой на его месте, возможно, сказал бы: «Бесполезно, ничего не выходит» — и прилег бы отдохнуть. Мариничев двадцать пять лет работает на Севере, он знает: сейчас нужно терпение, сиди и слушай... Он и в войну под огнем противника не бросал своего поста.

— Как слышите меня? Перехожу на прием,— вновь и вновь вызывает он.

На исходе суток он вдруг ловит тоненький отзвук. В эфире что-то проясняется. Кто-то отвечает ему. Радист жадно хватается за первую ниточку связи.

— Так и знал, дождусь! — говорит он.

...Длинный, длинный день у радиста.

Свет ПУКЧАНА

В десятках стран работают советские специалисты. Помогают строить электростанции, фабрики, заводы. Весной прошлого года наши специалисты приехали в социалистическую Корею, в горный Пукчан, там строится электростанция.

Случилось так, что надо было поставить на место статор весом в 128 тонн, а краны по своей мощности могли поднять груз только в 100 тонн. Более сильные краны застряли где-то в пути на горных дорогах. Кто знает, когда они прибудут, быть может, через месяц. Остановилась бы вся стройка.

Все ждали, что скажет главный монтажник Вадим Григорьевич Жаров, что-то он предпримет. По правилам, конечно, надо дождаться больших кранов. Но Вадим Григорьевич знал, как нужна братской Корее электроэнергия. Задержится стройка, и десятки электролиний, сельские электростанции останутся без тока. Поэтому он решил пойти на риск, перенести статор силами тех кранов, какие есть. Он точно рассчитал каждую минуту, каждый метр движения статора в воздухе, учел запас прочности механизмов, мысленно расставил краны, распределил тяжесть между ними.

Те десять минут, что статор был в воздухе, стоили ему, наверно, многих лет жизни. Так он волновался. Но тем и отличается хороший специалист от мастера средней руки: ни малейшей ошибки в расчетах не было. Краны благополучно перенесли тяжелый статор, и он наконец приземлился. Только тогда монтажник вздохнул свободно.

Стройка продолжалась без задержки.

БЕСПОКОЙНЫЙ МАЛЯР

Маляр Холодков написал статью в газету. Об окраске стен в новых домах. О том, что порой комнаты и целые квартиры красятся в одни и те же цвета, никто не подбирает цветовую гамму, не разнообразит ее. Это была деловая заметка в «Правде», но в ней был виден весь характер этого человека, который вкладывает всю душу в свое дело.

Когда отделка нового дома в Люблино была закончена, Холодков обошел весь дом и увидел: коридоры

окрашены в какой-то неприятный темный цвет. Осмотрел 32 квартиры и остался недоволен. Всюду обои одинаковые, однообразные. Дурно было сочетание красок.

Самого себя или своих товарищей он винить не мог. Они красили теми красками, какие им давали, и обои не они подбирали. Но почему же так беден выбор? Холодков поехал в управление, потом на обойную фабрику. И убедился: можно куда красивее отделывать новые квартиры. И написал в газету.

Он ничего не рассказывал о себе, но мы, видя его волнение, понимаем: вот это человек! Вот это маляр! Ему не все равно, какой краской стены красить,— он хочет нести людям радость.

В ПОСЛЕДНИЕ ГОДЫ ПРИРОСТ ПРОМЫШЛЕННОГО ПРОИЗВОДСТВА В НАШЕЙ СТРАНЕ НА ДВЕ ТРЕТИ УВЕЛИЧИЛСЯ БЛАГОДАРЯ ТОМУ, ЧТО ЛЮДИ СТАЛИ РАБОТАТЬ ЛУЧШЕ, ЭНЕРГИЧНЕЕ.

ВНИМАНИЕ!

Про нас, про школу

В прошлом году в «Литературной газете» было напечатано письмо доцента Тульского политехнического института Р. Ржондковского о приемных экзаменах по русскому языку. До сих пор про это письмо говорят все учителя. Обращаем на него внимание и ребят.

Дело в том, что на экзаменах выпускники средних школ показали плохое знание русского языка. Из десяти тысяч поступавших в Тульский институт только одна Галя Шаталина получила пятерку по русскому языку. Одна-единственная! Почти все остальные имели тройки. Сочинения многих и многих ребят поражали обилием орфографических и синтаксических ошибок, неумением выразить свою мысль.

Автор письма в «Литературной газете» замечает: умение грамотно говорить и писать на родном языке — первая примета образованного человека. Институт может научить своих студентов разбираться в технических вопросах, но русский язык надо знать со школы.

Над этим следует задуматься всем ребятам.

из дальних стран

Найденная тетрадь

Среди груды щебня и обломков на том месте, где стояла начальная школа в египетской деревушке Бакр эль-Бахр, журналист Ю. Глухов нашел детскую тетрадку. В ней была только одна фраза: «В школе — мальчики и девочки»... Это кто-то из ребят начал писать, да больше ничего и не успел. Налетели самолеты израильтян и разбомбили школу. Сбросили на маленькое здание пять бомб. От школьного здания остался лишь один угол — комната, где жил учитель. Самого учителя уже нет в живых.

Корреспондент рассказывает, что больница, куда привезли раненых детей, была переполнена.

— Я сделал сегодня двадцать операций,— сказал хирург.— Один ребенок умер после операции. Состояние многих критическое. Вы видите всю жестокость израильской военщины. Они не щадят даже детей.

Раненый египетский солдат, увидев несчастных детей, был так потрясен, что попросил его немедленно выписать из госпиталя, вернуть в часть, чтобы сражаться с агрессорами.

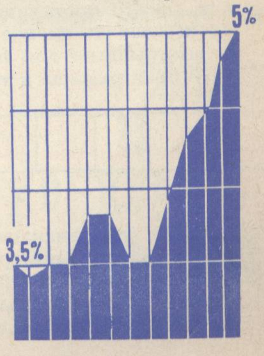
Письма безработных

В США резко выросла безработица. За последние пять месяцев без работы осталось миллион триста тысяч человек. А всего в стране четыре с лишним миллиона людей, которые не могут найти себе применения, заработать на жизнь.

Рассказывая об этом в «Неделе» (воскресное приложение к «Известиям»), Михаил Сагателян приводит письма безработных, напечатанные в американском журнале «Ю. С. ньюс энд Уорлд рипорт».

Альберт Блау, инженер группы ультракоротковолновой телевизионной системы в Ридондо-Бич, остался без работы с 5 июня, его сократили вместе с сорока процентами сотрудников лаборатории, где он работал. Мистер Блау разослал 35 рекомендательных писем, рисующих его как хорошего специалиста, но работы нигде не нашлось... Другой безработный, Ричард Бикмэн из Гренады-Хилл, разослал 137 писем, но и ему не было предложено ни одного места. «Никогда не думал, что такое со мной случится,— говорит он.— Я встречал массу других специалистов, вышвырнутых за дверь в последний год, но думал, что меня это не коснется...» Инженер-химик Сидней Поретски ищет работу с сентября прошлого года. Он тоже послал более двухсот пятидесяти писем в разные учреждения и фирмы, но, увы, безуспешно.

Большинство безработных — квалифицированные рабочие, инженеры, техники. Почти все они работали в гражданских отраслях промышленности. Это говорит о том, что экономика США нацелена на военное производство. «Мирные» отрасли промышленности переживают тяжелые времена.

Эта диаграмма, взятая из американского журнала, показывает рост безработицы в США по месяцам, с мая 1969 года по май 1970 года.

Приглашаем тебя

ЗЕТ: Итак, уважаемые читатели, продолжаем наши предолимпийские занятия. Сегодня вас ждут замечательные новости. Об этом позаботился наш знаменитый Игрек, и я с удовольствием передаю ему слово.

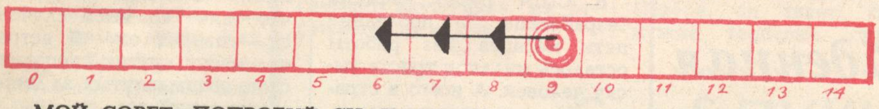
КАК ИГРАТЬ, ЧТОБЫ НЕ ПРОИГРАТЬ?

ИГРЕК. Сегодня я особенно прошу вашего внимания и терпения: я собираюсь вручить вам ключ к очень многим играм — и к тем, что были в прошлом номере, и к тем, что могут быть на нашей Олимпиаде, и к тем, которые еще не раз встретятся вам в жизни. Мне ничего не стоит назвать этот ключ сразу, но воспользоваться им сможет только тот, кто внимательно прослушает всю лекцию до конца и потрудится над всеми задачами. Итак, ключ звучит так: СТАВЬ НА МИНУС!

ДЛЯ РАЗМИНКИ НАЧНЕМ С ОЧЕНЬ ПРОСТОЙ ИГРЫ.

КТО ПЕРВЫЙ ?

Возьмем полоску клетчатой бумаги и занумеруем клетки числами 0, 1, 2... 14. На одной из 15 клеток стоит фишка. Двое играющих по очереди передвигают фишку налево на 1, 2, 3 или 4 клетки. Проигрывает тот, кому некуда ходить (значит, выигрывает тот, кто поставит фишку на 0). При каком начальном положении фишки выигрывает начинающий, а при каком его партнер?

МОЙ СОВЕТ: ПОПРОБУЙ СНАЧАЛА САМ РЕШИТЬ ЭТУ ЗАДАЧУ. ТОГДА ТЕБЕ ГОРАЗДО ИНТЕРЕСНЕЕ БУДЕТ ЧИТАТЬ НАШИ ОБЪЯСНЕНИЯ...

А теперь начинаем вместе играть. Нам будет удобнее, если свои ходы мы обозначим плюсами и минусами. Давай договоримся так (и этот уговор сохраним на все игры, о которых будем сегодня толковать):

начальные положения фишки, исходя из которых выигрывает начинающий, назовем **выигрышными**, а соответствующие им клетки отметим знаком **плюс;**

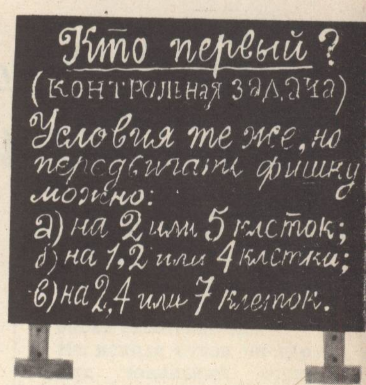
клетки, исходя из которых начинающий проигрывает, будем отмечать **минусами.**

Расставлять плюсы и минусы **начнем с конца** — с клетки 0. В этой клетке ставим минус — если фишка стоит на нуле, начинающему некуда ходить, клетки 1, 2, 3, 4 отмечаем плюсами — если фишка стоит на этих клетках, начинающий одним ходом выигрывает, ставя фишку на 0.

Рассмотрим теперь клетку 5. Если фишка стоит в этой клетке, то как бы ни пошел начинающий, фишка после его хода окажется в клетке 1, 2, 3 или 4. Его партнер пойдет в 0 и выиграет. Значит, клетка 5 — проигрышная (для того, кто должен из нее ходить), и мы ее отметим знаком минус. Клетки 6, 7, 8 и 9 — выигрышные: начинающий может передвинуть фишку в клетку 5 и тем поставить своего противника в проигрышное положение. Точно так же клетка 10 — проигрышная: из нее начинающий может попасть лишь в положения 6, 7, 8 и 9, выигрышные для противника; клетки 11, 12, 13 и 14 — выигрышные, клетка 15 — проигрышная и так далее.

Ясно, что начинающий всегда выиграет, если каждый раз будет ставить фишку на клетку с номером, **делящимся на 5.** Он может это сделать в том случае, если в начале игры фишка стоит в клетке с номером, не делящимся на 5. Иначе начинающий обязательно проиграет, конечно, если его партнер будет играть правильно. А как должен играть в этом случае партнер?

Терпение, дорогие читатели! Скоро оно вознаградится замечательным открытием, и мы сделаем его вместе с вами. А пока еще поиграем. На этот раз в камешки.

ПОСЛЕДНИЙ КАМЕНЬ

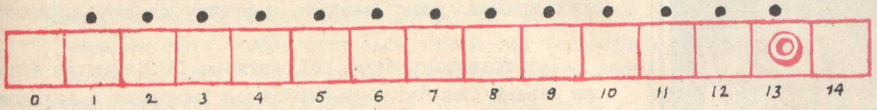
Из кучи камней двое играющих по очереди берут 1, 2, 3 или 4 камня; выигрывает тот, кто возьмет последний камень. При каком начальном количестве камней выиграет начинающий, при каком его партнер?

Возьмем полоску клетчатой бумаги, о которой рассказывалось в предыдущей игре, разложим вдоль нее камни, как на рисунке. Фишку положим на клетку, номер который равен числу камней в куче. При каждом ходе играющих будем передвигать фишку на столько клеток влево, сколько взято камней, то есть на 1, 2, 3 или 4 клетки.

Будем отмечать **плюсами** клетки, соответствующие числу камешков, при которых выиграет начинающий.

На математические тренировки!

Это будут **выигрышные клетки. Минусами** обозначим те клетки, исходя из которых начинающий проигрывает. Повторяя рассуждения предыдущей задачи, убедимся, что кучи, в которых число камней не делится на 5, выигрышные, остальные проигрышные. Чтобы выиграть, начинающий должен оставлять каждый раз в куче число камней, делящееся на 5.

ВНИМАНИЕ! МЫ УЖЕ ОЧЕНЬ БЛИЗКИ К ТАЙНЕ НАШЕГО КЛЮЧА...

Теперь тебе, наверное, ясно, что различие между играми «Кто первый?» и «Последний камень» чисто внешнее. Научившись выигрывать в одной из них, ты сможешь побеждать и в другой. Такие игры называются мудреным словом **«изоморфные».**

Слово «изоморфизм» произошло от греческих слов «изос» (постоянный, неизменный) и «морфэ», что значит «форма». В математике слово «изоморфизм» встречается очень часто, когда нужно отметить, что различие между объектами чисто внешнее, как между нашими двумя играми.

„Последний камень"
(контрольная задача)
Как действовать в игре, условия которой те же, что и в „Последнем камне", но брать можно: а) 2 или 5 камней; б) 1, 2 или 4 камня; 2, 4 или 7 камней.

ТЕПЕРЬ ВОЗВРАЩАЕМСЯ К ИГРАМ ИЗ ДЕВЯТОГО НОМЕРА

Одинокий ферзь

В игре **«Одинокий ферзь»** поле а1, очевидно, является проигрышным. Поставим на нем минус. Значит, все поля, из которых ходом ферзя можно попасть на а1, являются выигрышными — их отметим плюсами. С полей в3 и с2 все ходы, дозволенные условиями игры, ведут на плюс, значит, эти поля проигрышные. А поля, из которых можно попасть на в3 и с2, выигрышные. Продолжая рассуждать таким же образом, завершите расстановку плюсов и минусов на шахматной доске и сравните полученную вами расстановку с рисунком.

	a	b	c	d	e	f	g	h
8	+	+	+	+	−	+	+	+
7	+	+	+	+	+	+	+	+
6	+	+	+	−	+	+	+	+
5	+	+	+	+	+	+	+	−
4	+	+	+	+	+	−	+	+
3	+	−	+	+	+	+	+	+
2	+	+	−	+	+	+	+	+
1	−	+	+	+	+	+	+	+

ТЕПЕРЬ МЫ УЖЕ МОЖЕМ СДЕЛАТЬ ВЫВОДЫ:

1. Выигрышные поля (плюсы) — те, из которых хотя бы один ход ведет на проигрышные.

2. Проигрышные поля (минусы) — те, из которых любой ход ведет на выигрышные.

Если фишка стоит на выигрышном поле и ваш ход, вы непременно добьетесь победы, воспользовавшись моим ключом:

СТАВЬ НА МИНУС

В самом деле, с плюса всегда какой-нибудь ход ведет на минус. А ваш противник вас в проигрышное положение поставить никак не может: ведь с минуса любой ход ведет на плюс... А вы опять на минус... Так и окажется он в конце игры в проигрышном положении — так и загоните его в угол.

СТАВЬ НА МИНУС

Рисунки Б. КЫШТЫМОВА.

ПЕРЕЙДЕМ К ИГРЕ

Играем в камешки

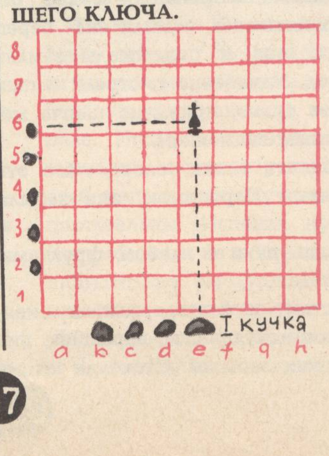
Разложим камни первой кучки по одному у каждой вертикали шахматной доски, начиная с b, а второй кучки — по одному у каждой горизонтали, начиная со второй. Договоримся из первой кучи убирать самые правые камни, из второй — самые верхние. Пусть ферзь стоит на одной горизонтали с самым верхним камнем и на одной вертикали с самым правым.

Из рисунка понятно, что если убирается камень из первой кучи, то ферзь сдвигается на одно поле влево, если из второй — на одно поле вниз, и так далее.

ЯСНО ЛИ ВАМ ТЕПЕРЬ, ЧТО ЭТА ИГРА ИЗОМОРФНА ПРЕДЫДУЩЕЙ?

Расставьте теперь сами на этом рисунке плюсы и минусы, начиная с левого нижнего поля а1 (в обеих кучках по 0 камней). Если вы все сделаете правильно, то получится, конечно, та же расстановка, что и на предыдущем рисунке.

А ТЕПЕРЬ ПОТРЕНИРУЙТЕСЬ В ПРИМЕНЕНИИ НАШЕГО КЛЮЧА.

Игры Игрека и конкурс Икса на стр. 80

Марта **ГУМИЛЕВСКАЯ**

Рисунки **И. УРМАНЧЕ.**

Сентября шестого дня 1522 года в испанскую гавань Сан-Лукар-де-Баррамеда вошло потрепанное судно. Восемнадцать моряков, пошатываясь, сошли на берег, тяжело опустились на колени и поцеловали землю. Вокруг них собрался народ. Удивленно смотрели испанцы на моряков, на ветхое судно, привычно шепча молитвы, осеняя себя крестным знамением.

«Святая Мария,— слышались тихие голоса,— кто эти несчастные? Клянусь святым Иеронимом, они забыли вкус еды...»

И к морякам протянулись руки с хлебом, фруктами, с молодым вином.

Моряки ели с жадностью, и благодарили, и смеялись, и слезы текли по их исхудавшим, заросшим щекам. Их не узнают? О них забыли? Стоит ли этому удивляться! Святая Мария, сколько же времени прошло с тех пор, как они в последний раз видели благословенные берега Испании! Ох, как давно!

Утолив первый голод, смертельно усталые, они вернулись на свой ветхий корабль, повалились на циновки и тут же крепко уснули.

А в это время гонец уже пришпоривал коня. Он мчался в Вальядолид, к дону Карлосу, королю Испании, с доброй вестью: вернулись моряки Магеллана и в знак выполненного поручения, следуя обычаю рыцарских времен, хотят вернуть перчатку своему королю!

...Три года тому назад, 20 сентября 1519 года, из этой же гавани Сан-Лукар-де-Баррамеда выходила в далекое плавание таинственная флотилия из пяти кораблей. Никто, кроме очень немногих, не знал, куда она направляется и какие у нее цели. Моряки были здоровы и бодры, корабли сверкали белизной, на мачтах весело развевались королевские штандарты и флаги экспедиции, и паруса, осененные крестами святого Яго, покровителя Испании, наполнял попутный ветер.

Впереди шел флагманский корабль «Тринидад» с начальником экспедиции, адмиралом Фернаном де Магелланом. За ним следовал самый большой корабль экспедиции «Сан-Антонио», и его вел королевский контролер, знатный испанский гранд Хуан де Картахена. Затем плыл «Консепсион» с Гаспаром де Кесадой, также испанцем; испанец вел и корабль «Виктория», только на самом маленьком «Сантьяго» капитаном был португалец Хуан Серрано.

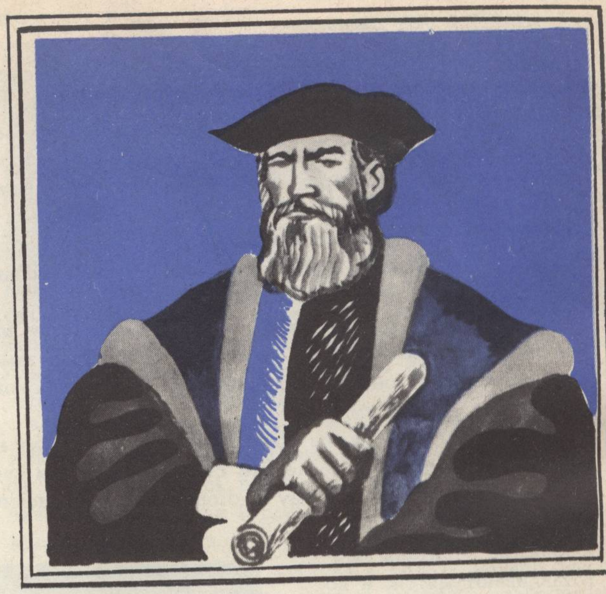
Португальцем был и сам адмирал Фернан Магальянш, как звали его на родине. Но история помнит его другое имя, и всему миру он известен как Магеллан. Он невысок ростом, приземист, ходит прихрамывая — след старой раны. У него простое лицо с темной бородой, умные, проницательные глаза. Во славу португальской короны он совершал подвиги, и часто жизнь его висела на волоске. Он был среди моряков португальской

флотилии, стоявшей на рейде Малакки (нынешний Сингапур). Португальцы пришли сюда под видом мирных купцов, а на самом деле — для разведки, чтобы подготовиться к захвату этой важнейшей гавани Востока. Обеспокоенный появлением европейцев, властитель Малакки, внешне радушный и гостеприимный, собирался неожиданно напасть на флотилию. Едва ли не в последнюю минуту мужество и находчивость Магеллана спасли португальцев от полного разгрома. Магеллан сражался на море и на суше, остался на всю жизнь хромым, но за все свои заслуги ничего не получил и к тридцати пяти годам оставался таким же безвестным бедняком, как и тогда, когда впервые простым матросом ступил на палубу корабля.

Перестав воевать и плавать, Магеллан не собирался в безвестности доживать свои дни на ту нищенскую пенсию, которой удостоил его король.

Напротив!

Превосходный, опытный моряк, отлично знающий Восток, Магеллан хотел стать капитаном какого-либо корабля из числа тех, что часто отплывают из Португалии в Индийский океан. Если на то, разумеется, будет согласие его величества короля Мануэла.

Фернан Магеллан.

На этой карте — маршрут первого кругосветного плавания. Из пяти кораблей Магеллана обогнул земной шар только один — «Виктория».

Но в этом, как и во многом другом, король отказывает своему верному слуге. Зато охотно соглашается на другую его просьбу: отпустить Магеллана из Португалии в любую другую страну, если тот пожелает.

Это горько, слов нет. Но, раз такова воля короля, Магеллану ничего другого не остается. Теперь он свободен и может все свое время посвятить разработке некоего плана, который замышлял, по-видимому, еще в те дни, когда плавал и сражался на Востоке.

План этот заключался в том, чтобы достигнуть отдаленнейших и богатейших Молукк — Островов Пряностей,— направляясь к ним не обычным путем вокруг Африки (как со времен Васко да Гамы ходили все португальские корабли), а с запада. Так в свое время предполагал пройти и Колумб, но он неожиданно наткнулся на новый материк. Магеллан был уверен, что найдет пролив у берегов этого нового материка — Америки, и тогда-то откроется более близкий путь к Молуккам. Это был план кругосветного путешествия, ибо на родину Магеллан предполагал вернуться, обогнув мыс Доброй Надежды.

Чтобы представить себе всю дерзость этого плана, нужно помнить, что в то время никому еще не удавалось найти пролив у берегов Америки, хотя многие пытались. Мало того, неизвестно было, где кончается новый материк, не соединен ли он с Неизвестной Южной Землей, о которой толковали еще ученые древности. Не знали также о существовании Тихого океана, самого огромного на земном шаре; знали только, что западные берега Америки омывает какое-то море, названное испанскими конкистадорами Южным, но никто в этом море не плавал, и подошли-то к нему сушей, через горы Панамского перешейка.

Магеллан, тщательно изучив все имеющиеся к тому времени морские карты и другие материалы, был уверен, что цели достигнет, если удастся снарядить дорогостоящую экспедицию. На родине ему этого не добиться — и Магеллан покидает Португалию.

И вот он в Испании. Здесь он приобретает друзей. Здесь находит сильных покровителей. Здесь он женится на дочери португальца на испанской службе, Диего Барбозы, занимающего важный пост начальника арсенала. Испанцы с интересом относятся к плану этого сурового, неразговорчивого человека. Острова Пряностей неплохо заполучить до того, как там утвердятся португальцы. Испания нуждается в золоте. Открытие Колумба еще не обогатило ее. Молодой король Карл I внимательно выслушивает Магеллана и назначает неизвестного португальского дворянина начальником важной секретной экспедиции, жалует ему титул адмирала и благословляет на подвиг.

Магеллан готовился к экспедиции долго и тщательно. Он старался предусмотреть все, в чем может нуждаться экипаж; сам составлял списки продуктов и снаряжения, следил за закупками, за ремонтом старых кораблей, которыми снабдила его Испания. Казалось, он сделал все, что в человеческих силах, ему не в чем себя упрекнуть. И все же одна забота тяготила его: вражда к нему надменных испанцев, которые не могли примириться с мыслью, что во главе экспедиции стоит какой-то португалец из захудалого дворянского рода. Знатные испанские офицеры возненавидели Магеллана.

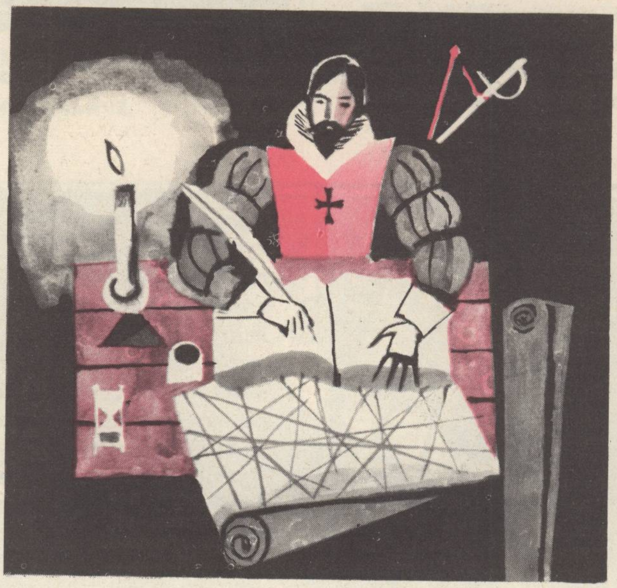
Магеллан все отлично видел, но эти люди были назначены самим королем, он не мог их сместить и заменить другими. И он молчал, оставаясь внешне спокойным и, как всегда, хмурым.

Он оставался таким же спокойным и тогда, когда на Канарских островах — последней стоянке в Старом свете — получил посланное ему вдогонку важное письмо, извещавшее о том, что испанские капитаны подготавливают мятеж и во главе заговора стоит Хуан де Картахена.

Поздно... Экспедиция вышла в плавание, и Магеллан не отступит. Судьба бросила к его ногам железную перчатку, и он поднял ее. Он принимает вызов!

И корабли покинули Канарские острова...

Среди немногих друзей Магеллана, верных и преданных ему, оказался итальянец Антонио Пигафетта, которого и Магеллан и спутники его называли Антонио Ломбардо. Благородный рыцарь Пигафетта никогда не был моряком. Но он давно мечтал о дальних плаваниях, о чудесных неизвестных землях и был счастлив, когда случай помог ему узнать о таинственной экспедиции Магеллана и попасть на его флагманский корабль. Изо дня в день Антонио Пигафетта вел записки, и теперь мы знаем подробности этого трагического и знаменитого плавания, подробности правдивые и беспристрастные.

Изо дня в день вел свои правдивые записи благородный рыцарь Антонио Пигафетта.

Между тем корабли, покинув Канарские острова, шли к югу. Впереди, как всегда, плыл флагманский «Тринидад», а за ним в определенном порядке следовали остальные четыре корабля. По приказу Магеллана, по окончании дневной вахты все корабли приближались к флагману и рапортовали адмиралу о событиях дня. И каждый раз капитаны обязаны были начинать свой рапорт одними и теми же словами, от которых кровь закипала в жилах заносчивых испанцев: «Да хранит господь вас, сеньор адмирал, и кормчих, и всю достопочтенную компанию».

Вскоре испанцы стали открыто роптать: их возмущал не только рапорт, но и то, что Магеллан, не сказав никому ни слова, изменил курс. Ведь предполагалось, что после Канарских островов экспедиция поплывет на запад. Почему же они идут к югу? И Хуан де Картахена прямо спросил об этом адмирала. В ответ он услышал короткое и непреклонное: «Ваша обязанность следовать днем за моим флагом, а ночью за моим фонарем». Другими словами: плывите и не рассуждайте!

Тогда оскорбленный Картахена, пренебрегая приказом Магеллана, перестал отдавать рапорт. Он поручил это своим подчиненным. И когда Магеллан сурово спросил его, почему он позволяет себе такую вольность, Картахена дерзко ответил, что не считает это важным.

И Магеллан снова, как уже было много раз, промолчал. Он ждал своего часа.

И когда этот час, по его мнению, настал, он во время совета в своей каюте сам вызвал Картахену на ссору и неожиданно, на глазах у всех, объявил его арестованным. Все остолбенели от неожиданности. Никто не осмелился ни возражать, ни защищать Картахену.

Так был дан первый бой.

Между тем погода не благоприятствовала плаванию. Корабли попали в полосу сильнейших штормов, лил дождь, дули противные ветры. Во время грозы на мачтах часто вспыхивали огни святого Эльма — безобидные разряды атмосферного электричества, хорошо знакомые суеверным морякам. В одну особенно бурную ночь на грот-мачте полыхал большой султан. Под конец он ослепительно вспыхнул. Моряки решили, что настал их последний час, но буря тут же стихла.

Наконец Магеллан дал приказ повернуть на запад. И скоро моряки подошли к благословенной Бразилии. Здесь они были вознаграждены за все невзгоды. Они лакомились вкуснейшими, незнакомыми им плодами, любовались диковинками бразильской природы — пестрыми, яркими попугаями, маленькими желтыми обезьянками с гривами, до смешного похожими на львиные. Жизнь в Бразилии была спокойной, приятной, и все огорчились, когда адмирал приказал поднимать паруса.

Магеллан торопился. Он был полон нетерпения, хотя и не выдавал этого ни единым жестом. У него были серьезные основания торопиться Он рассчитывал найти пролив под сороковым градусом южной широты. И вот почему. Обдумывая свой план, он подолгу беседовал с моряками, вернувшимися из дальних плаваний, просиживал в секретном архиве при королевском дворце, читая донесения капитанов, рассматривая старые карты. Там он наткнулся на карту немецкого картографа Мартина Бехайма, где под сороковым градусом южной широты был указан пролив. Моряки писали, что он широк и многоводен, но они не смогли пройти его до конца и вынуждены были вернуться. Вот почему Магеллан торопился покинуть Бразилию. Он надеялся, что уже ско-

ро сможет выйти в Южное море, омывающее западные берега материка, и взять курс к Островам Пряностей.

Но тот день, когда экспедиция достигла заветного сорокового градуса, был одним из самых тяжелых для Магеллана. Да, Магеллан увидел многоводный проток, только проток оказался устьем громадной реки, тогда еще не нанесенной на карты, а теперь известной под названием Ла-Платы. Удар был тяжелый. Но Магеллан никому не признался, как страшно его разочарование. И он решил следовать дальше к югу, вдоль неизвестных берегов материка. А время шло уже к зиме. Люди устали. Поднялся ропот. Моряки потребовали, чтобы Магеллан повернул обратно. Зима у незнакомых берегов пугала их.

Однако Магеллан был непреклонен. В чем дело, благородные сеньоры, говорил он, что вас страшит? В море довольно рыбы, на берегу — леса. Нам не грозит ни голод, ни холод. Нас ждет победа и слава, но дается она непросто. Мне ли напоминать вам о клятве, данной королю! Слово держать приходится. Этого требует честь офицера и дворянина!

И он нашел удобную бухту, где собирался переждать зиму. То была недоброй памяти бухта Сан-Хулиан, под сорок девятым градусом южной широты. Магеллан ввел в эту бухту четыре корабля, флагманский же «Тринидад» из предосторожности поставил у самого выхода из бухты в океан.

1 апреля 1520 года, в день большого католического праздника, Магеллан приказал экипажу сойти на берег, чтобы прослушать мессу. После мессы офицеры экспедиции были приглашены к адмиралу на праздничный обед.

День выдался особенно мрачный, на небе клубились тяжелые, темные тучи, выл ветер. Невесело было и за праздничным столом у молчаливого, сурового адмирала. Магеллан про себя отметил: на берегу во время мессы не было Мендосы и Кесады. Не пришли они и в каюту адмирала на обед. Это был вызов. Магеллан это знал. Но он решил не показывать своего неудовольствия, оставаясь по-прежнему молчаливым и угрюмым и не принимая мер предосторожности...

На следующее утро его разбудили раньше обычного сильным стуком в дверь. Оказывается, ночью произошло восстание. Мятежные капитаны захватили в свои руки три больших корабля: «Сан-Антонио», «Консепсион» и «Викторию». Преданного Магеллану Альвару Мишкиту, ставшего капитаном «Сан-Антонио» после ареста Картахены, мятежники ранили, связали, бросили в трюм и открыли склады продовольствия для матросов, чтобы привлечь их на свою сторону. Утром мятежники собирались предложить адмиралу свои условия: он должен немедленно повернуть домой, в Испанию!

Наверное, каждый на месте Магеллана счел бы, что карта его бита. Что он мог сделать с одним маленьким «Сантьяго»? Каждый, но не Магеллан! И он идет на величайшую дерзость. На виду у всех к борту «Виктории» пришвартовывается шлюпка с верным ему Гонсало Гомесом Эспинозой и пятью матросами. Эспиноса протягивает Луису Мендосе записку от адмирала: адмирал приглашает его на флагман для переговоров. Мендоса дерзко улыбается, но... не успевает он сказать «нет», как кинжал Гомеса вонзается ему в горло, и спутники Гомеса выхватывают из-за пояса кинжалы. В это же время им на подмогу поднимается по трапу неизвестно откуда вынырнувший отряд из пятнадцати вооруженных матросов с Дуарти Барбозой, родственником Магеллана, во главе. Не встречая ни малейшего сопротивления, они бросаются к парусам. И вот «Виктория» подплывает к флагману и становится бок о бок с ним, загораживая выход из бухты.

Удар был неожиданным, смелым, решительным. Мятежники растерялись, мятежники не могли опомниться. Они попытались проскочить мимо «Тринидада», но ничего из этого, как и следовало ждать, не получилось. Мятежники сдались.

И на мрачном берегу состоялся суд. Это были тяжелые дни для всех. Даже грубые матросы, головорезы, собранные со всех концов света, и те были мрачны и растерянны. Суд состоялся по всей форме. На этом настаивал Магеллан; он помнил, что ему придется в свое время дать во всем отчет дону Карлосу, королю Испании.

Суд единогласно выносит решение, записанное по всем правилам. Глава заговора Хуан де Картахена и священник Санчес де ля Рейна, подстрекавший матросов к бунту, приговариваются к изгнанию. Они останутся здесь, на этом мрачном берегу, когда флотилия покинет его, и пусть небо решит их участь. Мендоса уже мертв, но Кесада жив. Его присуждают к смертной казни через отсечение головы. Но кто решится стать палачом? Каждый, содрогаясь, отворачивается. И... верный слуга Кесады, Луис Молино, приговоренный к повешению, берет в руки позорный топор. Этим он спасает свою жизнь. Остальных сорок человек Магеллан помиловал. Он не хотел быть слишком жестоким, да к тому же ему нужны люди. Впереди долгий путь, и помощи ждать неоткуда...

И потянулись долгие дни зимней непогоды, и никуда не уйти от тяжелых воспоминаний, и кровавые призра-

Во время совета Магеллан вызвал Картахену на ссору и неожиданно, на глазах у всех, объявил его арестованным.

ки витают над мрачной бухтой. Юнга Хуан де Сибулетта часто бормочет что-то во сне, вскакивает, просыпается. Благородный рыцарь Пигафетта мрачен и задумчив. По-прежнему он каждый день ведет свои записи. Как ни трагичны суд и смертная казнь, но Магеллан был прав — так записывает Пигафетта.

На целых пять месяцев зима задержала экспедицию в бухте Сан-Хулиан. Так и не дождавшись сносной погоды, Магеллан посылает на разведку маленький «Сантьяго». Во время бури корабль гибнет. Люди спаслись, но одним кораблем стало меньше.

Наконец в августе 1520 года, ранней весной южного полушария, флотилия покидает бухту. И оставленные на берегу Картахена и Педро Санчес в невыразимой тоске смотрят вслед уплывающим кораблям... И никто никогда так и не узнает, какая судьба постигла их на этом диком берегу.

Флотилия между тем достигает устья реки Санта-Крус, где погиб бедняга «Сантьяго»; тут снова непогода заставила корабли задержаться на два месяца. И, прежде чем экспедиция пошла дальше, Магеллан собрал в своей каюте капитанов и кормчих экспедиции, чтобы сообщить им свои планы. Он сказал, что пойдет дальше к югу, пока не обнаружит пролив. Если понадобится, он дойдет до 75-й параллели и лишь тогда повернет на восток, чтобы вернуться в Испанию. Офицеры в тяжком молчании выслушали приказ. Никто не осмелился возражать. Слишком живы в памяти страшные события в бухте Сан-Хулиан.

А через два дня после этого совещания, 21 октября 1520 года, ЧЕТЫРЕСТА ПЯТЬДЕСЯТ ЛЕТ ТОМУ НАЗАД, корабли огибают какой-то мыс, и за ним сразу же открывается узкий скалистый проход. Он нисколько не напоминает пролив, но Магеллан не может миновать его, не исследовав. И он посылает на разведку «Сан-Антонио» и «Консепсион». Не позднее чем через пять суток они должны вернуться. Сам же Магеллан на «Тринидаде» вместе с «Викторией» будет поджидать их с внешней стороны бухты.

Не успели корабли-разведчики скрыться в узком проходе, как поднялась буря. Магеллан охвачен смертельной тревогой за тех, кто сейчас там, среди скалистых берегов. Неужто их постигнет судьба «Сантьяго»? Тогда конец! Продолжать плавание с одной «Викторией» он не сможет.

Так в страшной тревоге проходят три дня, наступает четвертый. А буря ревет, и корабли Магеллана, снявшись с якорей, подальше отходят от опасного берега и беспорядочно мечутся, лишь бы уцелеть!

Кончается дневная вахта, юнги отбивают склянки, зажигают сигнальные фонари. Но что это? Над узким проходом взвился столб черного дыма! Сигнал бедствия? Магеллан не успевает двинуться на помощь, как из прохода выплывают оба корабля — целые и невредимые, они празднично освещены, палят из пушек! Это салют славному адмиралу!

Пролив найден!

В старинных лоциях, где обозначен пролив, названный Магелланом Проливом всех святых, но переименованный благодарными потомками в Магелланов, есть предостерегающие надписи: «Здесь никогда не бывает благодатных времен года»; «Здесь со всех четырех концов света дуют северные ветры».

Так оно и есть. Здесь мрачно, пустынно, безлюдно. Только день и ночь на берегу полыхают костры. Магеллан назвал эти места Огненной Землей. Он не видал на берегу ни единого человека и не знал, что костры эти — неугасимый огонь, который поддерживают индейцы.

Осторожно пробирались корабли по узким проходам среди сложного лабиринта проток, пока наконец выбрались они к западным берегам материка, омываемым водами неизвестного Южного моря. И здесь все волшебно преобразилось. Стих ветер. Засветило солнце. Среди травы заблестели чистые источники, в одной речке оказалось такое множество сардин, что моряки так и назвали ее рекой Сардин. И далеко-далеко, до самого горизонта расстилалось огромное море. Магел-

Изменник Мендоса не успел сказать «нет», как кинжал верного Гомеса вонзился ему в горло.

лан назвал его Тихим, такое оно было спокойное, так радовало глаз, так веселило душу.

Надо бы, не теряя времени, плыть дальше, но пришлось задержаться, поджидая посланный на разведку «Сан-Антонио» с капитаном Мишкитой, верным другом Магеллана. Прошло шесть суток, а корабль все не возвращался. Тогда Магеллан оставил в условленном месте зажженный фонарь и записку, в которой говорилось, что флотилия вышла в море и будет следовать таким-то курсом, и три корабля Магеллана снялись с якоря.

А в это время «Сан-Антонио» плыл со всей поспешностью, на какую только был способен, в другую сторону, к берегам Испании. Мятежные моряки сместили верного Альвару Мишкиту, связали его, бросили в трюм и дезертировали. Вернувшись в Испанию, они оклеветали Магеллана, сказав, будто он вероломно умертвил знатных испанцев, чтобы передать командование своим соотечественникам. Об открытии пролива они умолчали, как и о том, что увезли с собой главные запасы продовольствия, сложенные в обширных трюмах «Сан-Антонио». Однако судьи без особого доверия отнеслись к словам дезертиров и отложили рассмотрение дела до тех пор, пока вернутся остальные. Мишкиту, впрочем, как и всех мятежников, они бросили в тюрьму, а жене Магеллана с маленькими сыновьями не разрешили покидать Севилью.

Магеллан, ничего не зная о черной измене и невзирая на голод, продолжает свое великое дело. Это было страшное плавание. Одинокие в безграничном океанском просторе корабли летели вперед при чудесной погоде, с попутным ветром, но на кораблях царили ужас и смерть. От сухарей остались крошки пополам с червями и крысиным пометом. Моряки сдирали со снастей обшивку из воловьей кожи, размачивали ее в воде и жевали. Ели опилки, ели крыс... Впрочем, крысы считались лакомством. Началась цинга.

...Больше трех месяцев моряки не видели ничего, кроме воды и неба, почти ничего не ели, пили тухлую воду. И неслись вперед и вперед! И когда наконец показался первый островок, они пришли в отчаяние: таким он оказался бесплодным и пустынным. Но вот вахтенный из своей бочки на высокой мачте закричал, что снова видит землю. Это был остров... А потом второй... Оба зеленые, веселые, это были острова, известные теперь под названием Марианских. Какое счастье: на обоих жили люди, здесь можно будет запастись продовольствием, пресной водой! Но жители острова, беспечные веселые дикари, подплывшие к кораблю на своих лодках с косыми парусами из пальмовых листьев, быстро и ловко взобрались на корабли Магеллана и стали таскать решительно все, что не было привинчено, приколочено или заперто на ключ. Они умудрились даже на глазах у всех стащить шлюпку! И Магеллану после неприятной стычки с ними пришлось убираться отсюда, пока еще не все было разворовано. И назвал он эти острова Ладронес, что значит в переводе Воровские!

Наконец моряки подошли к прекрасной цветущей земле, необитаемой, но богатой невиданными плодами и чистыми, прозрачными источниками. Магеллан приказал вынести больных на берег, сам ухаживал за ними, поил их соком кокосовых орехов; здоровые моряки охотились на диких свиней, и призрак голода отступил...

Когда больные поправились, а здоровые отдохнули, Магеллан приказал поднять паруса. И вот уже корабли плывут среди роскошных, неизвестных островов,— Магеллан назвал их Филиппинскими. Местные жители, еще незнакомые с европейцами, радушно и приветливо встречали испанцев, и Магеллан охотно поддерживал дружбу с ними.

Это было страшное плавание — на кораблях царили голод и смерть.

Магеллан был счастлив! Кроме Молукк, он нашел совсем еще неизвестные острова,— они, несомненно, украсят испанскую корону. Счастье, так мало знакомое Магеллану, переполняло его до краев. И на этом счастливом взлете оборвалась жизнь великого мореплавателя. Оборвалась нелепо, в ненужной стычке с одним князьком на крохотном островке. Этот князек не желал подчиняться могущественному соседу — султану большого острова Себу. И султан попросил помощи у Магеллана. Магеллан считал важным помочь ему, он был уверен в силе испанского оружия...

И погиб в стычке. Это было 27 апреля 1521 года.

Пал адмирал, к великой скорби своих друзей, к великому несчастью всей экспедиции, так и не доведя ее до конца. И Антонио Пигафетта, скорбя о потере, записал в своем дневнике:

«В числе других добродетелей он отличался стойкостью в величайших превратностях, какой никто не обладал. Он переносил голод лучше, чем все другие, безошибочнее, чем кто бы то ни было в мире, умел разбираться в навигационных картах. И то, что это так и есть на самом деле, очевидно для всех, ибо никто другой не владел таким даром и такой вдумчивостью при исследовании того, как должно совершать кругосветное плавание, каковое он почти совершил!»

Нет адмирала. И несчастья преследуют осиротевшую экспедицию. Султан острова Себу, из-за которого Магеллан ввязался в ненужную стычку, решил напасть на испанцев, захватить их товары, корабли и перебить людей. Жертвой коварного замысла стали Дуарти Барбоза, брат жены Магеллана, Хуан Серрано и многие другие моряки.

Долго блуждали спасшиеся среди путаницы островов на окраине Тихого океана, пока добрались до заветных Молукк. К тому времени из двухсот шестидесяти пяти человек экипажа осталось сто пятнадцать. Этого было недостаточно для трех кораблей. Один из них — «Консепсион» — пришлось сжечь. На острове Тидоре моряки

закупили пряности и набили ими трюм «Виктории». Флагманский корабль «Тринидад» и «Виктория» собирались вместе идти к мысу Доброй Надежды. Но неожиданно на «Тринидаде» была обнаружена сильная течь. Пришлось кораблям разлучиться. «Тринидад» с капитаном Гомесом Эспиносой и экипажем (пятьдесят семь моряков) после ремонта отправился к берегам Центральной Америки, в испанские владения, но не дошел туда, повернул обратно. Судьба моряков была ужасна. Они попали в плен к португальцам, и лишь через несколько лет Гомес де Эспиноса с тремя матросами, испытав нищенство и тюрьму, вернулся в Испанию. А остальным так и не суждено было увидеть родную землю.

Но Хуан Себастьян дель Кано, бывший среди мятежников в бухте Сан-Хулиан и прощенный Магелланом, доведет экспедицию до конца!

Справедливость требует признать, что дель Кано был хорошим моряком, решительным и смелым. Португальцы прослышали, что моряки Магеллана добрались до Молукк, и король Португалии приказал ни в коем случае не пропускать вокруг мыса Доброй Надежды испанские корабли. Об этом узнал дель Кано. И он осторожно пробирался окольными путями, не заходя в гавани, избегая роковой встречи с португальцами. А между тем ему нужно было и продовольствие и пресная вода. Опять начался на корабле голод. Моряки болели, умирали, из сорока семи человек уже осталось тридцать один. Положение безвыходное, и дель Кано пришлось рискнуть. Он вошел в гавань одного из островов Зеленого мыса и послал на берег шлюпку с матросами, строго-настрого запретив им говорить, кто они и откуда плывут. Шлюпка снует туда-обратно, моряки «Виктории» довольны, предвкушая сытную еду, и вдруг во время последнего рейса что-то произошло, и шлюпку задержали. Дель Кано, боясь разоблачения, спешно поднимает паруса, бросив на берегу и людей, и шлюпку, и продовольствие. Лишь через некоторое время по требованию испанского короля этих моряков отпустили на родину.

Между тем Антонио Пигафетта мучительно размышляет над одним странным случаем, который произошел

Жизнь великого мореплавателя оборвалась нелепо, в стычке на маленьком острове.

на островах Зеленого мыса. Матросы, которые сходили на берег, сообщили, что там четверг, а по календарю Пигафетты была еще среда. Чудеса! Что же он, ошибся? Пигафетта сверяется со штурманом Альбой, который тоже вел записки. Нет, у Альбы тоже среда. В чем же дело? Этого никто не мог понять. Впрочем, всем им было не до того, чтобы разгадывать секреты. Погода стоит плохая, бури, штормы; людей осталось мало, и приходится нести по две-три вахты подряд. И когда показались знакомые берега Сан-Лукар-де-Баррамеды, морякам не верится, что они дома, что без страха можно сойти на берег, можно свалиться на землю, можно заснуть спокойным, счастливым сном.

Спят восемнадцать измученных моряков. Спят крепко, без сновидений. Спит Антонио Пигафетта; он еще не знает, какое величайшее сделал открытие. Оказывается, потерянный день в его календаре открыл ученым тайну природы, о которой никто не подозревал: наша Земля не только шар, что доказала экспедиция Магеллана и о чем было, в сущности, известно еще в древности, но этот шар еще находится в постоянном движении вокруг своей оси. Вот почему, двигаясь все время на запад, моряки и летчики в своих бортовых журналах один день повторяют два раза подряд, когда пересекают линию перемены дат. И, напротив, при непрерывном движении навстречу солнцу, на восток, один день выбрасывают из календаря. Теперь это общеизвестная истина, а в те времена было великим открытием!

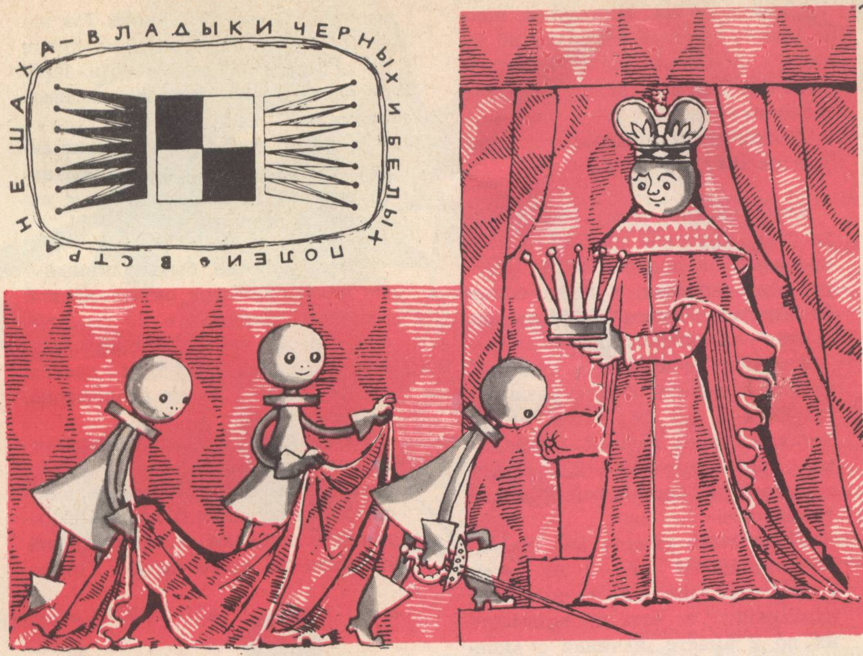
Да, плавание Магеллана открыло миру новые истины. Но к самому Магеллану судьба долго еще оставалась неблагосклонной.

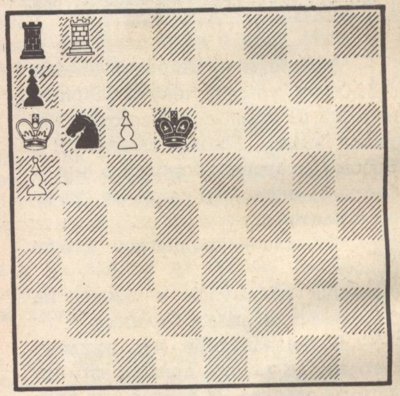
Дель Кано, капитан единственного уцелевшего корабля экспедиции, не потрудился оповестить Испанию, что победой своей он прежде всего обязан Магеллану. Ведь Магеллан совершил главное, Магеллан нашел пролив и не отступил перед голодом и смертью. И лавры победителя достались одному дель Кано. Пигафетта возмущен этим, и в своем кратком рассказе о великом плавании он в виде протеста ни словом не упоминает того, кто вел «Викторию» от Молукк до Испании.

Через два дня буксир приведет усталое судно «Викторию» из Сан-Лукар-де-Баррамеды в гавань Севильи. На берег сойдут восемнадцать моряков в длинных белых рубахах, с зажженными свечками в руках. Они пойдут в церковь Санта-Мария де ля Виктория, где когда-то под сенью шелкового королевского штандарта давали клятву верности. В одеждах кающихся грешников они принесут благодарность деве Марии за свое чудесное спасение. И улицы Севильи будут запружены народом. Но где же жена адмирала? Она скончалась. Скончались и ее сыновья, младшего Магеллан так и не увидел.

Моряки вступят под своды храма. Здесь три года назад они были все вместе — двести шестьдесят пять человек. Вернулось восемнадцать...

...А пока измученные моряки спят счастливым, крепким сном усталых людей. И гонец пришпоривает коня. Он мчится в Вальядолид к дону Карлосу, королю Испании, с доброй вестью: вернулись моряки Фернана Магеллана и в знак выполненного поручения, следуя обычаю рыцарских времен, хотят вручить перчатку своему королю... Но нет с ними многих товарищей... Нет и славного адмирала, кавалера ордена Сантьяго, благородного сеньора Фернана де Магеллана...

Почему Пешкин?

Недавно Пешкин получил письмо от челябинского школьника Вовы Акузина.

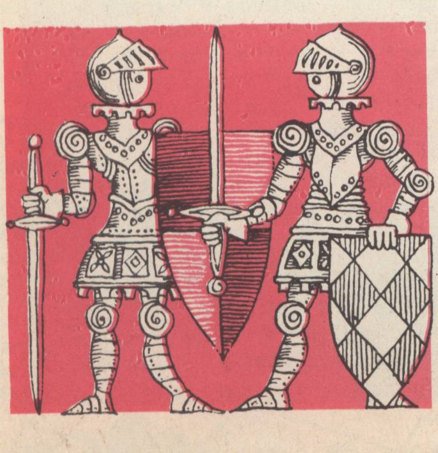
«Скажи, пожалуйста, Пешкин, почему у тебя такая фамилия? — спрашивает Вова.— Пешка ведь немного значит в шахматах. Был бы ты, например, Ладейкин или Ферзев. Вот это фигуры!»

Боюсь, что не одному Вове так кажется: эка беда, мол, пешкой больше, пешкой меньше...

Так ли это?

Конечно, нет! Не только в конце игры, где роль пешки особенно возрастает, но и в середине партии каждая пешка имеет важное значение.

А какая фигура может превратиться в другую, более сильную? Ладья всегда будет ладьей, а пешка в решающий момент может стать и ферзем, и ладьей, и конем...

Почти двести лет назад французский шахматист Франсуа Андре Филидор писал в своем учебнике шахматной игры:

«Пешки — душа партии. Только они создают атаку и защиту, их расположение решает участь поединка».

А как храбро сражаются пешки! Они никогда не отступают, не имеют права ходить обратно. И опытные шахматисты очень серьезно относятся к каждому ходу пешкой: сделаешь неудачный ход фигурой, еще есть возможность исправить ошибку, увести фигуру обратно, а ход пешкой уже не поправишь.

Представь себе: твой противник ведет атаку. Нападение на короля очень опасно, но ты упорно защищаешься и, наконец, отбиваешь атаку и выигрываешь далеко продвинутую пешку противника.

Это немалое приобретение. На турнирах мастеров партии с лишней пешкой у одной из сторон (конечно, при прочих равных условиях) чаще всего заканчиваются победой шахматиста, имеющего материальный перевес.

Про такие позиции говорят: здесь выигрыш — дело техники.

Вот какую большую роль играет в шахматах скромная пешка. Вот почему Пешкин доволен своей фамилией и не собирается ее менять.

А теперь посмотрите две занятные позиции, показывающие значение пешек (смотри верхнюю диаграмму).

В этом положении ход белых. Конечно, ничью здесь можно сделать без труда. Проверьте хотя бы такой вариант:

1. а5 : b6 Ла8 : b8 2. Кра6 : а7 Крd6 : с6 3. Кра7 : b8 Крс6 : b6.

Да, но как здесь выиграть? Очень хитрым способом.

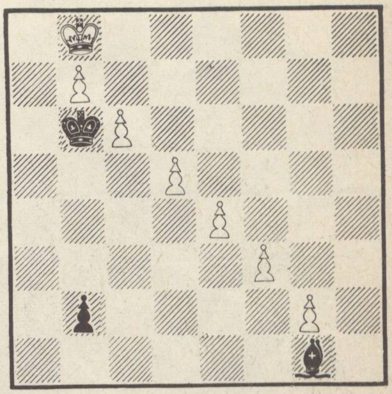
1. с6 — с7! Крd6 : с7.

Надо брать пешку, иначе после 2. Л : а8 К : а8 она превратится в ферзя, а если 1... Кс8, то просто 2... Крb7.

2. а5 : b6 + Крс7 : b8 3. b6 — b7!

Решающий ход пешкой приводит к удивительной позиции: у черных лишняя ладья, но они вынуждены уйти королем, и белая пешка, превратившись в ферзя или ладью, обеспечивает победу.

Очень интересна и следующая позиция.

Черная пешка готова превратиться в ферзя. Тогда дела белых будут очень плохи. Отважная цепь белых пешек приходит на выручку своему королю. Пешкам удается перехитрить грозного черного слона. Найдите сами, как в этом положении белые, начиная игру, добиваются ничьей.

— Девчонки! — закричал Алеша с балкона, увидев Лёку и Марину, идущих из школы.— Я сегодня Калинку видел! Около школы. Я с Бобом Сухаревым боролся, а она — фьють — около, ни слова не сказала и улетела.

— Сказала,— процептал кто то рядом.

Алеша обернулся и увидел на балконных перилах Калинку.

— Я сказала тебе, что прилечу сегодня, да ты так дрался, что ничего не слышал. И сейчас вот кричишь на всю улицу. С таким крикуном я дружить не хочу. У тебя и радио так кричит, словно ты глухой и живешь в пустыне. Послушай!

Алеша прислушался. Ужас! Побежал, выключил радио, вернулся на балкон — нет Калинки. А на перилах записка лежит: «Подожди и подумай».

Прочитал Алеша записку, сел на скамейку и будто прирос к ней — хочет встать и не может. Так и просидел часа два.

А когда наконец смог подняться, сразу побежал к девочкам. Тихонечко позвонил. Пустят или нет? Пустили. Тихонечко в кресло сел и стал смотреть, что они делают. Но никак не мог догадаться, пока в Лёкину красную тетрадку не заглянул. Все стало ясно: Лёка шьет кепочку, Марина вяжет берет, а Калинка — шарф.

Алеше они разрешили кисточки для шарфа делать.

Берет можно вязать из любой толстой крученой шерсти. Очень красивый он получается из мохера. Для вязания нужны спицы № 3, размер берета 53—55 см, рисунок — английская резинка.

В основу набираете на спицу 80 петель и вяжете ободок резинкой шириной в 0,5 см. Затем между петлями, через равный промежуток, прибавляете 10—12 петель и вяжете берет английской резинкой 15 см.

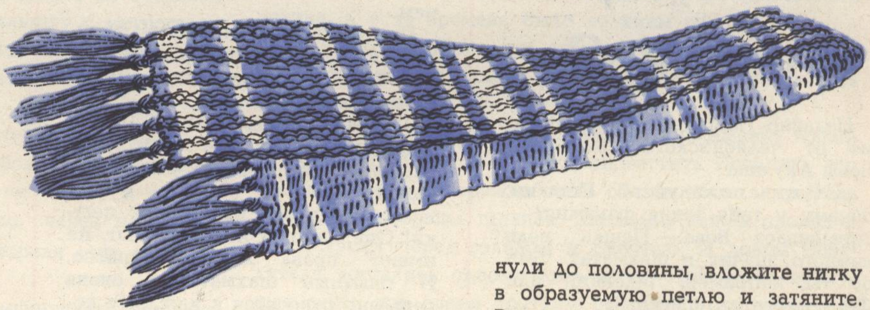
После этого вяжете дно. Вначале резинкой 1×1 — 2 см, затем количество петель уменьшается наполовину, то есть провязываете их по 2 вместе, начиная с лицевых петель. После этого вяжете 1 см чулочного вязания, то есть с лицевой стороны налицо, а с изнанки наизнанку, и снова петли уменьшаете наполовину, провязываете по 2 вместе налицо. Так вяжете до тех пор, пока на спице не останется 10—12 петель. Пропускаете в них нитку и затягиваете петли.

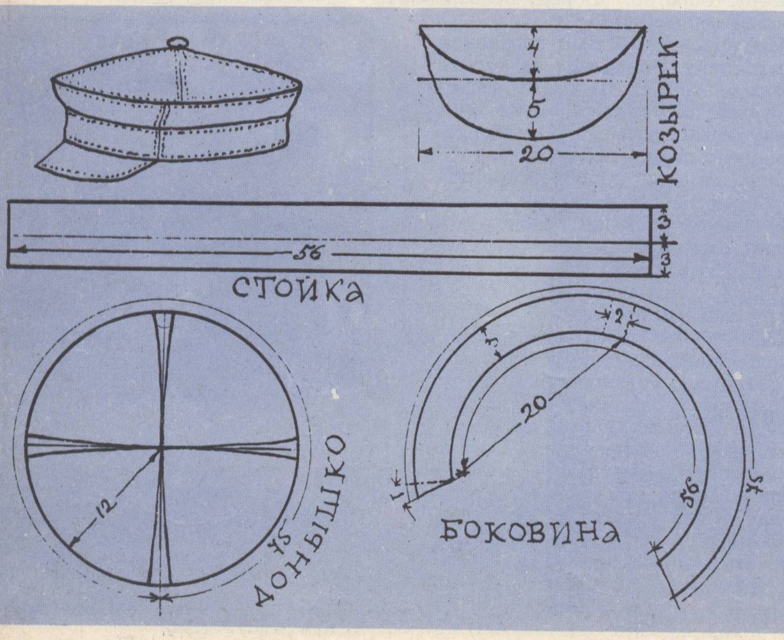
Для того чтобы берет плотно сидел на голове, в ободок проденьте резинку. Сшиваете берет с изнаночной стороны.

Шарф должен быть длинный— 1,5 метра. Вяжется он английской резинкой шириной в 20 см, длиной 90—100 см. Лучше всего вязать из ниток двух-трех цветов, распределяя полоски равномерно.

Кисти надо делать так: нарезаете нитки длиною 12—14 см. Затем берете три-четыре нитки (в зависимости от толщины ниток), складываете пополам и протягиваете крючком по краю шарфа. Протянули до половины, вложите нитку в образуемую петлю и затяните. Расстояние между кистями — 0,5— 1 см.

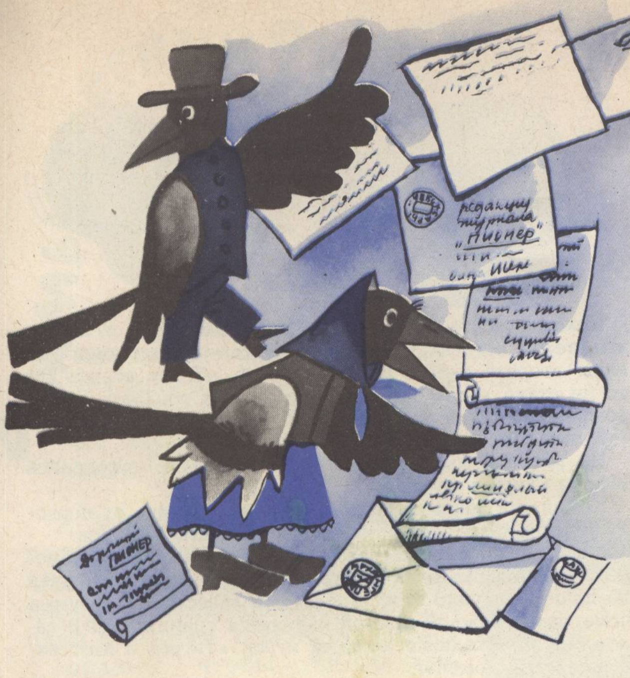

Кепочку шить несложно. Сначала сделайте выкройку из газеты. Сколов все детали булавками, примерьте.

Потом сложите вельвет и саржу вместе и скроите по долевой нитке. Подкладка делается из двух деталей — донышка и боковины — и пришивается к верхнему краю стойки, козырек и стойка кроятся двойные, подкладка им не нужна. Но нужна прокладка — для козырька коленкор, а для стойки — полоска мягкого картона, простроченного вместе с полоской коленкора. Боковинку к донышку тоже ставим на коленкор, а донышко делаем одинарное из четырех или шести клиньев. Размеры на чертеже указаны без припусков на швы. Строчку ведите ровно, без зигзагов и путаницы.

Клуб Сорок Сорок

Заседание сорок записал Вадим ЛЕВИН.

Рисунки А. БОРИСОВА.

Уважаемые члены клуба! Сегодня мы опять воспользуемся нашим знаменитым озвучивающим порошком.

— УРРА! — закричали уважаемые члены клуба.

— Наконец-то я узнаю, чем **линючий** отличается от **линялого**,— обрадовалась сорока Непонимайка и посыпала порошком конверт со штампом «Архангельск».

— Я каждый раз с нетерпением жду очередного выпуска журнала,— услышали сороки голос третьеклассницы Марины Бакаловой.— Особенно мне нравится клуб «Сорок сорок», и я хочу ответить на вопросы Всезнайки. Задание первое: слово **линючий** употребляется в значении **ленивый**, а слово **линялый** — утративший цвет после стирки.

— Погоди, погоди! — остановила Марину Всезнайка.— Послушай-ка, что мне написала Галя Рязанова из города Чебоксары:

— Уважаемая сорока Всезнайка! Извините, что пишу вам поздно, но я получила журнал только сегодня в 19.00. **Линючий** — легко линяющий; **линялый** — полинявший после стирки, выцветший.

— Ничего не понимаю, так что же означает **линючий: ленивый или легко линяющий?** А может быть, это все равно, что **линялый?** — затараторила Непонимайка, но в это время раздался голос москвича Олега Шереметьева (бабушка Белобока посыпала порошком его письмо):

— Я собираюсь писать письмо о словах-шалунах и ставить этих шалунов на место, но боюсь, как бы они не пробрались в мое письмо,— откровенно признался Олег.— Я не вижу разницы между словами **линючий** и **линялый**, и в этом мое сходство с Непонимайкой.

Тридцать девять сорок засмеялись, а одна спросила:

— Почему все смеются?

— Но в отличие от нее,— продолжал Олег,— я могу ответить на второй вопрос, а также и на третий.

— Ага! Ага! Он похож на меня! — запрыгала та, которая не смеялась.

— И вовсе не похож! — возмутилась сорока Несмеяна.— Во-первых, ты не понимаешь шуток, а Олег подшучивает даже над самим собой. Во-вторых, он в отличие от тебя и в самом деле прекрасно ответил на второй вопрос, а также и на третий.

— Но как же быть с первым? — не унималась Непонимайка.

— Первый вопрос действительно трудный,— ответила Белобока.— Я прочитала все письма ребят и увидела, что не одна Марина спутала слова **ленючий** (так говорят об очень ленивом человеке) и **линючий** (так говорят о материале, который легко линяет). Зато послушайте, как хорошо ответила Марина на третий вопрос:

— Вика Сороченко сказала: «Я **одеваю** валенок». У нее получилось, будто она наряжает валенок в разную одежду. Над ней подшутили слова **одеваю** кого-то и **надеваю** что-то на себя.

— Я согласна: Марина молодец, но как быть с первым вопросом? На него кто-нибудь ответил правильно?

— Конечно! Вот послушайте, что написал Саша Ромаш из Орла:

— **Линючий** и **линялый** по происхождению одинаковые, но по смыслу разные. **Этот материал линючий** — означает **теряет цвет, когда его положишь в воду.** Этот материал **линялый — уже полинял, потерял свой цвет.**

После этого выяснилось, что с Сашей и Галей Рязановой согласны Марина Кудряшова из Ликино-Дулева, Московской области, Олег Тимофеев и Лена Михайлова из Липецкой области, Лена Корец из Львова, Валерий Гинзбург из Гомеля, Миша Бородин из Риги, Наташа Фокина из Северодвинска, Камилла Трубуанинова из Феодосии, Марина Ветер из Чернигова и еще семьсот тридцать два человека. Семьсот сорок третьим Белобока озвучила письмо Гали Калядиной из города Орска.

— **Линючей** называется ткань, на которой не держится краска, а **линялыми** могут быть и сороки, когда перья выпадают...

— Ну, об этом можно было бы и не напоминать,— обиделась сорока Щеголиха.— Давайте лучше послушаем ответы на второй вопрос. Как там ребята поставили шалунов на место?

— Включаю письмо из Оренбурга от Иры Примак. Послушайте, какие она заметила ошибки в сочинении Вики Сороченко.

«Нужно вместо **гончий** автомобиль писать **гоночный**, а вместо **гоночный** пес — **гончий. Студенистым** бывает холодец, а ветер **студеный. Горделивой** может быть походка, собака **гордой.**

— И вид у собаки не **хищнический** и не **воинствующий**, а **хищный** и **воинственный**,— подхватила Таня Лондо из Заполярья.— Капли не могут быть **дождливые**, они **дождевые**, а вот погода может быть только **дождливая**, а не **дождевая.** Нужно было написать **зарево пожара, а не пожарища**, потому что **пожарище** — это то, что осталось после пожара. Становится **боязно**, а не **боязливо.** Дорога **опасная**, а не **опасливая.**

— Стекло не **лобное** и не **ветряное**, а **лобовое** и **ветровое**,— вставляет Таня Цупрова из Харькова.— Нужно было написать не «**скрытный** за кустами домик», а **скрытый.** Это характер **скрытный.** Труба **дымовая**, а кот может быть **дымчатым.** Еж **домашний**, а не **домовой.** Суп **луковый; луковичными** бывают только растения.

— А пироги **масленые**,— добавил знакомый голос.

— Верно подметил Олег Шереметьев,— согласилась Всезнайка,— **масляными** бывают краски. Ну что же, ребята, спасибо всем, кто нам написал. Надеюсь, что вы легко справитесь с моим следующим заданием: чем различаются близнецы; **спящий, сонный, сонливый.**

— Наше время истекло,— сказала Белобока.— Заседание закрывается.

ГОЛ!

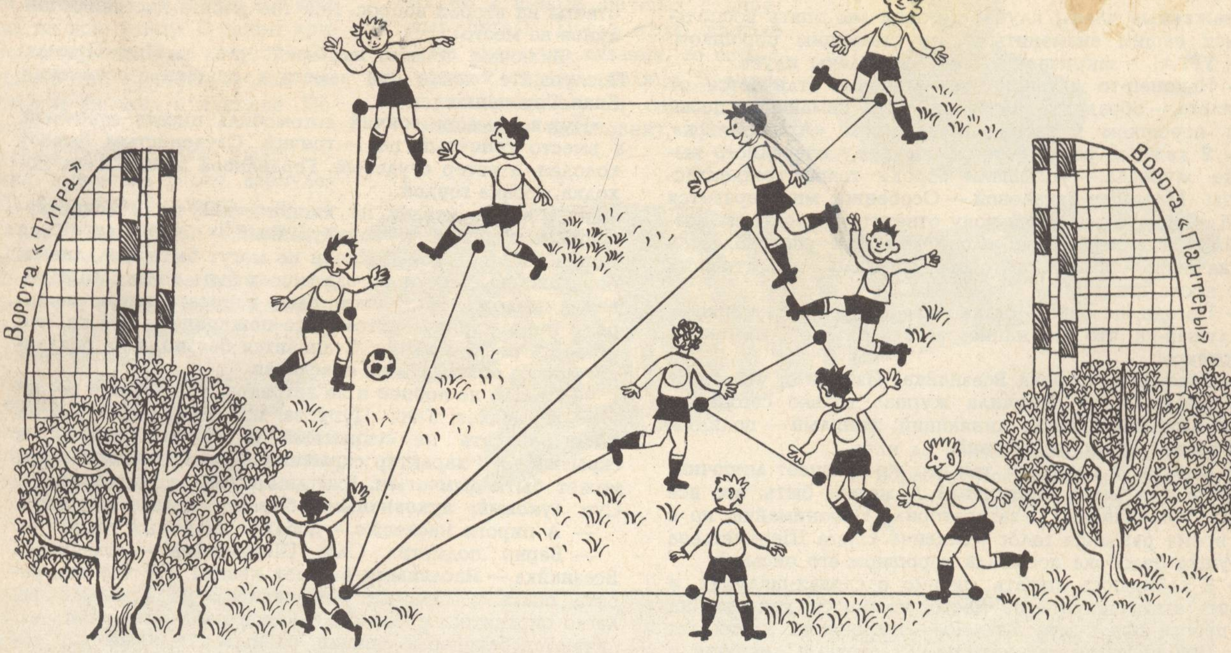

Исход футбольного матча между командами «Тигр» и «Пантера» оставался неясным до самой последней минуты второго тайма. Счет был 1 : 1. «Тигр» во что бы то ни стало хотел одержать победу. За тридцать минут до финального свистка судьи футболисты организовали мощный прорыв.

На рисунке вы видите, в каком порядке находились игроки «Тигра» на поле.

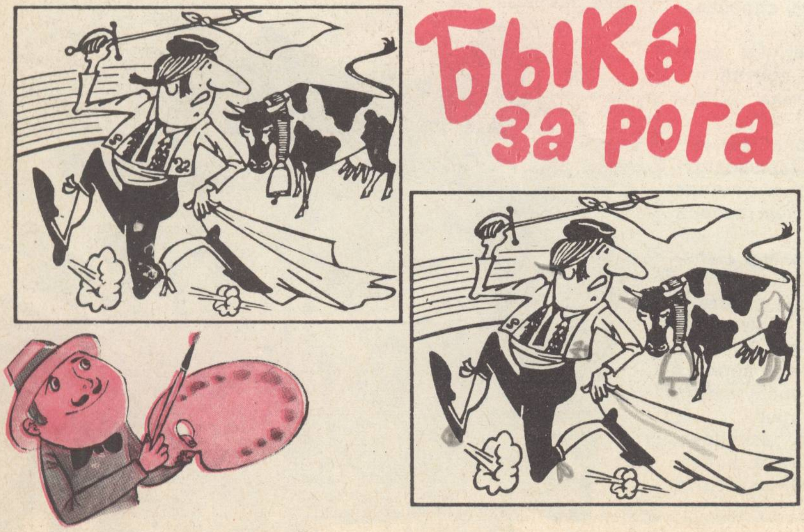
Команда «Тигра» играла в основном составе от первого до одиннадцатого номера, без запасных игроков.

Решающий гол был забит футболистом под номером 7. Могли бы вы показать, каким кружком обозначен на нашем рисунке этот игрок, если известно, что сумма номеров на каждой прямой равняется тринадцати? В каком месте находился каждый игрок «Тигра» в этот напряженный момент?

Рисунки А. БОРИСОВА.

Быка за рога

Я написал стихотворение «Тореодор»:

Безумно смел тореодор.
Как сталь, тверда его рука,
И устремлен горящий взор
На разъяренного быка.

Мой друг художник нарисовал к этим стихам картинку. Я раскритиковал его рисунок, и художник обещал все переделать. Он действительно внес двенадцать изменений. Но иллюстрация все равно мне кажется не очень удачной. Не могли бы вы, как говорится, «взять быка за рога» и найти двенадцать несовпадающих деталей?

Кто самый лёгкий?

сообщение Живживки — нашего лесного корреспондента

1. Посмотрите, какая красивая птица лебедь. Видите, как искусно пользуется он своими крыльями и лапами, чтобы плавно опуститься на воду после полета.

2. А вот таким он был, когда весною только что вылупился из яйца. Мать в тревоге: все птенцы уже появились на свет, а один так и не может собраться с силами, чтобы проклюнуть скорлупу.

3. Наконец-то можно со всеми шестью малышами поплавать по озеру и покатать их на своей широкой спине. Мать знает, что все ее детеныши весят одинаково. Только один, тот, который вылупился последним, чуть-чуть полегче.

Если бы у вас были весы с двумя чашами, могли бы вы всего за два приема выяснить, какой из лебедят самый легкий?

ПОЛУЧИТЕ ПЯТЁРКУ!

Чтобы войти в „Ума палату", наберите еще четыре слова, передвигая вверх и вниз ленты, вставленные в СПУ (специальное пропускное устройство)

ОТВЕТЫ НА ЗАДАЧИ ИЗ № 9

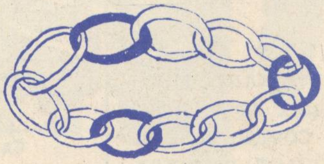
Разыскиваются гласные и согласные

Если вы сумели разыскать гласные и согласные и расставили их по местам, у вас должно получиться вот что:

1. КОКОН	2. ПЕСОК
ОТАРА	ЕГОЗА
КАЗАК	СОВЕТ
ОРАВА	ОЗЕРО
НАКАЗ	КАТОК

Получите пятерку!

Проверьте себя. Такие слова у вас получились?
Школа, каска, калач, кулак, океан.

Волшебный браслет

Нужно разрезать три звена в одном куске и соединить три других куска, как показано на рисунке.

Кто утащил грибы?

Грибы утащила сорока, потому что:
1. Если хорек утащил грибы, то правдивы слова лисицы, хорька, дятла и сороки.
2. Если грибы утащил заяц, то правдивы слова волка, зайца, ласки и медведя.
3. Если виноваты лиса, волк, ласка, медведь, дятел или еж, то правдивы слова волка, дятла, сороки и ежа.
4. Если сорока утащила грибы, то правдивы только три ответа — волка, ласки и дятла.

(контрольные)

● Король может пойти на одну клетку вниз, или влево, или влево-вниз по диагонали. Остальные условия — как в игре «Одинокий ферзь». Как играть? Какая игра с камнями соответствует этой?

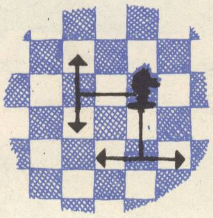
● В № 2 была игра «Кто первым назовет число 100». Подумайте, как изобразить ее в виде игры на шахматной доске.

А вот эту задачу прошу уважаемого Икса включить в его конкурс:

ХОД КОНЕМ

Ходить конем можно на две клетки вниз и потом на одну клетку вправо или влево или на две клетки влево и потом на клетку вверх или вниз. Остальные условия — как в игре «Одинокий ферзь». И вопросы те же (см. № 9).

Ответы на конкурсные задачи из № 9.

голос из зазеркалья

— Когда я употребляю какое-нибудь слово,— сказал Шалтай-Болтай довольно презрительно,— оно означает только то, что я хочу, чтобы оно обозначало,— ни больше ни меньше.

не может быть...

Витя Иванов мог рассуждать так:

— Докажу от противного. Принесу в класс много длинных веревок. Попрошу каждых двух друзей взять в руки по концу веревки, соединяющей их. Тогда у каждого из 35 ребят будет в руках 11 концов веревок. А всего в классе $35 \times 11 = 385$ концов. Но у веревки два конца, и общее число концов тоже должно быть четным. Вот и противоречие.

СОДЕРЖАНИЕ

●

●

Адрес для писем: Москва, А-15, ГСП, Бумажный проезд, 14, 11-й этаж. Телефон 253-30-73.

Рукописи не возвращаются.

Технический редактор **В. П. Назарова.**

Сдано в набор 30/VII 1970 г. А 00134. Подписано к печати 3/IX 1970 г. Формат бумаги 84×60 1/8. Объем 9,33 усл. печ. л. 11,24 учетно-изд. л. Тираж 1 285 000 экз. Изд. № 1995. Заказ № 2158.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. Москва, А-47, ГСП, ул. «Правды», 24.

ЕРАЛАШ

Заяц светит мышке в норку,
Лягушонок пьет касторку.

Бедный Вова ловит мух,
Месяц прыгнул под лопух.

Утка спит в пустом стакане,
А корова на диване.

Ест Сережа камыши,
Ложка крякает в тиши.

Телевизор удит рыбу,
Дед вспорхнул и сел на глыбу.

Чиж купил пальто и зонт,
Строгий дядя сдан в ремонт.

Это что за ералаш?
Заточите карандаш!
Я приказываю вам
Всё расставить по местам.

ДЕД БУКВОЕД

Рисунок А. БОРИСОВА.

Цена 25 коп.
Индекс 70694.